

**РУССКИЙ
ПУТЬ**
НА РУБЕЖЕ ВЕКОВ

Издается
с 2003 года

Зарегистрирован
Министерством
Российской Федерации
по делам печати,
телерадиовещания
и средств массовых
коммуникаций.
Свидетельство
о регистрации
ПИ № 77-17964
от 8 апреля 2004 г.

*Литературно-художественный,
общественно-политический
и научно-популярный
журнал современных писателей
Центральной России*

№ 1 (6)/2005

Тираж бумажной версии 800 экземпляров.

Учредитель и издатель:
общество с ограниченной ответственностью
«Редакция газеты «Губернские вести».

Журнал выходит в свет 4 раза в год
и поступает во все областные
и центральные районные библиотеки
9 регионов Центральной России —
Ярославской, Костромской, Ивановской,
Владимирской, Рязанской, Тульской, Калужской,
Смоленской и Тверской областей.

Адрес редакции: 150000, г. Ярославль,
ул. Революционная, 28, 1-й этаж.
Телефоны редакции:
(0852) 72-74-52 (гл. редактор), 25-99-60
(отдел подготовки рукописей, после 18.00).

Редакция не вступает в переписку
с читателями, не рецензирует
и не возвращает присланные рукописи.
При перепечатке ссылка
на «Русский путь на рубеже веков»
обязательна.

© ООО «Редакция газеты
«Губернские вести», 2005.

Главный редактор

Евгений ЧЕКАНОВ,
член Союза писателей России

**Редакционная
коллегия:**

Николай СМЕРНОВ,
член Союза российских писателей;
Тамара ПИРОГОВА,
член Союза писателей России;
Андрей ВАСИЛЬЧЕНКО,
кандидат исторических наук.

Ярославль

Андрей Васильченко

Загадка Сталина

*Ходил он от дома к дому,
Стучась у чужих дверей,
Со старым дубовым пандури,
С нехитрою песней своей.
А в песне его, а в песне –
Как солнечный блеск, чиста,
Звучала великая правда,
Возвышенная мечта.
Сердца, превращенные в камень,
Заставить биться сумел,
У многих будил он разум,
Дремавший в глубокой тьме.
Но вместо величья славы
Люди его земли
Отверженному отраву
В чаше преподнесли.
Сказали ему: «Проклятый,
Пей, осуши до дна...
И песня твоя чужда нам,
И правда твоя не нужна».*

Иосиф Джугашвили

Флорентийский муравей, ползая по Давиду, высеченному великим Микеланджело, видит только щербинки и выбоины. Лишь человек, отошедший на несколько метров, в состоянии узреть гениальное творение во всем его величии... Эта мысль пришла мне в голову в недавние, юбилейные для современных сталинистов дни – когда исполнялось 125 лет со дня рождения их кумира. Не похожи ли и мы, оценивая сталинскую эпоху и личность Сталина, на таких вот муравьев, – подумалось мне, – в состоянии ли мы сегодня произнести адекватное суждение об этой эпохе и этой личности?

Андрей Вячеславович Васильченко родился в 1975 году в Ярославле. После окончания школы поступил на исторический факультет Ярославского государственного университета имени П.Демидова, который и окончил в 1997 году. Поступив в очную аспирантуру этого вуза, трудился над кандидатской диссертацией по теме «Школьная политика германского национал-социализма», выезжал в Германию для работы в немецких архивах. В 2001 году, успешно защитившись, получил степень кандидата исторических наук. Представитель ярославской школы германистики (характеризующейся, прежде всего, интересом к социальной проблематике), автор ряда научных публикаций. В 2004 году в Москве вышла в свет его первая книга «Между дуче и Гитлером».

В студенческие годы представлял в регионе интересы Молодежной партии России, был председателем общественного объединения «Лига патриотической молодежи Ярославской области». Работал ведущим специалистом организационно-информационного управления мэрии г. Ярославля, специализируясь на связях с общественно-политическими объединениями и религиозными организациями. В настоящее время – главный специалист управления информационной службы мэрии г.Ярославля.

Живет в Ярославле.

Сам не будучи сталинистом, я, однако, не отношу себя и к той когорте записных демократов, которые видят причину всех бед, постигших нашу Родину в минувшие полвека, именно в этой роковой фигуре. Слава Богу, подобные истерики уже уходят в прошлое – и можно, наконец, попытаться разобраться в проблеме, не опасаясь прослыть врагом народа. И, прежде всего, стоит оглядеться вокруг и прислушаться к мнению того же народа: что он сегодня думает о Сталине? как оценивает его?

Справедливость требует признать, что от жирного креста, поставленного на «кремлевском горце» в лихие годы перестройки, ныне ничего не осталось. Тиран, убийца, деспот? Все это так... но тогда почему же не прошло и полутора десятков лет, как прилавки книжных магазинов оказались заваленными литературой о нем, причем, литературой, далекой от разоблачительных вердиктов? Увидевшая свет в эти годы «сталиниана» по объему своему уже чуть ли не равна «лениниане» советской эпохи, с той только разницей, что сейчас эти произведения пишутся и издаются вовсе не по указке ЦК – единственным фактором, обусловившим их появление, является живой интерес читающего народа к фигуре Сталина. И интерес этот книгами не ограничивается: давно уже мы не смущаемся и не удивляемся, когда слышим в общественном транспорте: «Эх, Сталина на них нет!», «При Сталине такое было бы невозможно». Причем, слова эти произносят люди отнюдь не «коммунистического возраста».

Итак, Сталин вновь востребован, хотя говорить о возрождении политического сталинизма сегодня нелепо – эта фигура давно уже стоит за рамками политической истории. Нынешнее возрождение «отца народов» носит, на мой взгляд, принципиально иной характер, а именно, религиозно-мистический. Сталин на наших глазах воздвигается в народной памяти как заполнитель некоей пустовавшей доселе ниши. Но что это за ниша? Как определить ее параметры, причины появления?

Вопрос этот чрезвычайно сложен и достоин отдельного рассмотрения. В рамках данного текста представляется достаточным привести несколько если не общепринятых, то весьма распространенных суждений, логически связанных друг с другом. Коротко говоря, если мы признаем, что народ является живым организмом, а не набором индивидуумов, независимых друг от друга, не «собранием атомизированных сущностей», то должны констатировать, что у этого организма есть какие-то задачи. Первоочередные – это задачи выживания, задачи продолжения рода. Но есть и сверхзадачи – это то, к чему тянется любой организм, о чем он мечтает, то, к чему он возвращается сразу же после того, как удовлетворяет насущные потребности. Одна из важнейших таких задач – строительство империи, империи не как некоей сверхдержавы, а как земной проекции «царства небесного», или, как выражался Платон, «идеи». Для осуществления этой идеи необходим некий строитель – и в рамках народного сознания этот строитель всегда имеет три ипостаси: героя, жреца и царя.

Стоит обратить особое внимание на эту троичность, пронизывающую историю всех земных народов. Заложенная в самой логике человеческого мышления (тезис-антитезис-синтез, по Гегелю), она находит высшее воплощение в троичности Божества (Дух-Отец-Сын), опускается до открытий Пифагора о священности триады и ее символа, треугольника, прорывается, то там, то здесь, в мифах всех народов. Русский народ, с его легендами о Триглаве и о трех богатырях – не исключение, а подтверждение этого тезиса. «Троичность» субстанции, способной принести народу избавление от бед (то бишь, построить Царство небесное на земле) ясно читается даже в строчках «Интернационала»:

Никто не даст нам избавленья –

Ни бог, ни царь и ни герой...

Ну, до Бога, как известно, высоко – на земле его функции всегда выполняет жрец. Но в итоге перед нами все та же триада, те же три ипостаси того, кто призван осуществить вышеназванную сверхзадачу. Именно они-то, на мой взгляд, и составляют сущность той ниши, которая живет в тайниках народного сознания – и веками ждет прихода того, кто способен ее заполнить.

Герой. Русский народ всегда любил героев. Правда, в его массовом сознании приживались совсем не те персонажи, какие хотели там видеть власти, нередко народ ставил знак равенства между героем и разбойником. В оценке народом Степана Разина и Емельяна Пугачева «лихое», разбойничье начало отступало на второй план, они рисовались в первую очередь народными защитниками, такими Робин Гудами.

Этому требованию Иосиф Сталин вполне удовлетворяет. Как и полагается народному герою, он вышел из низов, отец его был простым тифлисским сапожником. Как и полагается герою, Иосиф был лишен детства и его простых радостей, совершал в молодые годы с такими же, как он, сорвиголовами, бандитские, как мы сказали бы сейчас, налеты на тогдашних «богатеньких буратин». И не только на них: вошедшая во все учебники криминалистики (кроме советских) экспроприация Тифлисского отделения Государственного банка России 13 июня 1907 года обеспечила большевиков деньгами на долгие годы. В ходе этого налета было убито и ранено 50 человек. Ну, разве не герой?

Дабы отделить своих героев от обычных душегубов, народ всегда облачает их в романтические одежды. В случае со Сталиным это совсем просто сделать: знаток грузинской поэзии, он был известен на Кавказе как талантливый поэт – и лишь потом, как революционер.

Еще одна отличительная черта мифологического героя – обязательное путешествие на край света и возвращение оттуда в целостности и сохранности. Здесь у Сталина тоже все в порядке: за свою боевую молодость он шесть раз был арестован и шесть раз был отправлен в ссылку. Пробы в ссылке от силы месяц-два, он почти всегда успешно бежал... куда тому же Ленину до такой биографии! Бомб не взрывал, из револьвера не палил, знай себе брошюры писал в Германии и Швейцарии. Совершенно не мифологический герой. А вот Иосиф Виссарионович – герой натуральный, без примесей.

Жрец. В народных мифах и легендах жрец – очень непростая, во многом противоречивая персона. Если герой борется с внешним злом, то жрец обречен на внутреннюю, невидимую брань. Он может и ошибаться, может идти по ложному пути, но в итоге ему все равно предстоит обрести Истину.

Чтобы увидеть в Сталине жреца, достаточно обратиться к некоторым, слегка позабытым фактам. К Богу он, подобно многим святым, пришел не сразу – изгнанный из семинарии, Иосиф Джугашвили долгое время, как известно, считал себя атеистом. Более того: он запечатлел свою богоборческую деятельность в символической, которую при всем желании трудно назвать христианской – по личному настоянию Сталина в 1918-1922 гг. пятиконечная звезда (пентаграмма) стала охранным знаком не только Красной Армии, но и всего Советского государства. Именно Сталин «протащил» пятиконечную звезду вначале в герб Грузии, затем в герб Закавказской социалистической республики, а затем и в герб СССР. А вот Ленин, как известно, был принципиально против использования военных символов в качестве эмблем социалистического государства. Стоит добавить, что в годы войны Сталин разработал систему салютов, которая, во-первых, кардинально отличалась от традиционной, международной, а во-вторых, была построена на только ему известных, им изобретенных числовых принципах.

Эти факты позволяют назвать Сталина чуть ли не главным мистиком социалистической республики. Понимал ли он сам это? Как знать...во всяком случае, его партийная кличка («Коба») в переводе означает «волхв», «предсказатель», «мистик».

Где жрец, там и жертвы. И такой жертвой стал для Сталина народ России. В отличие от деяний многих мифических персонажей, жертвоприношение Кобы было отнюдь не бескровным: на заклятие во времена коллективизации и ГУЛАГа были отданы сотни тысяч людей. О мистическом смысле этой жертвы судить трудно, но мне приходилось встречать в печати утверждения, что это – плата за разрушение империи и убийство царствующей семьи, и что после ГУЛАГа русский народ «очистился». Такой взгляд, безусловно, обеляет Сталина, делает его всего лишь «орудием высших сил» – но воздадим должное царствующей демократии: сегодня за публичное высказывание подобных версий

за колючую проволоку не сажают и ногтей в подвалах не рвут. Следовательно, и эту версию безбоязненно можно рассматривать в качестве «рабочей».

Однако, вернемся к жреческой функции нашего героя. Подобно другим мифологическим жрецам, он просто обязан был однажды встать на Истинные позиции, совершить Истинное жреческое деяние. И совершил, восстановив на подведомственной ему территории Православное Патриаршество. Впервые за 300 лет (если не считать скоротечного правления Патриарха Тихона) Россия обрела Главу Церкви – и не чиновника, вроде обер-прокурора Святейшего Синода, а Истинного Предводителя, облеченного мистической властью над душами православных мирян. Именно с этого момента, говоря словами Патриархов Сергия и Алексия, Сталин стал «богоданным» вождем, что вполне соответствует жреческой функции – ведь один только жрец является, согласно традиции, не просто исключительным, избранным, но и богоугодным. Не зря ни один из лидеров Советского государства, кроме Сталина, не удостоился после своей смерти пения «Вечной памяти» в православных храмах...

Образ Сталина как жреца еще более укрепляется фактом, в котором одни склонны видеть волю слепого случая, а другие – волю Божью. Речь идет о религиозно-мистическом безбрачии, присущем жречеству. Как известно, ни один из двух браков Иосифа Виссарионовича не был удачным: первая жена умерла от туберкулеза, вторая – застрелилась (кстати, по странному стечению обстоятельств, обе супруги Сталина ушли из жизни 9 ноября). Это вынужденное безбрачие роднит его с двумя не менее могущественными персонажами российской истории – Иваном IV и Петром I.

Царь. Общеизвестно, что Иосиф Виссарионович всегда питал симпатии к Ивану Грозному и Петру Великому: не зря именно во времена его правления были сняты эпические киноленты об этих исторических деятелях. Сталин чувствовал себя во многом сродни им – великим и ужасным создателям новых царств, не претендующим на канонизацию и не брезгающим запачкаться в людской крови, силком ведущих свою страну вперед, невзирая на жертвы. Он вполне отдавал себе отчет в том, что способы достижения целей у этих властителей были донельзя свирепыми, немилосердными – и в одном из своих выступлений даже подчеркнул это, заявив: особенностью реформаторской деятельности Петра I было, дескать, то, что ему, к сожалению, пришлось бороться с варварством и отсталостью в стране не цивилизованными, а варварскими методами. Как и они, Сталин считал, что цель – великая империя, построение Рая на земле – вполне оправдывает средства.

Владеющие партийным новоязом современники называли его «вождем», но на харизматического вождя масс, типа Муссолини, Гитлера или Мао, Сталин не походил совершенно. Даже внешне – он никогда не потрясал кулаками, как дуче, не извергал потоки громогласных проклятий на головы своих противников, как фюрер, не сыпал псевдофилософскими фразами, как великий кормчий. Сталин не вел за собой, он правил. Правил, как полновластный монарх, что сразу же заметили за рубежом: не зря именно оттуда проникли в наш понятийный аппарат такие, казалось бы, странные словосочетания, как «красный монарх» и «советская империя». А в народное сознание он мгновенно вошел как царь, как мистическое воплощение верховного правителя.

Процесс восхождения на престол таких правителей в народной мифологии, как правило, сопровождается некими кровавыми столкновениями: в основании почти каждого царства, начиная со времен Ромула и Рема, лежит, как утверждает предание, кровавая «строительная» жертва. Русская история дает массу подтверждений этому правилу: Юрий Долгорукий рубит голову боярину Кучке на месте основания Москвы, Дмитрий Донской уничтожает первых строителей Кремля, Петр кладет на алтарь государства несчастных строителей Петербурга... Взорванный храм Христа Спасителя продолжает эту традицию, обломки его, рушась с высоты, ложатся в фундамент построения новой, невиданной ранее в мире, империи Сталина. И еще в большей степени соответствует архетипу царя другая жертва: его собственный сын. Если традиционная жертва, положенная в основание града,

уникальна и дорога (как всякая человеческая жизнь), то насколько же уникальней и дороже должна быть жертва, положенная в основание целого царства! Здесь простой человек не подходит, жертвой обязан быть либо сам царь, либо царь будущий, царевич.

И здесь Сталин вполне продолжает традицию взаимоотношений русских царей с собственными сыновьями: смысл застывшей в народной памяти сцены убийства Иваном Грозным сына Ивана, запечатленной знаменитым живописцем, плавно перетекает в сцену пыток Петром царевича Алексея, а затем – в сцену отказа Сталина поменять пленного Якова Джугашвили на пленного Паулюса. И совершенно не важно, произносил ли в реальности Сталин знаменитую фразу «Я фельдмаршала на рядового не меняю». В памяти народной отложился смысл сцены: во имя империи красный монарх поступился собственным сыном, принес самую дорогую жертву.

Все сказанное справедливо и для периода окончания царствования. В мифах великие правители почти никогда не доживают до собственной старости, часто их убивают заговорщики, возможна и символическая казнь царя. Посмертные злключения Сталина, будь то «развенчание культа личности» или многочисленные легенды об убийстве его заговорщиками, очень удобно ложатся в нишу традиционного сюжета.

Именно из таких «кирпичиков» и складывается каждый из элементов архетипической триады, воздвигающих в глубинах народного сознания мощное сооружение, способное противостоять любой критике. Курбский в своих посланиях привел десятки убедительных аргументов, развенчивающих Грозного – а в народной памяти остался только образ жестокого, но справедливого царя, изводящего боярскую смуту. Тысячи старообрядцев погибли, провозглашая Петра «антихристом» – а в итоге народная память закрепила только образ императора-труженика, мореплавателя и плотника, строящего корабли и прорубающего окно в Европу. А Сталин, уничтоживший русское крестьянство и умертвивший в лагерях ГУЛАГА сотни тысяч ни в чем не повинных людей, всплывает на наших глазах из глубин русского подсознания не как, скажем, тот же Пол Пот, устроитель кровавых гекатомб, а как создатель величайшей державы, разрушенной затем его глупыми и преступными наследниками.

Озираясь на темное прошлое, из которого выступают обгащенные кровью титанические фигуры Ивана Грозного, Петра Великого, Иосифа Сталина, наш соотечественник непроизвольно пытается уловить в каждом новом правителе, занимающем трон на уменьшающемся с каждым веком жизненном пространстве, черты нового Властелина. Но флорентийскому муравью не суждено узреть Давида. Это может сделать только человек, отошедший на несколько метров.

ПОЭЗИЯ

Ольга Колова

Родное всё

ПРЕДРОЖДЕСТВЕНСКОЕ

Между селом и деревней заснежено поле,
Тропочка вьется, которою ходят гуськом.
Бродим и бродим по этой холодной юдоли —
Кто-то обутым, а кто-то всю жизнь босиком.

Здесь никогда не товарищи пеший и конный,
Сытый голодного тоже никак не поймет.
И в восстановленном храме пред светлой иконой
Молятся — кто за земной, кто за вечный живот.

Всех Он услышит, и каждому будет по вере.
Разные все мы и разные носим кресты.
Но, как бы ни было, — ночи священной в преддверии
Каждый по-своему милости ждет с высоты

Звездной, торжественной, что благодать распростерла
Над ликованием церковных воспрянувших глав.
Вновь призывают Христа и деревни, и села,
В светлой надежде к распятию губами припав.

Ольга Викторовна Колова родилась в 1965 году в костромской деревне Григорово. После окончания средней школы шесть лет работала в сельской библиотеке. Тяжелый недуг, проявившийся уже в детские годы, не дал осуществиться многим ее мечтам, но не смог отнять ни творческого дара, ни желания кропотливо и вдохновенно трудиться на поэтической ниве.

Подборки стихотворений О. Коловой публиковались в периодической печати и коллективных сборниках. В 1996 году в Костроме вышла в свет первая книга ее стихотворений «Пугливая птица», в 2003 году — новая книга «Здесь, в России».

Живет в селе Матвеево Парфеньевского района Костромской области.

ЗА ЧАЕМ

«Пей, андел, — приговаривала бабка, —
Пей, ду-у-ронька... ешшо добавлю, чай.
Подлож-ка сахарку, коли несладко.
Я давя мяты насбирала в чай.
Да не стесняйся, андел, не стесняйся.
Автобус-от не скоро, чай, подёт...
Поди, взопрела, дак разболокайся.
Вон, погляди-ка, ноне огород
Не посадила. Нету боле силы.
А пензии-то много ли дают...
Все — на лекарства, чтоб им пусто было!
А без бутылки рази веть подут
Работать-то?! Ешшо заране спросят.
Коль нет, — «Копай-ка, старая, сама».
Землицу жаль! Траву-то Танька скосит.
Пырей да сныть козе подут в корма...
Да рази можно так-то?! Веть землица
Ухоженная с эстоль-то годо-о-ов!
Да рази matka деток докричится,
Доколь нужда сама из городов
Не выгонит?!

Пей, ду-у-ронька.

Я стала

Совсем стара, — не вижу ничево.
Намеднись Галька в Питер написала
Сынку моему ответное письмо.
Да што-о-о!.. Там у ево жена да детки.
Куды ему, сердешному, со мной?!
Помру уж тут. Понастарят соседки.
Приедет помянуть, да дом-от мой
Продать. Веть туточки лежать охота.
Родное всё! Нали душа болит.
Пей, ду-у-ронька...»

Запись 1997 г.

В СУМЕРКАХ

«Мотри, как день-то пригнало.
Ан, ровно и не рассветало...
В окне забластило, ну, встала, —
Смякнула: время уж пришло
Вставать да хлопотать по дому.
Да ноне много ли хлопот...
Зима — бездельница: все в дрему
Кидает. Так и день пройдет
За прялкою. Прядешь да дремлешь.
И за день дела — с гулькин нос.
Напрясть хоть на носки сумеешь,

А все внучок не будет бос!
Потом свяжу. И то — отрада!
Все старая еще нужна
Кому-нито... Как без труда-то?!
Я в прежние-ти времена
Нали спины не разгинала.
В работе сызмалу была:
Корову зорькой обряжала,
Кода у мамоньки жила.
Потом — семья: семь ртов, не мене.
Всех обиходь да накорми.
Да и в колхозе все — без лени.
А тамоди за трудовни, —
За «палочки» тода ломили.
А денег не видали, нет.
А как мужей-то проводили
На ту войну, хватили бед.
Косили, жали и пахали
Всё бабы. Бабы да быки!..
И в Галич на быках езжали.
Лошадки, как и мужики, —
На фронте. Ох,хватило лиха
И им, и нам. Вялик наш Бог!
Все сдюжили. Хоть и из жмыха —
Был хлебушек не так уж плох.
Веть из травы ись приходилось!
А ноне!.. Ноне режь да ешь —
Любых сортов. Али не милось?!
Да токо без охотки, где ж?..
Одик народ, не знает края.
Кто украдет — глаза нальет.
Ведь всем нам посулили рая,
Да вышло-то наоборо-о-т!..
Мотрю в киот, святому лику
Молюсь: «Помилуй, Боже, всех!»
Как мир-от пригнало... Мотри-ко!
Знать, тя-я-жкой совершили грех...»

Запись 1998 г.

ВЕДОМО

- Эй! Бабка Нюра, здравствуй! Как живешь-то?
- Да ничево, малинушка...живу...
Дает Господь, — дак жаловаться пошто?
Живу себе, покуда призовут.
Аль это Оля? Я и не признала...
Дай погляжу... И правда — Оля. Ну,
Совсем слепая баушка-то стала,
Того мотри, блудиться уж начну.
Да, слава Богу, ноги ешшо ходят, —
Все дивятся, что не догонишь, мол.
Восемьдесят седьмой сравнялся годик.

Да-а, с сентября восьмой уже пошел.

- Козушку-то, баб Ньюра, ты все держишь?

- Ну ве-е-домо! А как я без нее?

Козушка что подружка. Аль зарежешь?..

Какое в одиночку-то житье?!

- И молочко свое...

- Вот накружи-и-ла...

Веть ялова — поди, четвертой год!

Подумала — суягна, запустила,

А та травы натяпала в живот,

Вот и раздуло лешую. Ну, ладно,

Живи. Мне все охотнее с тобой.

А летом-то и вовсе мне повадно:

Поду куда — она везде со мной.

Овца вот ешшо есь да пара кошек...

- А по воду-то тяжело, поди?

- Да веть недалеко. Господь поможет!

Увидит кто — «Эй, бауш, погоди!»

И донесут, и в лесенку подымут,

Да много ли мне надо-то воды...

Ковш на себя да ковшик на скотину.

Вот накормлю — и все мои труды.

- Зато встаешь-то ты, поди-ка, рано?

- Да полно! Как проснусь, так и встаю.

Ну, ведомо, в потемках. А устану,

Кода смеркнется, — Господу пою...

И «Отче наш», и «Верую» читала

Мне бабушка на лавке средь села.

И, кончив, начинала все сначала.

Молитва в ней дышала и жила,

И теплота из глаз ее лучилась:

Душа дарила миру свой покой.

Казалось, что на все сходила милость,

Когда она трясущейся рукой

Себя знаменьем крестным осеняла...

И службе этой стала помогать

Часовенка, что рядышком стояла

И *ведала*, как надо ей стоять.

К ней, бедной, превращенной в ларь казенный,

Служившей торгоскладом туш мясных,

А ныне — ветхой и опустошенной,

Был бабкой обращен духовный стих:

«Боже праведный, великий,

Научи, как в мире жить.

Обнови мне дух, Владыка,

Помоги врага любить.

Дай мне, Господи, уменья

Все обиды забывать,

Научи меня смиренью

Крест нести и не роптать».

Запись 2000 г.

ПЯТАЧОК

*Светлой памяти матери моей
Лидии Михайловны Коловой,
сочинявшей частушки*

Во Григорове-деревне лампы-молнии горят,
Да во матвеевской беседе наши дролечки сидят.
Ножик, вилка, два подпилка.
 Не пришел сегодня милка.
 Не пришел — и леший с ним! —
 Не целованы сидим.

Почему бы ягодиночке сегодня не придти?
Только под гору да на гору,
Да лесом, да дорогою,
 Канаву, да тропиночку,
 да речку перейти.

Парень маленький-премаленький реку переходил.
Рубашку длинную-предлинную,
 Холщовую, новинную,
 По вороту расшитую
 в реке перемочил.

Ягодиночка зачесывает на лоб волоса:
Закрывает от народа
 Свои рыжие, бесстыжие,
 Зеленые в полосочку,
 Голубенькие в крапинку,
 Коричневые в клеточку...
 Не высказать, подруженька,
 какие и глаза.

Ягодиночка заносится и думает — хорош.
А он на Шарика, на Бобика,
 На Тузика, на Тобика,
 На Чижика, на Пыжика,
 на ежика похож.

За Матвеевом на речке не работал перевоз.
А меня душечка-Ванюшечка,
 Хорошенький, пригоженький,
 В костюмчике, при часиках,
 В калошах да и с зонтиком
 на ручках перенес.

Не берет тебя, залеточка, ни стужа, ни мороз.
Свою рваную тальяночку,
Безбасую, безмехую,
Без корпуса, без планочек,
За город за Парфентьево к сапожнику Алехину
В корзиночке в починочку
 на плечике понес.

Девки-тё, ребята-тё,
Да чего не пляшетё?
Если лапти порвитё,
Завтра новы сплетитё.

На беседушке не весело —
Егорушка один.
Давайте, девушки, Егорушку
Под лавку закатим.

Самовары закипели,
Девки замуж захотели,
А ребята не берут.
Девки ревушком ревут.

Полюбить так полюбить,
Чтоб не разлюбилось,
Чтобы каждым вечерочком
Крепко сердце билось.

Чернобровенький, молоденький,
Не стой передо мной.
Разгорится мое сердце,
Не залить будет водой.

Ой ты, залеточка, залеточка,
Приди на вечерок.
Без тебя, мой сероглазенький,
Качает ветерок.

Отбивай, подруга, друга —
Все равно не дам владеть.
На твои колени сядет —
На мои будет глядеть.

Не хочу я чаю пить,
А хочу по воду ходить, —
Мимо милого окошечка
На дролю поглядить.

Дроля, дроля-макароля,
Макароля — милый мой.
Дроля с новой макаролечкой
Гуляет, — не со мной.

Милый свататься поехал,
Я в беседушку пошла.
Все равно пути не будет, —
Я дорогу перешла.

Меня мамонька рожала,
Три версты бегом бежала.
Побежит, воротится:
«Какая дура родится?»

Милка ходит так и сяк,
Думат — любит ее всяк.
Лучше черный деготь пить,
Чем тебя, милка, любить.

Хоть бы хны — рубаха долга.
И не долга — хоть бы хны.
Хоть бы хны — девчата любят.
И не любят — хоть бы хны.

Пресвятая Богородица,
Наставь меня на путь,
Чтоб на этого заразу
Больше разу не взглянуть.

Дорогашенька, не сохни,
Цветок аленький, не вянь!
Тебе сказано, не солгано,
Нисколечко не жаль.

Дролечка, совей венки
На той белой березоньке.
Соскучаю по тебе —
Пойду по той дороженьке.

Говорила голоску:
«Раздайся, голос, по леску,
Чтобы милого, красивого
Ударило в тоску».

Всю дорогу торопился.
А пришел — занятая:
На коленочки посажена,
Рукой обнятая.

Мне девчонка изменила
И уселась в кути.
Неужели мне такую
Ворохобу не найти?

Зарасти, тропинка, лесом
И соломой зарасти.
Унеси, девчонку, леший,
И за ножку потряси.

Я свою задрожину
Посажу на лыжину.
Ты катися, лыжина,
Держись, моя задрожина!

Интересно расцветала
Клевериночка в овсе.
Истрепался ягодиночка —
Ему по мысли все.

Изменяй мне, залетик,
Сколько хочешь изменяй.
Только тайного словечка
Никому не выясняй.

ИЗ МАМИНЫХ ЧАСТУШЕК

Ты играй, гармонь моя.
Сегодня тихая заря,
Тихая зариночка, —
Услышит ягодиночка.

Я не буду у товарочки
Милого отбивать.
Может быть, ей не под силушку
Другого наживать.

От товарки от моёй
Отступается милой.
Надену черную косыночку,
Пойду на горе к ей.

Задумчивая товарка,
Ты такая смелая!
Я любила, ты отбила —
Я бы так не сделала.

Я иду, а мне навстречу
Лиходеечка прошла.
Молися, дура косолапая:
Полена не нашла.

За измену ягодиночке
Поджарила лягух.
Кушай, кушай, ягодиночка,
Еще поджарю двух.

У меня залеток много,
Как в корзиночке грибов.
А я с одним только имела
Настоящую любовь.

Я «Сударушку» пляшу,
Назад оглядываюся:
Не отбили бы миленочка, —
Побаиваюся.

Проводить пошел другую,
А сердечку легко ли?!
Скажи, зараза-ягодина,
Проводил далеко ли?

На окошечке цветы.
Ко мне сватались сваты.
Мамонька не отдает:
«Хорошо и так поет».

* * *

Хватаясь за соломинки лучей,
Вдруг оживишь забытые виденья
Из детства, милые... И растворятся тени —
Неясные подобию людей.

Останется лишь световая суть —
Та, высшая и внятная лишь детям,
Которой мы, взрослея, только бредим,
Когда случится высоты глотнуть.

И в этом озарении любви
Зло обнаружит все свое бессилье.
И за спиной у встречающих видишь крылья,
Такие же большие, как твои!

И после, после в суете земной,
Когда и крылья некогда расправить,
Не покидает солнечная память.
Да! Свет ее во мне и надо мной.

* * *

А ты, осинка-трепетунья, —
Еще не трепетица ты,
Ты — ветреная лопотунья:
Про травы, солнце и цветы
В неведение своем бормочешь,
Не различая явь и сон...
Но вот срывается листочек
С тревожных вознесенных крон.
Слетело трепетное слово,
Тебе невнятное пока.
То — часть волнения земного
За все грядущие века.

* * *

Осень вспугнет птичьи стаи пожаром рябин.
Нехотя клин журавлиный потянется к югу.
Как не грустить, оставаясь один на один
С нудным дождем, протянув одиночеству руку?
Как не проститься навеки с упрямой мечтой,
Сердце вручив безысходности плачущей дали?
Только спасенье — надежду пустить на постой,
Благо, не помнит она, как ее предавали,
Жгли на кострах... Но потом у Святого Креста
Бога просили послать нам ее во спасенье.
И возвращалась она, как сама простота,
С первой доверчивой ласточкой в небе весеннем.
Снова сентябрь разжигает шальные костры.
Да не смутят мою душу туманы седые.
Бабьего лета пора. О, как чувства остры!
Снова над бездной душа — над обрывом — на взмыве...

* * *

И на день солнце пропадет в снегах
Оставив мир невыносимо белым,
И невозможно заниматься делом:
Что ни возьми, все смётано в стога,
Заметено.

Что ж — слушать тишину,
Звещающую над погребенной пашней?..
Шагнуть в застывший мир легко, бесстрашно,
Не разрешив надежды на весну?..
И все принять заснувшим навсегда,
Найдя себе приют в безмолвье мгlistом...
Но завтра солнца луч, сверкнув, как выстрел,
Разрушит все, и дрогнут холода.

* * *

Как бестолково и смутно живем!
В годы безверия жутко родиться.
Во поле вьюга огромною птицей
Машет отчаянно белым крылом,
Словно зовет за собою. Куда?
Разве во мгле отыщу я дорогу?..
Вновь обращаюсь с молитвою к Богу —
Явлена будь, путевая звезда!

СТАРИК

Устал и сгорблен этот человек, —
Груз непомерный беспрестанно давит.
Он вынес на плечах тяжелый век
И не найдет, куда его поставить.

* * *

Неизбывна суета.
И — смятенье...И тревога.
Тяжесть вечная креста,
Непредсказанность итога,
Что зависит не от нас.
Но и мы с судьбою в доле!
Выбор — наш, и наша воля,
Остальное Бог подаст.

ПОЭЗИЯ

Марина Москалева

Трамваи полетят на север

* * *

Тоненький месяц. Тоненький почерк.
Детство из юбочек, слезок и строчек.
Горькое-горькое счастье в груди.
Нет, не люби меня...нет, подожди...

Маленький мальчик. Розовый вечер.
Вроде обычный, но чем-то отмечен.
Я умираю, считая минуты,
Я сознаю свои первые пути.

* * *

Какая вам разница, кто он,
Горящий в моих глазах?
Да пусть бы он был клоун!
Да пусть бы внушал страх!

Но вам-то какое дело?
И что за печаль — вам?
Мои же душа и тело.
Захочу — и отдам.

Марина Юрьевна Москалева родилась в 1973 году в городе Ардатов Мордовской АССР, ее детство и юность прошли в поселке Красный Октябрь Владимирской области. В 1996 году закончила исторический факультет Ивановского Государственного университета, в 2002 году защитила кандидатскую диссертацию по теме «Общественная демократическая мысль по проблемам равноправия полов и ее влияние на развитие женского движения в России (1880-1917 гг.)».

С 1996 года — в профессиональной журналистике. Работала в различных изданиях Ивановской области, редактором областной еженедельной газеты «Курьер». В настоящее время — тележурналист. Член Союза журналистов России.

Стихи и проза печатались в областной и городской периодике.

Живет в Иванове.

© Марина Москалева, 2005.

НА КЛАДБИЩЕ

Вокруг стоят его жены.
А ты как будто никто.
Ты комкаешь напряженно
Манжеты полупальто.

Тебе не стыдно не знать их
И путать их имена.
Их трое в траурных платьях,
А ты такая одна.

Они, конечно же, знают,
Что ты отсюда — домой,
Что ты нальешь себе чаю
И выпьешь чаю с халвой.

А им идти до вокзала,
Перелицовывать жизнь.
И как бы ты ни рыдала,
Они не скажут: держись.

А ты поплакала б тоже,
Да слишком едкая тушь.
И ты не можешь, не можешь -
Ведь это даже не муж.

* * *

Как холодно.
Все то, что за окном —
Моя любовь, трамвай, к тебе идущий —
Наискосок зачеркнуты пургой.
Как холодно.
А в комнате твоей
Горит свеча. И за окошком — вьюга.
Спит на кровати пьяная подруга.
И ходики, и ночь, и поезда.
Как холодно.
На краешке стола
Ты пишешь мне.
Ты знаешь — скоро август.
Ты пьешь из старой кружки горький чай
И думаешь, что я не пью такого.
Как холодно.
Мне не задуть в той комнате свечу,
Не выгнать в утро пьяную подругу,
Не слушать, засыпая, поезда...
Как холодно.

* * *

В общем, это не повод закусывать повод.
И не по этому поводу бегают по воду.
А если даже в аду бежать в поводу,
То такого ада мне даром не надо.

* * *

Отчего невозвратно счастье
Умирать от истинного чувства?
Раздирать, кромсать себя на части,
Рассыпать рифмованную чушью,

По стене сползать промокшей тканью,
Заливаться горечью и желчью,
Грубыми горячими руками
Из души выдавливать блаженство,

Выдирать стихами-сорняками
Всю любовь, оправленную в слово,
И давиться жгучими глотками
Истинного чувства. Значит, злого.

* * *

Снег идет по переулкам,
Снег идет по перекресткам —
Словно сказочные блестки
Рассыпает карнавал.
Я иду по перекрестку,
Улыбаясь, как подросток,
Тот загадочный подросток,
Что со мною танцевал.

Он наивным был, но смелым,
Он, как будто белым мелом,
Безмятежным белым мелом
Мне метели рисовал.
Он не знал, почему фунт лиха,
Но он пел — и было тихо,
В целом зале было тихо.
Пел и плакал целый зал.

Вот иду и улыбаюсь.
Я, конечно, ошибаюсь,
Как обычно, ошибаюсь
И ни разу не права.
Но сегодня просто снежно,
Просто весело и нежно.
Безнадежно, безмятежно
Мне звучат его слова.

* * *

Зима расколется на части,
Зима осыплется с балконов.
Ворвется радостное счастье
В весенних солнечных погонах.

Трамваи соберутся в стаи,
Трамваи полетят на север.
Никто задерживать не станет
Трамваев перелет весенний.

И вновь с горящими устами,
Дыша весенним сладким бредом,
Я полечу за этой стаей,
Я полечу за ними следом.

* * *

Вы стареете, но нравитесь женщинам.
Да, с вами стариться мечтали бы многие.
А я так вовсе и не тщусь быть изменчивой
И не строю из себя недотроги я.

А подумать — так о чем мне печалиться?
Вы не любите? Кого-то вы любите.
А подумать — так чего огорчаются
Эти люди, эти глупые люди...

Вон стихи какие вами написаны —
Рядом с ними все-то кажется наледью.
Из-за них одних бы стала актрисой,
Из-за них одних ходила бы на люди.

* * *

Истерическая страсть
К твоим темным волосам.
Мое имя ты закрась,
Будет просто полоса.
Но по сердцу полосой
Будет долго колесить
Мое имя, голос мой,
Истерическая синь.

* * *

Как у сердца есть предсердия,
Так у смерти есть предсмертия.
Тоже — левое и правое.
У меня — одно дырявое.
И так горько и заплаканно
Жизнь стекает мимо клапана.

* * *

Как чудесно быть ничьей,
Быть дождем на полустанке.
Эротические танки
Тени говорить своей.
Как чудесно быть собой,
Быть свободной, словно ветер.
Быть полоской голубой
На серебряном браслете.
По серебряным лугам
Рассыпаться в росный бисер,
Повторяя по слогам:
Тех, кто любит вас, лю-би-те!

* * *

Из ребра стать женщиной — не штука,
Штука стать из женщины ребром,
Содрогаться от сердечных стуков,
Охранять свой лучший из миров.

Кулакам чужим служить барьером,
Отражать бандитское перо.
Самая нелегкая карьера —
Снова стать из женщины ребром.

* * *

Моя рука лежала на подушке
Прозрачная, как слой плохого грима.
Моя рука была моей подружкой,
Моя рука была моей любимой.
Я рассказала ей, что ты уехал,
Я над собою посмеялась горько...
По челке, разметающейся от смеха,
Она меня погладила легонько.

* * *

Лиловый шиповник, расцветший платочным муслином...
Какие слова мне остались, чтоб миру поведать,
Как тырываешь мне сердце осиновым клином,
Серебряной пулей, вскрывая и тайны, и беды?
Какие слова мне остались, чтоб броситься в осень
И чтоб описать листопад — вырождение красок?
И как мне сказать всему миру, что ты меня бросил
И сделал созданием неприкасаемой расы?
Описано все — поезда, полустанки и крыши,
Все сказано, спето и буквы расчерчены мелом.
И все это знают. И все-таки, все-таки пишут.
По белому — черным, по черному — траурно-белым.

* * *

В девятнадцать очень просто
Горько плакать о любимом.
В девятнадцать — очень остро
Все, что рядом, все, что мимо:

Ждать у двери на коленях,
Водку пить, мешать колоду,
Сочиняя поздравленья
Тому гаду с Новым годом.

Ну и что же, что сентябрь,
Ведь декабрь наступит тоже.
Может, вспомнит он хотя бы
Силуэт среди прохожих.

В двадцать пять — совсем иначе
Видишь следствие с причиной.
И так сладко не заплачешь
Просто так, из-за мужчины.

* * *

Началась полоса одиночества
Монотонная, словно прибой.
Если б только ты знал, как не хочется
Даже просто встречаться с тобой!
Если б только ты знал, как не может
Разговоры с тобою вести.
Из меня никакая наложница,
Попытайся мне это простить.
Не такая я глупая курица,
Чтоб сидеть и рыдать на полу.
Если б только ты знал, как не курится,
Как не ждется тебя на углу.
Я стою и любуюсь погодами,
Вновь зима намечает мосты.
И в ужасном конфликте с природою
И с пейзажем — один только ты.
Значит, что? Полоса одиночества
Монотонная, словно прибой.
Если б только ты знал, как не хочется
Даже просто встречаться с тобой...

* * *

Мы расстанемся до ужаса скоро,
А любить тебя — ну что за наука!
Мне приснится зашифрованный город,
Геометрии прозрачная скука.
И я пойду с тобою по лабиринтам,
По пустеющим, как сны, разговорам.
И ты скажешь мне: послушай, Маринка,
Ведь мы ж расстанемся до ужаса скоро...

* * *

Прожить полгода, но с тем, кто нужен.
Всего полгода, но с тем, кто важен.
И наплевать, что твой мир завьюжен
И что твой мат так многоэтажен.

Опять забыла бросать куренье —
Удар по имиджу Моны Лизы.
Полгода до светопреставленья,
А ты в соплях и без белой ризы.

Твоя любовь — и сережка в ухе,
Вторая дырка от панккультуры.
Твоя готовность ползти на брюхе —
Удар по имиджу старой дуры.

Горячий кофе прольется в утро,
Горячий кофе прольется в чашку.
А ты играешь с собой, как будто
Стоишь и гладишь его рубашку.

А ты играешь в побег из плена
Сквозь дырку в ухе, сквозь запах гари.
И сын, обнявший твое колено —
Удар по имиджу Мата Хари.

* * *

Хоть чему-то я тебя научу.
Хоть поплакать на могилке моей.
Рифмовать всю жизнь какую-то чушь
И любить своих ужасных друзей.

Научу курить-молчать у окна,
Научу не продаваться за грош.
И тому, что за версту же видна
Даже самая красивая ложь.

И от этого мне будет тепло
И с утра гораздо легче вставать.
И не буду биться я об стекло
И сама не буду чушь рифмовать.

* * *

Как приятен мне твой почерк на конверте...
Если честно, от себя не ожидала.
Только вьюга остается после смерти,
Только путь под этой вьюгой от вокзала.

Умерла моя любимая подруга,
В этот день под сердцем боль из лета в лето.
И все та же упомянутая вьюга
Перечеркивает летнюю планету.

Постою на тротуаре дура-дурой,
Подышу ликером лип и хлебным хрустом.
Вот не чувствую себя литературой,
А ее — изобразительным искусством.

Леонид Королев

Музыкою ставшее рыданье

ПЕСНЯ

Дую, думают, в дуду.
Думают, что я один.
Думают – в моем саду
Ходит и кричит павлин.
Тут одна – решив – вдовство,
Затекает – вот народ –
С валерьянкой колдовство,
Чтоб любил ее мой кот.
Одному, де, скучно спать,
Сны смотреть, стихи слагать...

В ягдташе давно вся дичь!
Одному пора гулять,
Чтобы двоицу понять,
Чтобы троицу постичь.
Нету никакого дна
Даже и у стакана.
Так-то, братец сатана.

* * *

Я увидел тебя! Я сию же минуту
Понял, что никогда я тебя не забуду.
Целый год – не сегодняшний трах-тарарах! –
Мы болтали о Китсах и прочих китах.
Так с тех пор и стоим мы с тобой у фонтана,
У фонтана, что бьет на спине великана.

Леонид Викторович Королев родился в Омске в 1937 году. Четверть века жил во Владивостоке, пятнадцать лет в Перми. Работал плотником, бетонщиком, журналистом в газетах и на радио, был первым помощником капитана на спасательном судне.

Первый поэтический сборник Л.Королева был издан Дальневосточным книжным издательством. Через двадцать пять лет столичное издательство «Современник» выпустило в свет его вторую книжку «Послушать кузнечика». В Ярославле вышли в свет книги «Победитель листопада», «Запоет гамаюн», «Прекрасное поражение», «Черный жемчуг», «На одной струне», «Соловьиная роща».

В 1992 году принят в Союз писателей СССР, с того же года – член Союза российских писателей.

Живет в Ярославле.

© Леонид Королев, 2005.

Я НЕ ПРЕДСТАВЛЯЮ

– Я не представляю, – сказала доченька, –
Как там? Наверное, там не очень-то...
Как там мама? Это ведь не туризм –
Посещение ада, рая, чистилища... Впрочем,
Это только гипотеза, пап, рабочая,
Может, там и сплошной коммунизм.
А эти дураки, о ком бы лишь дактилем –
Не лучше ль, как мама, по морде дать им,
А не хореем, не ямбом? Надавав Черныху по морде,
Мама абсолютно права... А?
– Доченька, это же обыкновенный предатель.
Вернее, необыкновенный. Выдающийся.
– Гадина! Гадина, – мама ему при всем честном народе, –
Гадина! – и на, на, на, на!

* * *

Верят в Бога. Я в тебя, хорошая.
Что там делаешь? Не дурно спишь?
Принцы тоже спят ведь на горошине:
Полусплю – а вдруг ты позвонишь.
С кем вы там, бессмертные, ночуете?
Трудно мне, родная, не с тобой
Одному настаивать на чуде —
На тебе и на земле святой.
Не влюбленным не хочу быть – скушно.
– Ну, влюбись в кого-нибудь. Так нужно...
Ночь волшебна. Как же не в тебя?
В сердце ты, как черная жемчужина,
Верую, как в Бога – простодушно.
А влюблюсь... так я влюблюсь ведь в душу!
Ежели обнять кого не струшу.
Но и там ты скажешь: это я.

* * *

...А кто-нибудь тоже не спит
И пишет письмо нам, родная.
Упал паучок.
И висит,
Суставами перебирая.
Рука твоя. Пальцев народец.
Целую. Теперь мы с тобой,
Как этот изящный уродец,
На нитке висим на одной.
То ниже чуть-чуть он, то выше,
То близок, то страшно далек...
Давай-ка всем письма напишем!
А мир этот бисером вышит.
Уж этот, битком, кошелек.

* * *

1.

Когда-нибудь пройдут и сто, и двести,
И миллиарды лет – в других созвездьях
На сцене будут петь, в зал забреду,
Присяду у дверей в пустом ряду,
Увижу профиль твой, с ума сойду,
И мы пойдем, куда не зная, вместе.
Как я забыл, куда сейчас иду.

2.

«Сади, сади на голову!..»

Садись!

Садись на шею. Как лошадка, гордо
Теперь я буду так с тобой по городу
Ходить. Блестящая, не правда ль, мысль?
И зря ты так стеснялась! Большинство
Приветствовало выезд наш, смеялись
И – я подозреваю – любовались,
Ребячье наше видя торжество.
А те пророчества сполна сбылись –
Там, где мелькают молнии без грома
И о тебе почти любая мысль,
Не исчезай ни на минуту, снись,
Мой мозг – твой дом, притом у нас все дома.
А если кто-то трезвый, но поет
И чье-то вправду странно поведение –
Не торопитесь званье идиот
Присваивать. Пускай себе идет!
Он, может быть, лошадка в то мгновенье,
И гордо всадницу свою несет...
Прекрасную всегда, как сновиденье.

* * *

Отвечал на твои предложения –
Шьешь, обед ли готовишь – помочь:
– Я люблюсь твоими движениями.
Ты смеялась. Пытаюсь точь-в-точь
Все оставить, как было. И шутки.
Ну, вари же обед! Или шей!
У меня нет свободной минутки.
Счастье – видеть лицо твое, руки,
Любоваться работой твоей.
Я не шил, я не делал вареников,
Пустельга и отпетый бездельник,
Я потратил, как те соловьи,
На великое это смотренье,
Любованье – все силы свои.

* * *

– О чем беседа, ангелы, за чашей? –
Взбесило одного явление наше.
Вскочил. Взглянул. И, отшвырнув вилку,
Хрясь! – разрубил ребром руки бутылку.
– А? Дать тебе? – А сбоку провокатор:
– Дай бороде...
Но ты стояла рядом:
– Нет, лучше мне!
И голос, что мне снится,
Остановил свирепую десницу.

* * *

Лучший способ позабыть навеки –
Видеть каждый день. Не прекословь
Донне Анне. Это в человеке
Притупляет главное – любовь.
И когда тебя не видно стало –
Ожила любовь, затрепетала...

* * *

Как ходил! Ходил, как боги,
Только что не руки в боки.
А теперь один. Одно.
Поддержи на той дороге
И на этой...мне темно.

Существо я был простое,
Потому, что – только глядь
На тебя – и знал я: стоит
Только звезды воровать!
Вот иду... Куда иду?
Как угрюмый Калиостро –
К шарлатанству, к колдовству...
Не вернется к стихотворству,
Кто привык к сюжетам острым,
К легкой жизни, к воровству.

* * *

Синий, оконный флакон,
Чудный вдали огонек.
Вышел я на балкон
Ночью – и спичку зажег.
Были с тобой мы, дружок,
Счастливы под шумок.
Только ночной ветерок,
Только листвы шепоток.

КИРПИЧНЫЙ ЗАВОД

Мир, конечно, из круглых кирпичиков...
Но когда я упал с облаков,
Разглядел: бригады приличные.
Оба Саши. И каждый – Смирнов.
Нет, не валенки-печки. Удаленькие!
Настоящие! Каждый – с душой.
Вон один, по прозвищу «Маленький»,
А другой – различать чтоб – «Большой».
Пара Лешек. Есть Миши. Есть Вовы.
Митрич. Женечка. Иконостас!
На морозе, на солнце поджаренные...
Я работаю с Лешей Державиным
И с Гаврилой Романычем, да-с.

* * *

Псы дежурят весь день у завода.
Жарко или мороз – все равно.
Кто – колечком у самого входа,
Кто глядит неотрывно в окно.
Скоро смене конец. Ждать недолго.
Уж не знаю, отделался как
На Камчатке, в безлюдном поселке
От ликующей стаи собак.
Отчего бы и мне не прилечь к ним,
Не услышать у той проходной:
«Это кто же лежит тут колечком?»
Но зачем он мне, голос не твой...

* * *

Пока вы кирпичи свои кидали,
Меня здесь, в штабелях, поцеловали!
Большая, добродушная собака
Мне пожелала всяческого блага.
И я, смеясь, к собачьему восторгу,
Залез в карман – и подарил ей корку.
Ах, умница! Гостинец мордой, лапами –
Потом, мол, съем – на черный день закапывает.
А твой подарок, пес мой, просто чудо –
Напасть. И целовать. Сию минуту!

* * *

Куда они, скажи на милость,
В своей бессмысленной хотьбе?
Да все стоит! Остановилось!
Остановилось на тебе.
Бессмыслицу часы показывают,
Бессмысленно огонь горит.
И телевизор не показывает.
И радио не говорит.

* * *

Ты ко мне, как птичка, прилетела
В самый темный и нездешний лес.
И когда ты села и запела,
Это было чудо из чудес.
Плакай-плакай, слезы эти – благо.
У пречистых у твоих колен
Эта робость выше, чем отвага,
И алкающий тебя – блажен.
В дом вошел я, в нем смеялись дети –
Лена с Лерой. Чудная звезда
Просияла и тихонько светит.
И ни на каком, спасибо, свете
Не сказали мне: иди сюда...

* * *

Окликающий, поющий, спой мне
Мое имя. Выпрями мой путь.
Я хочу счастливым быть на бойне –
Голос твой услышать, отдохнуть.

Десять раз, сто раз прослушать дай мне
Всю катушку жизни и – назад...
Измени мне, если есть, талант!
Хватит и Шопена, и Жорж Занд, –
Потому, что это сущий ад —
Музыкою ставшее рыданье.

* * *

Одна строка... Одна рулада
С ума домашних птиц свела:
Летит гогочущее стадо
И падает в конце села.
Летают только вдоль дороги –
К земле проклятый тянет вес.
И обличают их пороки
Собратья дикие с небес.
Неси заоблачные клики,
Таи в себе полет и бой.
Будь диким, диким, только диким.
Не приходи к себе домой.

* * *

Англичане любят мясо с кровью.
Немцы – пиво. Ну, и нас с тобою.
Хороши и мы – всем тварям братья.
Холодильник в ужасе закрою:
Двух цыплят замерзшее объятье...

* * *

Сокрушать не науськивай дар свой
Мельниц времени, мельниц пространства.
Я ячейку потряс государства,
Да к тому же родную. Стихи,
Хоть и грех говорить, – пустяки.
И важней деревенская дура,
Чем великая литература.

* * *

Когда перестану я видеть богинь,
Крылатого чуять коня,
Скажи мне хорошее слово «аминь».
Ведь где-то же есть и костер, и камин,
У вечного все мы огня!
Мы жили, как будто бежали бегом...
Тот свет – тоже свет, не беда.
Скажи мне, красивый, как царь, мажордом:
Мир – вечный, огнями сияющий дом?
– Ждут, ждут. И Марина. Сюда...

ВОЛК

От волка отбился во тьме. Но всегда
Готов к нападенью его. Это – тьма,
Не шерри тебе и не бренди.
И вдруг появилась в передней
Великая женщина, женщина та
С котенком, и все эти бредни.
Я обмер. Какою же надобно быть,
Чтоб в доме, где пахнет могилой,
Котенка, картонку рискнуть предъявить.
Как трудно тебе, моя милая!
Как вы, с вашим сердцем и с вашим умом,
Решились войти в омраченный сей дом!
И сколько же в этом величия –
Напомнить о жизни, о счастье самом,
Приехать с котеночком лично.

* * *

Я думаю о калибре
Похожих на птичек людей,
Трепещущих, как колибри,
В цветах грандиозных идей.
Я думаю о прохиндеях,
Лекарство от смерти ищу.
Трепещет моя орхидея
И я трепещу, трепещу.

* * *

Что ж осталось? Одно – ворожить.
Черновик – беловик. Переделывать?
Это – как документы подделывать,
По подложному паспорту жить.
Мы ведь дали им всем накричаться,
Намахаться! На свете все зло –
От борцов за народное счастье
И от их переделкинских слов.
Зарублю на носу я отныне,
Что простец гениальный сказал:
«Я, когда ты завшивел в пустыне,
Вшей твоих на тебе не считал».
Жизни первое качество – живость,
В том, что подлинно – подлости нет.
Время всех нас проверит на вшивость...
Не подделывать документ!

* * *

И чего только вы мне не шили...
Что уж думал такое я? Шиллер?
И когда в деле все там прочтете,
То поймете, что даже не Гете,
Что ни мэ там во мне и ни бэ.
Но спасибо тебе, КГБ,
За отсутствие...ну, хоть мааразма –
За невольный обет исихазма.

НОЧНЫЕ ФОТОГРАФИИ

До внутренних слез насмотрюсь я:
Ты – ангел. Над ангелом – нимб.
Вы только что из Беларуси –
Там каждый четвертый погиб.

А мы – за Уралом. Мы – пели.
Сибирское пело село.
Когда мы без света сидели –
Особенно было светло.

Я сын твой, Россия, законный –
Не эллин и не иудей.
Блиц-вспышка во мне, что ль? Иконами
Становятся лица людей.

Портреты... Сравнить тебя не с кем!
И грешен, наверно, что рад:
В твоём ослепительном блеске
Немного и я виноват.

* * *

И фрондировал я, и гусарствовал.
И, наверно, виновен я в том,
Что остался от государства
Только в горле мешающий ком.
Но чего бы еще ни отторгли,
Не тащили до сэбе, ни сперли,
Не маячили близь и вдали,
Не конец – бугорок этот в горле,
А начало российской земли.

* * *

Вдруг все покажется нелепым
И пригорюнишься впотьмах.
И все-таки великолепны
Былые дни в былых огнях!
Они вошли в тебя подспудно,
Отбросив мелочь, пустяки.
И, как в огнях большое судно,
Уходят от тебя стихи.

* * *

Середина строки – середина реки...
Что же там, за тобою, цезура?
– Не смей, – просишь ты посредине Оки, –
Утону, как последняя дура.
Середина реки, твой смеющийся рот,
Мы с тобою на свете на белом...
Кое-кто из господ переплыл Геллеспонт,
А вот мы, дураки – Дарданеллы!

Для чего я владею строкой, как рукой?
Чтоб погладить тебя по головке!
Ну, а что за цезурой и там, за строкой –
Точно знает лишь фокусник ловкий.

* * *

Что-то новенькое. Да, иное –
Переход бульдожьего в свиное:
На губе слюна, глаза – спросонка.
Дома не собаку – поросенка
Заведет...но надоест – и съест его!
Я припомнил свинское нашествие
На картофельное наше поле.
Мы их, чем попало, колотили.
Тщетно. Только хрюкали, не боле.
Только ели, рыли и ходили.
И ушли, когда наелись вволю.

* * *

К вечеру мороз окреп.
Заскрипели полотенца
На веревке. В небе серп
Режется, как зуб младенца.
Паром обдают тебя,
Норовят обнять, как други,
Смертно чистого белья
Удивленнейшие руки.
Из какой живой воды
Возникает этот запах?
Эти звери чистоты,
Белые, на мерзлых лапах?

МОЙ ГОСПОДИН-НАРОД

Мой господин-народ,
Я при твоём дворе –
То королем, то дворником, то плотником.
Вот только буквы, точки и тире
Бегущею строкой бегут в каре –
Не слушаются, бунтари, негодники.
Я знаю, кто мне знаки подает...
Но отчего твой голос не зовет?
Я выпью? Без тебя, мой друг, мне скушно.
Твое... здоровье...
Ничего, вперед.
Качает. Стул поехал, идиот.
Тихонько. Ляжем.
Там, внутри – жемчужина.

* * *

«Если б вожди, как дожди».

В. Галюдкин

Если б вожди, как дожди,
Меньше мочили людей,
Мы бы любили почти
Платный сортир этих дней.

ПАМЯТЬ

В этом году исполняется 70 лет со дня принятия
совместного постановления ЦК ВКП(б) и СНК СССР
о сооружении Угличской и Рыбинской ГЭС -
документа, ставшего поистине судьбоносным
для жителей Молого-Шекснинского междуречья.

Валерия Капустина

Вспоминая Шексну и Мологу

О ВРЕМЕНИ, О СЕБЕ

Детство мое золотое до семи лет прошло в г. Мологе, в обстановке любви и тепла. Родители, люди гуманные, образованные, окружили детей заботой и лаской. Запомнился красивый сад у дома, светлые комнаты и цветущий Боронишинский луг, куда мы всей семьей ходили гулять, река Молога, где купались всей семьей и катались на лодке.

В 1931 г. переехали в Рыбинск (папа вынужден был это сделать). Отец с моим братом остались жить в городе, а мама с девочками уехала в Башарово к бабушке, недалеко от Рыбинска по реке Шексне. С нетерпением ждали выходного дня, когда приезжали папа с братом Веней. Дружно трудились в огороде, ухаживали за коровой, теленком, поросенком, курами, гусями, овцами. Скоро бабушки не стало.

Зимними вечерами читали вслух книги, а днем после уроков обязательно по часу-два катались с гор на лыжах, санках или коньках. Летом, управившись по хозяйству, ходили купаться на Шексну, за полевыми цветами на Полежаевский луг, который напоминал нам своей красотой Боронишинский на реке Мологе.

Валерия Александровна Капустина родилась в 1924 году в г. Мологе. Внучка В.М. Шувалова, потомка адмирала Федора Ушакова, ныне канонизированного Русской Православной Церковью. В 1943 году окончила Рыбинское педагогическое училище, затем работала воспитателем и заведующей детским садом в Рыбинске. В 1954 г. окончила филологический факультет Ярославского педагогического института. С 1960 г. преподавала в Рыбинском педагогическом училище методику родного языка, логопедию, художественное чтение. Затем работала учительницей в школах Рыбинского района.

С 1979 года – пенсионерка.

Автор нескольких книг прозы, написанных совместно с матерью Лидией Васильевной, в том числе «Зоренька ясная», «Я помню Вас», «Русь моя светлая», «По Шехонь-реке», «Жаворонок», «Живая память», «Моя приемная семья», «Ивушка». Большинство этих книг пронизано воспоминаниями о родине предков, затопленной Рыбинским морем.

Живет в Рыбинске.

© Валерия Капустина, 2005.

В вечернюю зорьку папа брал ребят и шел ловить рыбу на Шексну. Слушали пение соловья в прибрежных зарослях, наблюдали закаты солнца. Мы научились хорошо различать голоса птиц, определять погоду на завтра по закату солнца.

Родители любили русские песни, прекрасно пели дуэтом. Эту любовь к русской песне и русской природе передали детям. Запомнила их – милых, добрых, вдохновенно поющих «Липа вековая», «Что ты жадно глядишь на дорогу», «Темно-вишневая шаль».

Запомнились и прогулки всей семьей в лес. Садилась на одеяло под раскидистой сосной, слушали пение пеночки, дрозда и прочих птах, вдыхали прекрасный запах сосны и березы, любовались бирюзой, перистыми облаками, где то падали, то взвивались ввысь веселые стрижи. Молодые сосенки и рябинки протягивали приветливо ветки, а в воздухе зависали ажурные стрекозы и цветные бабочки. Все это наполняло сердце спокойствием, радостью, оставило неизгладимый след на всю жизнь. Природа и воспоминания о детстве и сейчас являются для меня источником вдохновения.

Семилетку я закончила в сельской школе. Всю жизнь живет в моей памяти образ прекрасной учительницы литературы Валентины Андреевны Щеголевой. Где-то она? Жива ли? И не знает, что на всю жизнь она стала лучом света для бывшей ее ученицы. Клонятся к закату мои годы, но когда мысленно вижу мою дорогую учительницу, чувствую себя девочкой, радость и тепло согревают мою душу.

Тяжелым ударом было для семьи переселение из родных мест. Мы долго, долго тосковали по ним. Я люблю деревню и никогда бы не сменяла деревенскую жизнь на городскую.

После окончания семилетки поступила в педучилище. Мечтала стать летчицей. А тут – война! Черные тучи нависли над нами. Не стало единственного брата и папы. Не достроен дом. Голод, холод, утраты. Рушились мечты. Страстно хотелось помочь родине избавиться от коричневой чумы фашизма. Трудовой фронт. На Калининском фронте копала противотанковые рвы, под обстрелом ремонтировала Ленинградскую железную дорогу. Еле-еле убежали ночью. Лесозаготовки. Зимой пилили и возили бревна вместо треловочных лошадей (их послали на фронт); по ночам болели животы от тяжести, а было нам по 17 лет. В Масловском районе в Рождественской МТС пахала на тракторе.

После войны восстанавливали срубленные сады, ездили в лес за деревцами и высаживали на улицах, разбирали дома после бомбежки. Верили: вынесем все. Только бы Родина была свободной. Очень хотелось учиться. В труде, лишениях, голоде пролетела юность, но жизнь любили очень. Так же, как Россию.

В 1947 г. ночами готовилась в институт, а днем работала. В 1948 г. поступила в пединститут на филологический факультет. Работала 11 лет заведующей детсадом, 10 лет – на заочном отделении педучилища, была председателем квалификационной комиссии, преподавала на очном отделении и в школе. 36 лет с детьми и молодежью! 12 лет – без отпуска!

Всех внуков воспитывала мама. Жили дружной, одной семьей. Все праздники и выходные дни проводили вместе, у нас. Мелькали дни, шли месяцы и годы, и всегда я любила детей, среди них чувствовала себя хорошо, уставала от взрослых.

И снова один за другим обрушились удары. Не стало дорогих нам Саши, Наташи, Васи. Прекрасные родные души унесли с собой и наше счастье. Выкричалось, выплакалось горе, грозившее свести с ума. Уходила в лес, березам да соснам изливала свою душу.

И вдруг в 60 лет захлестнуло желание писать, писать, писать. Рассказать в стихах и прозе все, что волнует меня, чем живет, трепещет душа. Успеть бы поведать молодым и тем, кто будет жить после нас, о том, как жили мы, к чему стремились, как безгранично, до самоотречения любили Россию.

Приходит вдохновение, но захлестывает быт. Старый большой деревянный дом требует много сил: топка печей, уголь, дрова, ремонты, далеко вода, огород — все на одних моих руках. Устаю сильно. Праздником являются для меня походы за грибами, ягодами, хожу одна. Среди деревьев чувствую себя прекрасно. Как бы замедлить бег времени?

Я – оптимист. Мне 75 лет, а сделать надо много-много. Дали квартиру с удобствами. Времени стало больше, но не ходит совсем мама. Ладно, только бы жила, родная. Успеть бы. Душа молода. Вдохновение приходит часто. Только бы хватило сил воспеть бесконечно дорогую, единственную, неповторимую Россию.

СЕРДЦЕ НЕ ХОЧЕТ МИРИТЬСЯ

Мологу я воспринимаю как волшебный город Китеж. Она то появится в моих снах и мыслях, то снова исчезнет. Сердце не хочет мириться с исчезновением этого милого, доброго города в центре России, незаслуженно жестоко наказанного судьбой. Его не только стерли с лица земли – землю, на которой он жил, скрыли от глаз людских толщей воды. Только перелетные птицы по старой привычке весной прилетали на старые гнездовья и, не найдя их, жалобно, надрывно кричали над широкой разлившейся стихией, как будто спрашивали: «Где же этот милый край?» И не получив ответа, печально летели искать новое пристанище.

Доброжелательные, гостеприимные люди жили здесь. Умели они трудиться в полную силу и широко, от души веселиться. «Гулять, так гулять, не еще начинать! Веселись на всю Ивановскую». Слову верили, а дав слово, держали его. Честь ценилась больше жизни. «Не ударь в грязь лицом», – говорил отец сыну. Народ сильный, румяный, русоволосый. Голубые глаза смотрели приветливо. Немного тягучий, чуть окающий говорок отличал мологжан. Под стать окружающей природе, удивительно размеренно и спокойно текла жизнь.

Здесь, в Мологе, я родилась в монастыре, где помещалась больница. Как один теплый, солнечный день, промелькнуло школьное детство под бирюзовым небом. Родители дали нам много ласки, внимания, но не баловали зря, приучали к труду. Земной поклон им за это.

В редких цветных снах я вижу наш желтый дом с большими чистыми окнами, с двумя крыльцами, выходящими в сад и во двор. Вижу большой чистый двор за сплошным забором с высокими резными воротами, с колодцем, наполненным чистой водой. Вижу пышную березу в углу двора, на сучке ее каждое утро распевал петух, мешая спать. Я спрыгивала с кровати в ночной рубашонке, босая бежала во двор и говорила петуху, стоящему на сучке березы: «Зачем ты разбудил меня, Петя?» Он, наклонив голову набок, слушал меня и отвечал: «Ко-ко-ко», – прости, мол, за беспокойство.

Ярким огромным ковром снится Бороенишинский луг. Насколько может видеть глаз, простирается зеленое, звенящее царство. Это море полевых цветов и прекрасных трав. Междуречье Шексны и Мологи являлось семенным фондом лучших трав страны, таких нет больше во всей России. В нежной бирюзе неподвижно, бывало, висел ястреб, распластав широкие крылья, высматривал добычу в густой траве, готовый камнем броситься вниз. Множество птиц селилось здесь. Какое разнообразие бабочек! Большие, маленькие, белые, синие, розовые, коричневые, черные, в крапинку и горошек.

Прошло много лет, а сердце рвется на тихие, родные улочки, на просторы широких лугов. Все здесь мило и бесконечно дорого сердцу. Родные места до конца дней зовут и манят к себе. Где ты, моя малая Родина?

ПРАДЕД, КУПЕЦ МИХАИЛ МИХАЙЛОВИЧ

На примере трехсотлетней истории моих предков я проследила, как безгранично они любили и берегли свой край, преданно служили России. В 1810 г. родилась моя прабабушка по отцовской линии в семье зажиточного мещанина. Русоволосая, голубоглазая, стройная, с приветливой улыбкой на румянном лице, она притягивала сердца

добрых молодцев. Сватался к ней богатый молодой петербуржец, приехавший погостить в Мологу – не пошла, не могла расстаться с привольем родного края, с цветущим лугом, искристой гладью реки да особым ароматом чистого воздуха на вечерней и утренней заре. «Нет, никуда не пойду от такой благодати», – сказала, будто отрезала. Родители, люди гуманные, умные, неволить не стали.

И тут же посватался мологский паренек из приличной трудолюбивой семьи – Миша Капустин. Румяный, русоволосый, с доброй улыбкой и ясным взглядом синих глаз. Проворный разбитной паренек, любивший в свободную минуту рыбалку и охоту, полонил ее сердце. «Совет да любовь молодым!» – многократно звучало на свадьбе. Эти слова и стали основой их семейной жизни. Шесть сыновей вырастила, выучила, прекрасно воспитала трудолюбивая, умная семья. Рано ушел из жизни отец, но оставил хорошее состояние. Жена его, Марфа Даниловна, вписала всех шестерых сыновей в купечество, дала им немалую сумму денег. Все сыновья закончили коммерческое училище. Построили хорошие дома с садом, дворовыми постройками. От хорошей яблони – хорошие яблоки. Умных, трудолюбивых детей воспитали и сыновья.

ДЕД АЛЕКСАНДР МИХАЙЛОВИЧ И БАБУШКА МАРИЯ АЛЕКСЕЕВНА

Дед мой, Александр Михайлович Капустин, хотя и был из купеческого сословия, но купеческими делами не занимался. Получил коммерческое образование и хорошее приданое: светлый красивый дом с садом и разными добротными дворовыми постройками (а в них корова с теленком, лошадь, свинья и разная птица). Женился, взял умную красивую девушку из г. Рыбинска из купеческого рода Рябининых. Мария Алексеевна, женщина деловая, хозяйственная, родила ему 13 детей: 7 сыновей и 6 дочерей.

Александр Михайлович занялся банковским делом. Вложил хорошую сумму денег в один из петербургских банков, уехал жить в Петербург. В Мологу приезжал в год раза четыре – на Пасху, Рождество и другие праздники. Подросшие сыновья заканчивали тоже коммерческие училища и поселялись жить рядом с отцом в Петербурге, работали в банке или вносили пай в какое-либо акционерное общество. Домой в Мологу приезжали по праздникам, как и отец, на семейный совет, обязательно привозили каждый раз хорошие книги. Таким образом, в доме собралась богатая библиотека, хранившаяся в большом, красивом стеклянном шкафу вдоль всей стены зала. На семейном совете решались вопросы всей семьи и каждого члена семьи отдельно. Дочери, закончив гимназию, работали учителями, а одна, Анна, закончила высшие медицинские курсы, приравненные к медицинскому институту, работала хирургом в Ярославле.

В одну из поездок домой Александр Михайлович простудился и умер. Было ему 45 лет. Через пять месяцев после его кончины родился последний его сын, которого назвали в честь отца Александром. Умный мальчик рос уравновешенным, пытливым, хорошо пел, поэтому его с 5 лет определили в церковный хор. Учился хорошо, любил природу, рыбалку, охоту, столярничал. Это и был мой отец Александр Александрович Капустин.

Кроме своих детей, воспитала Мария Алексеевна двоих внуков, дала им хорошее образование, оба внука стали офицерами. Все дети до ее глубокой старости, а жила она долго, приходили к ней за советом, ее слово было решающим и справедливым. В детях она воспитывала любовь к родному краю, завещала им преданно служить России. Честь и добродетель ценились тут выше жизни. Все дети женились и выходили замуж однажды. Любовь и согласие воцарялись в их семьях, семья была свята. Каждый новый человек, входящий в эту большую, дружную, трудолюбивую семью, руководствовался этим правилом.

АФАНАСЬЕВСКИЙ МОНАСТЫРЬ

Афанасьевский девичий монастырь – один из старейших монастырей, затопленных Рыбинским морем. Кроме него, были затоплены Югская пустынь (мужской монастырь) и Леушинский девичий монастырь. Афанасьевский монастырь был красой и гордостью Мологского уезда. Прекрасные монастырские строения располагались на возвышенности, имелись обширные земельные угодья, скот, развивалось пчеловодство, разные рукоделья. Продукция, изготовленная монахинями, обеспечивала полностью обитателей монастыря и продавалась на рынках губернии.

После революции в 1918 году в монастырской церкви венчались мои родители, Александр Александрович и Лидия Васильевна Капустины. Монастырь закрыли, в одной из его построек сделали родильный дом. Там родилась моя младшая сестра.

Я помню, как папа, наняв экипаж, возил нас, троих детей, на свидание к маме. Экипаж был на рессорах, с откидным кожаным верхом. По дороге в монастырь кучер несколько раз останавливал лошадь, папа показывал нам достопримечательности и рассказывал о них. Запомнился крутой берег с обрывом, наверху росли пышные липы и березы, внизу протекала речка, а за нею раскинулась обширная поляна, покрытая травяным зеленым ковром, на котором паслись кони и жеребята с кудрявыми, короткими хвостами и гривами.

Экипаж остановился у ворот обители: по дорожке, устланной каменными плитами, мы прошли к белому каменному зданию. Окна зарешечены, рамы открыты внутрь помещения, там сложены церковные атрибуты: иконы, хоругви, ризы, подсвечники и прочие вещи. Кругом росли деревья и большие красные цветы. Чистота и тишина окутывали монастырь, запах меда, мяты, цветов плавал в воздухе. Было таинственно, интересно.

В 1937 г. монастырь начали разбирать, удивительно крепкими оказались кирпичи, они не крошились и не хотели расставаться друг с другом. Окрестные мальчишки лазали по подвалам и в одном из них нашли лаз под завалом. Блуждая в темноте с фонариком, они обнаружили одну за другой маленькие двери, их было несколько, за ними – большая комната со стеллажами, а на них древние, в кожаных переплетах, книги с пергаментными листами на множестве языков: старославянском, арабском, китайском. За первой комнатой была найдена еще вторая, поменьше, тоже заполненная стеллажами с книгами. Часть книг взяли мальчишки, большая часть книг осталась в подвале, подвал загородили колючей проволокой и поставили охрану, а потом все затопило море.

Мы знаем, что Иван Грозный перевез куда-то свою бесценную библиотеку, может, в Вологду, где он предполагал сделать свою столицу, т. е. столицу своего царства. А может быть, в древний Афанасьевский монастырь? Как попала эта уникальная библиотека за стены монастыря? И чья она? Что с нею стало? Тайна, покрытая мраком и водой. Будет ли она когда-нибудь разгадана?

ЗОЛОТАЯ ПЧЕЛКА

Давным-давно в Афанасьевском монастыре разводили монахини пчелок, занимались бортничеством, делали ульи и ставили их под сень кустов смородины да крыжовника. Тишина, синь, зелень пришлись пчелам очень по нраву. Аккуратная, трудолюбивая пчелка не терпит суеты, нечистоплотности, она сердится, сердится и обязательно накажет грязнулю и крикливого человека, отдав свою собственную жизнь за наведение порядка. Ведь ужалив кого-то, она погибает сама.

Тихие монахини жили с пчелками в дружбе. Монастырь окружала тишина, жительницы его предпочитали молчание даже тихому разговору. Пчелы щедро награждали их медом.

Огромные цветущие луга, яблони, вишни, поля с голубым льном, гречихой, цветущий картофель, кусты смородины вдоль рек были прекрасной кормовой базой и базой медосбора. Мед качали пудами, хранили его в бочках, продавали на базарах, по праздникам лакомились сами и нередко бесплатно раздавали населению. Говорят, что пчелы любят доброту и за нее щедро вознаграждают хозяев. Свежесобранный мед монахини разносили по деревням, молча, незаметно ставили кринку с медом на подоконник и уходили. Население уважало монахинь, в трудную минуту жители деревень обращались за помощью в монастырь, и им помогали обязательно.

В конце 20-х годов началась коллективизация, монастырские земли постепенно были изъяты, а позднее началось гонение на священнослужителей, и в 30-х годах все монахини из монастыря были выселены. Нарушили пчеловодство, продали ульи, а в монастыре были открыты родильный дом, селекционная станция трав и еще что-то. Пчелы одичали, но окружающая тишина, зелень по-прежнему привлекали их.

Известно, что пчелы не живут там, где суета и грязь. Благодать окружающей местности сохранила их. Они искали место для образования пчелиных семей и отыскивали его в куполах монастыря. Удивительно, что именно купола заменили пчелам ульи.

Пчелы роились и вновь поднимались на большую высоту. Золотистый живой ком поднялся на высокий купол и остался там. Это заметила женщина. Мужчины поднялись вверх по монастырской лестнице. Увиденное удивило и восхитило их: в куполе находилось много сотового меда, он заполнил все пространство куполов. Медовый аромат плавал в воздухе монастыря и уходил в окружающее пространство. Надев сетки, перчатки, мед стали раздавать населению. Жители приходили с ведрами, большими бидонами, получали мед и уносили домой впрок.

Благословенная мологская земля была не только богатой, но и доброжелательной, спокойной, умиротворенной. Возможно, когда-нибудь возродится на Мологской земле былая благодать. Так хочется увидеть мою малую родину, хотя бы во сне.

КОРОВЬЕ СТАДО

В самом городе Мологе коров было много, почти каждая семья, живущая в собственном доме, имела свою корову. Коровы были разные: черные, белые, бурые, желтые, пегие – но, в основном, ярославской породы, славившейся тогда удоями – черные с белой мордой и белыми до колен ногами, с красивыми рогами. Спокойные, они хорошо ели, давали много жирного молока, ежегодно телились, яловость была редкой, телята росли быстро. Семьи были хорошо обеспечены молоком и мясом. Молочными и мясными продуктами обеспечивали Рыбинск и Ярославль.

Мологский уезд славился животноводством, так как пойменные луга междуречья Шексны и Мологи давали отличные травы. Из молока этих коров выделялось лучшее Вологодское масло и Пошехонский сыр, славившиеся за границей, не раз на мировых аукционах бравшие первые призы.

Рано утром пастуший рожок будил домохозяек, они доили коров и сдавали их пастуху. На хороших пастбищах коровы быстро прибавляли молока. В обед хозяйки ходили на дойку коров, по очереди кормили пастухов с подпаском. Коровы ложились отдыхать и через час-другой снова щипали траву, наполняя вымя молоком.

В революцию и годы гражданской войны в молодого-шекснинских лесах развелось много волков. Обнаглев, они стаями нападали на коров. Пасти коров пастухам стали помогать хозяева. Отогнав от стада одну корову, волки перегрызали ей горло, ели до отвала, потом отлеживались несколько дней и снова начинали преследовать.

В нашей семье корову загрыз барсук. Жил он в песчаной норе на лесном пригорке. Незаметно загнал корову в кусты после обеденной дойки, когда стадо отдыхало. Она запуталась в прутьях, барсук съел вымя, корова истекла кровью. Нашли ее через два дня.

Когда на лугу заканчивался сенокос, коров переводили пастись туда. Там было не опасно, просторно, подросшая отава являлась отличным кормом. Огромные стада коров, телят, коней паслись на молодого-шекснинских лугах, снабжали население области и других городов отличными продуктами. Так было до образования Рыбинского моря, когда обетованная земля ушла под воду.

Мир вам, российские луга и пашни. Будь счастлив, славный ярославский земледелец!

МОНАХ НА БОЛОТЕ

Разбросало монахов гонение на религию. Монахи Югской пустыни разбрелись по матушке России. Скрылись некоторые в глухих местах и молились за россиян, за освобождение земли русской от напастей. Жил в глухом лесу, на большом болоте, в построенной башаровским купцом в честь иконы Божией Матери деревянной часовне монах средних лет. Чем питался он? Какие силы спасали его в трескучий мороз? Неизвестно, только жил он не один год среди болота, в глухомани. Летом ходил в белой рубашке, белых штанах и черной шапочке на голове.

Зимой как-то увидел его дядя Миша Соколов, когда ходил поохотиться на зайцев и белок. Зашел специально, принес два круглых каравай хлеба да картошки с капустой. Доброжелательный добродушный молчун Миша никогда никому о монахе не говорил, но как-то вечером на пристани, где мой папа ловил уклеек для кошки, они разговорились. Пристанщик Миша почувствовал к папе уважение и поведал ему о житие монаха. Несколько раз тот встречался с Мишей на болоте, узнал его хорошо и рассказал, что он из Югской пустыни, которую разорили, а на болоте часовня его приютила. В лесу много грибов, ягод, питательных корней, шишек. Летом запасает по деревьям сухари и молится, молится за спасение России, просит Господа простить россиянам их грехи. Здесь он, как в келье, людей совсем не видит, а звери, что пробегают, его не трогают. Медведь осенью приходил – посмотрел, порычал и ушел. Видно, это его территория. В августе и сентябре люди приходят за брусникой и клюквой группами, соберут по большой корзине и уйдут. В часовню не заглядывают, а он в это время прячется.

Перед переселением монах исчез, но сказал Мише, что будет слезно молиться за спасение России до конца своих дней.

Две местные женщины тоже видели на болоте мужчину средних лет, в белом нижнем белье и монашеской шапочке, с большой бородой и длинными, до плеч, волосами. Он собирал ягоды. Женщины испугались и постарались скорее уйти. С тех пор местные жители на это болото не ходили, пока монах не исчез. Куда он пошел? Русь велика, глухих мест много, есть где от души помолиться Господу за спасение матушки России. На бескорыстии и доброте мир держится. А таких людей от голода и холода Бог спасает.

ГРАФСКАЯ ЛЮБОВЬ

Она жила в Мологе в светлом, просторном, уютном доме, окруженном яблоневым да вишневым садами. Тоня, позднее Антонина Алексеевна Мусина-Пушкина. О ней и пойдет рассказ.

Единственный ребенок, она росла, окруженная любовью и заботой нежных родителей, не чаявших в ней души. Ни в чем не знавшая отказа, была жизнерадостной, самоуверенной, смелой. Ей прощалось все. Золотое детство уверенно шагнуло в отрочество, а затем в цветущую юность. Недурна собой, среднего роста, хорошо сложена, золотые локоны ниспадали на округлые плечи, голубые глаза сияющими звездочками весело и задорно созерцали окружающий мир. Веселость, доброжелательность, подвижность позволяли ей быстро сходитьсь с людьми, быть в центре внимания. Она

отлично танцевала, хорошо плавала, умела непринужденно поддерживать разговор. Особенно ей нравилось общество мужчин. И они тянулись к ней.

Увидев Тоню, молодой граф Мусин-Пушкин, приехавший отдохнуть в Иловну в имение своего отца, сразу же обратил на нее внимание. Погуляв по берегу Мологи и подойдя к группе гимназистов, где находилась Тоня, он пошутил с ними, рассказал несколько светских анекдотов, сел верхом на коня и ускакал в имение.

Через несколько дней вновь состоялась встреча. Они танцевали под духовой оркестр, слушали оперу, смотрели спектакли московских артистов, которые ежегодно гастролировали и отдыхали в Мологе. Девушка была начитана, искренна и вскоре завладела его сердцем.

Кончился отпуск. Молодой граф с сожалением уезжал на службу в армию. Без нее он скучал. Часто писал. Она отвечала искренне, просто, без кокетства. Несмотря на общество светских барышень, его тянуло все сильнее и сильнее к милой, немного ветреной девушке, живущей в российской глуши среди тихой зелени под бирюзовым небом. Сердце рвалось к ней. «Ах ты, хитрая простота, так игриво и просто завоевала мое сердце», – грустно улыбался граф.

Зимой приехал и, несмотря на протест родственников, сделал ей предложение стать его женой. Предложение было с радостью принято. Этот решительный шаг сразу перенес Тоню из прошлой, мещанской – в будущую, незнакомую жизнь в графском доме. Граф взял длительный отпуск. Молодые поселились в Иловне. Один счастливый день сменялся другим. Родилась дочь Верочка. Граф верил в долгое счастье семьи.

Петербургское общество бурлило. Революция 1905 года, затем война России с Германией. Граф все реже и реже бывал в семье. Волнения в армии, буржуазная февральская революция 1917 года, отречение царя от престола.

В этот период Антонина Алексеевна, взяв дочь, переезжает из графского дома в родительский дом в Мологу, там знакомится с Николаем Алексеевичем Полозовым, бежавшим из города Лида – человеком трудолюбивым, умным, добрым. И меняет графскую фамилию на фамилию счетовода Полозова.

Верочка унаследовала доброжелательность характера матери, но не была столь подвижна, любила уединение, много читала, умела внимательно слушать собеседника. Внешне очень походила на своего отца – графа. Была она высокая, стройная, густые черные кудри обрамляли ее смуглое лицо. Черные красивые глаза смотрели загадочно и внимательно. Отец очень любил ее.

За неделю до свадьбы Антонины Алексеевны и Полозова граф на тройке примчался в Мологу, чтобы взять жену и дочь и уехать за границу во Францию. Но Антонина не решилась ехать в неизвестность. Увидев в окно лошадей графа, спрятала жениха Николая в другой половине дома. С графом же договорились обо всем.

Началась новая эпоха в жизни России, и женщина смело шагнула в будущее. Прошлое осталось позади. Через семь дней сыграли свадьбу. Женщина легко перешла границу старой жизни, граф переживал мучительно. Родители нового мужа поселились в ее доме. Она доила корову, ухаживала за поросенком, теленком, курами, работала в огороде. В свободное время по-прежнему, тряхнув золотыми кудрями и сверкнув голубыми звездочками глаз, шла к соседям. И так же легко и доброжелательно шутила, приподняв и без того вздернутый красивый носик.

Говорили, что молодой граф еще раз присылал из-за границы своего камердинера, чтобы привезти семью, но Антонина не поехала. Ее новые власти не беспокоили, она шутила и хорошо выглядела. Чтобы справить день рождения нового мужа, не задумываясь, продала корову и купила все необходимое для праздника.

Конечно, граф обеспечил будущее своей дочери. Но рушился старый мир, начинался новый. До переселения Полозовы жили в Мологе. Как сложилась жизнь их первой дочери, Верочки Мусиной-Пушкиной? Стала ли Россия ей доброй, заботливой матерью, а не мачехой? Дай Бог не забыть россиянам умных, добрых людей.

ДЛЯ ГРЯДУЩЕГО ПРИМЕРОМ СОЗДАНА

Иногда мне кажется, что Провидение создало эту обетованную землю для образца, для примера. Пусть жители средней полосы России смотрят и строят свою жизнь по этому образцу.

Взяло Провидение, да и наполнило глубокую Шехонь чистой водой, создало множество речных рыб: лучшую в мире шекснинскую стерлядь, белорыбицу, судака, леща, налима, сома, щуку. Широкой полосой вдоль берегов создало прекрасные кондовые леса: стройную ель, смолистую сосну, застенчивую красавицу березу, а ниже этажом – лечебные кустарники: калину, малину, черемуху, смородину, рябину, шиповник. А еще ниже разместило ягоды: бруснику, гонобобель, чернику, клюкву, землянику – и грибы в изобилии: белые-коровки, боровики, подосиновики, грузди, маслята, волнушки, серушки. Напоило вдосталь прибрежные луга талой вешней водой – и зацвели они несказанной красотой. Каких только цветов не благоухало там: фиалка, резеда, голубой колокольчик, склонивший красивую головку, ромашка, лук и много других. А над всем этим звенело, пело царство пернатых, наполняя душу радостью жизни. Благодать! Живи Человек, будь счастлив.

И не губил он, оберегал природу. От нее черпал духовные и физические силы. Доверчивый, доброжелательный, щедрый, как мать-природа, он много трудился с желанием и интересом. Имея веселый нрав, умел хорошо отдохнуть, повеселиться. «Я с Шексны», – звучало в устах шекснинского жителя гордо. Всем необходимым для жизни обеспечивал себя сам. Мясные, молочные продукты каждая семья ела вволю. Выращивали хороший картофель, овощи. Шерсть, кожа от выращенного скота шли на зимнюю и летнюю обувь, обработанные снопы льна давали душистое льняное масло, домашнюю одежду и белье. Бережное отношение к лесу позволяло дополнительно пополнить питание множеством грибов, ягод, трофеями охоты, боровой и водоплавающей дичью.

Дрова заготавливали не где попало, а выбирали сушняк в специально отведенной деланке, сжигали за собой мусор. В лесах было чисто.

Низко над Шексной летел мотыль с междуречья, намочив крылышки, падал и кормил собой рыбу, она жирела, хорошо множилась. Население Шекснинского края содержало себя и поставляло продукты в города Рыбинск, Ярославль, Петербург. Купец Комплиментов поставлял мясо-молочные продукты, шекснинскую стерлядь, белорыбицу к царскому столу.

Табуны прекрасных гнедых, вороных коней, вскормленные на заливных лугах междуречья, ежегодно пополняли военную кавалерию, продавались на рынках. Лучшие стада коров ярославской породы наполняли рынки Ярославщины. Они давали знаменитые пошехонский сыр и вологодское масло, которые занимали призовые места на аукционах Европы.

Сильные, выносливые кони, молочный рогатый скот, лен, мясо, молоко, картофель, кожа, рыба, шерсть, высококалорийное сено, равного которому не было в России, семенной фонд кормовых трав, поставлявший семена во все регионы страны. Строевой лес, древесина доставлялись по водным магистралям – Шексне и Мологе – на многие стройки страны и за рубеж. А главное – народ, трудолюбивый, доброжелательный, веселый и очень доверчивый, щедро угощавший каждого, кто заходил в дом. Высокий, румяный, любивший петь, шутить.

Иногда перед мысленным взором возникают картины прошлого. На раздольном лугу пасется табун лошадей, щиплет отаву. Прохладой веет с Шексны, с неба сыплет золото Ярило, синь да зелень на много верст. И вдруг молодой конь поднимет голову, раздует ноздри, вдохнет чистый воздух, заржет призывно, радостно, тряхнет гривой, распушит хвост по ветру и мчится по раздольному лугу, куда глаза глядят. Стремительно, задорно перепрыгнет канавку, бугор, взбрыкнет озорно ногами, пронесется версты две. Поднимет голову вверх, смотрит, словно благодарит Создателя за благодать.

А иногда привидится: большое стадо коров пасется на лугу, а среди них могучий, широколобый бык следит за порядком, оберегает коров. А они спокойно едят сочную траву, наполняя вымя жирным молоком. Наевшись травы, вытянут шею, вдохнут ароматный воздух и растянутся отдыхать на просторном лугу. Неподалеку пасутся телята – забавное лопоухое пополнение стада.

Не верится, что это уже не явь. Может, Провидение специально создало край среди России, где и морозы бывали за минус 40 С, и жара за 30 С, и ливни, и засуха, а народ не стонал, трудился, помогал друг другу, и в любых условиях жил неплохо. Задорно, весело звучали песни в праздники, ноги сами отплясывали «чижа», кадрили, «русского». В сочельники славил Христа за благодать и помощь, а в крещенские морозы мал и стар гурьбой катались с ледяной горки. А как дружно, задушевно в каждой семье по праздникам звучала русская песня!

Создало, показало Провидение эту обетованную землю нескольким поколениям: смотрите, учитесь, как надо жить. От тебя зависит счастье, Человек.

ТУМАН

Какие густые белесые туманы клубились по берегам Шекснинского края! Они спускались с верховья, с Молого-Шекснинской поймы, окутывали луга и низины. Воздух становился густым и белым, как коровье молоко. Протяни руку — и не увидишь пальцев. Смотришь под ноги и не видишь сапог.

Туманы эти, как бальзам, действовали на зелень огородную. Она становилась ядреной и быстро росла.

Однажды я поехала на раннем пароходе в город, сразу же за деревней стал сгущаться туман. Тропку к пристани не было видно, шла наобум, хорошо помня дорогу.

Туман очень быстро сгущался и казался глухой стеной. Вдруг у самой ноги увидела огромную черную птицу. Я вздрогнула, а птица не шелохнулась, она не знала, куда лететь. Клюя на тропке кем-то рассыпанные семечки, она увлеклась, не заметила, что оказалась в плену тумана. Он словно увеличил ее размеры в несколько раз, мне птица показалась гигантской. Я остолбенела, мелькнула мысль, что залетел беркут (а эти орлы таскают ягнят). Может унести и меня... Стояла, боясь шелохнуться.

Туман быстро рассеивался. Сзади меня настигла соседка, шедшая по памяти по тропе. Я рассказала о птице. С минуту мы стояли. Луч солнца пробил толщу тумана, и туман отступил. Из травы в полумраке взлетела птица, большой черный грач, показавшийся мне орлом.

Однажды туман настиг пароход на Шексне. Ему пришлось дрейфовать километра три по течению. Беспрерывно гудел, а с пристани ему отвечали звоном железной рельсы о штырь. Спустя некоторое время туман начал рассеиваться, и пароход с гудками добрался до следующей пристани.

Чаще всего такие густые туманы были в жаркие дни рано утром и поздно вечером. Но были густые туманы и среди зимы. Говорили: «Зайцы варят пиво». Зимним днем туманы держались долго. Но автомашин в наших деревнях тогда не было, а люди не натыкались друг на друга. Все обходилось благополучно.

В летний день густой туман взбадривал, приносил ощущение новизны. Хорошо орошал он в жару поля и покосы, лес тоже преображался, выглядел свежим после белесых туманов.

После, прожив много десятилетий, таких туманов, как в Шекснинском крае, я не видала.

ПОШЕХОНСКИЙ СЫР

Огромные пойменные луга в летнее цветение, как красочный ковер, ярким разноцветьем украшали междуречье Шексны и Мологи. Две сестры – богатые, судоходные реки с одинаковой судьбой – в средней части своего течения сближались весной во время половодья, заполняя впадину смешанной водой, разливавшейся на многие версты, как море. Эти душистые травы являлись кормом крупного рогатого скота. Коровы давали много ароматного густого молока, из него-то и делали пошехонский сыр, который удивлял своими вкусовыми качествами зарубежных гурманов. И делали его не где-то, а на берегу реки Шексны. Начал выделять его сын дворянина Николай Верещагин – старший брат художника-баталиста Василия Верещагина, тоже морского офицера, погибшего вместе с адмиралом Макаровым недалеко от Порт-Артура в русско-турецкой войне. Он оборудовал здесь большую сыроварню.

Крестьяне, жившие в припойменных деревнях, имели по 2-3 коровы. Они тоже делали сыр и масло по рецептам Верещагина, а многие привозили молоко на его сыроварню. Для строительства новых сыроварен требовались деньги, пришлось заложить имение. Верещагин открыл спецшколу сыромаслоделия. Мастера разъехались по всей губернии и создали основу молочной промышленности России. Чтобы сыр и масло были не только жирными, высококалорийными, но еще имели аромат цветущего луга, коров содержали в чистоте. Молочная продукция выделялась тоже в чистоте. Крестьяне припойменных деревень собирались в артели и строили небольшие сыроварни.

Николай Верещагин – замечательный человек, сделавший много хорошего всем, кто был с ним рядом. Где родился, там и пригодился. Закончил жизненный путь он на родной земле, а ее затопило Рыбинское море. Не найдешь теперь место, чтобы поклониться праху великого человека. Плещут беспокойные волны, размывая памятный холм. Мир праху твоему, творческий Человек!

Отчизна моя! Зачем же ты привязываешь так к себе и губишь своих сыновей? Незлобивая, доверчивая, не знаешь цены ни себе, ни детям своим. Щедро награждаешь чужих, а родных, преданных тебе, забываешь. Почему такая ты? Молчишь, потому что не ведаешь.

ГОНОБОБЕЛЬ

Он рос на высоких и низких кустах, на болоте и в подборине, в тени у кустов и на открытой местности. Один крупный, продолговатый, как крыжовник, другой круглый, посмелее, голубой и бледно-голубой. Один поспевал рано в июне, другой поздно. Все лето собирали жители деревни любимую ягоду. В гари гонобобель поспевал рано и был очень крупный. Много росло в лесу и черники, но любили больше гонобобель, потому что он крупный, быстро собирается и растет на высоких кустиках. Захотят ребята ягод, сбегают в перелесок, наедятся горстями с куста, идут, улыбаются и щеки все в ягодах.

Все очень любили пироги с гонобоблем, ребяташки наслаждались вволю и ходили с разукрашенными фиолетовыми ртами и щеками от ягод. Скажет хозяйка: «Ребятишки, сбегайте-ка за выгон, наберите блюдо ягод, пирог испеку». Быстро двое-трое ребят наберут ягод, и плывет над улицей аромат ржаного пирога с гонобоблем. Варенья из гонобобля не принято было готовить впрок. Сварят большое блюдо ягод, песком засыплют и большой ложкой накладывают на лепешку или свежееиспеченный хлеб, едят, кто сколько хочет. Хороша гонобобельная пора! Не ленись, собирай и ешь, сколько душа желает.

ДИДЕЛЬ

В деревнях по реке Шексне почти все мужчины могли хуже или лучше играть на гармошке, балалайке или мандолине. В особом почете была гармошка «тальянка». Втихаря каждый мальчишка учился играть и мечтал стать гармонистом. Хотя о музыкальной школе никто не имел никакого понятия, но к жениховскому возрасту каждый парень умел немного играть. А начиналось музыкальное образование с игры на дудке из диделя. Это высокое зонтичное растение росло в крапивнике, малиннике, на заросшем бугре, рядом с осокой, ветлой. Вышиной в два с лишним метра, внутри пустое, вершина мягкая. Когда в мае вырастал небольшой дидель, его срывали, чистили, ели, вкус напоминал анис.

Отвердевший большой дидель срезали и делали дудки. Ребята, особенно мальчишки, садились на берег ручья, Шексны или на бугор в траву, клали рядом несколько стеблей, прорезали отверстия и дверочки в стволе и дули в верхний прорез. Дудочка свистела, дудела, пищала. Пальцами то открывали, то прикрывали отверстия, и получался различный звук. Можно было сыграть нужную мелодию, мотив песни. Увлечение дудками из диделя продолжалось долго. Девчонки и мальчишки отдельными группами ходили к местам, где рос дидель, садились на траву и исполняли мелодии песен квинтетом, квартетом, а особенно удачливый «музыкант» исполнял соло на дуде. Все слушали, выбирали лучших.

Когда это развлечение надоедало, все вставали, гурьбой шли к деревне и начинали играть плясовую. Какой-нибудь более шутливый парнишка на ходу выделявал впереди ватаги коленца и выкрикивал смешные слова. Вся ватага умирала от смеха. Так она шла по деревне, пока кто-то из взрослых мужиков не произносил: «Ух, ты! Скоморохи приехали, послушаем». Все «музыканты» бежали врассыпную по домам или купаться на Шексну.

Наподобие этих дудок, только из дерева или коровьего рога, пастух делал себе пастуший рожок. На пастушьем рожке играли только пастух и подпасок. Это был сигнал для коров и хозяев. Играли по-особенному, призывно и бодро. Трубил рожок рано-рано утром и после обеденного отдыха, звал коров на пастбище. Долгий, с переливами, чуть грустный звук.

Отцветал дидельник, одни затейливые увлечения сменялись другими сезонными играми. Теплая, летняя пора давала массу хороших впечатлений и наполняла души волнением и радостью.

СЕННОЙ ОБОЗ

Клубится пар над санным обозом, идущим с верховьев Шексны в Рыбинск. Речная дорога вытоптана копытами лошадей, идешь, как по трапу. Снегу зимой выпало много. Чуть шагнешь в сторону – и окажешься по пояс в снегу. Под снегом, оседая, у самой кромки берега от мороза трещит лед.

Восемь утра. Мы, школьники, бежим с крутого берега на речную дорогу. Спешим в школу за пять километров. Впереди обоз. Ох! Опоздаем на уроки. Обоз длинный, подвод сорок. Лошади шагают бодро. Перед обозом идут четыре здоровых мужика в барашковых треухах, в больших овечьих рукавицах и валенках. Лица красные от мороза, брови и усы покрыты инеем. Из-под расстегнутых тулупов виднеются легкие барашковые полушубки, перетянутые широкими, красными и голубыми кушаками, ватные брюки. Это возчики, они по очереди идут впереди обоза несколько километров, затем отдыхают на возу, а другие сменяют их. Так же и сзади обоза, оберегая его, шагают, мирно беседуя, мужчины. Пропуская обоз, мы сворачиваем в сторону и сразу же оказываемся по пояс в снегу. «Носы не отморозили, ребятишки?» – кричат мужички, улыбаясь нам. – «Нет». – «Ждите здесь, на обратном пути захватим», – шутят они.

Длинная вереница лошадей тянется долго. «Скрип, скрип, скрип...» – поскрипывает мерзлый снег под полозьями дровней. Лошади разные: карие (их больше всего), вороные, сивые, пегие, каурые... Они мотают головами, стряхивая с морды иней и фыркая на ходу. Над обозом витает пряный аромат сена, напоминая цветущий луг, запахи фиалки, резеды, ромашки, лука, всего разнотравья. Жадно вдыхаем чистый, ароматный воздух. Наконец, проехал последний воз. Встаем на дорогу и бежим в школу. Обоз задержал нас, опаздываем на первый урок.

А лошади останавливаются, чуть сойдя с дороги, против деревни Бережок. Возчики вешают им на морду торбу с овсом, а сами идут на полчаса в чайную. Заказывают горячего крепкого чаю: «Чайничек на брата и чайничек на всех». А некоторые говорят: «Десять чашек чайку, одну конфетку». Достают из сумы холодную говядину, яйца вкрутую, головку луку и круглый большой каравай ржаного хлеба. Закусывают, пьют горячий чай, благодарят трактирщика и выходят. Скручивают большую сигарку, «козью ножку», или набивают табаком трубку-носогрейку и, крикнув, спускаются к обозу, докуривая на ходу. Отдохнувшие лошади приветливо смотрят на хозяев большими черными глазами, дожевывая овес.

Последний перегон. Двадцать километров до Рыбной. Они везут сено для армии. Раньше возили для царской конницы, теперь – для Красной кавалерии. Везут высококалорийный корм с заливных шекснинских лугов и междуречья Шексны и Мологи. «Откуда вы?» – спрашивают ребята. В разные дни возчики отвечают по-разному: «Из Ваятия, от Вороны, с Черной деревни, из Сосняг» и других мест. На последнем уроке видим в школьное окно, как сенной обоз возвращается обратно. Негруженные лошади идут быстро, иногда впритруску: скорей, скорей домой! Там можно отдохнуть в теплом хлеве, вволю попить чистой воды и поесть душистого вкусного сена.

Счастливого пути вам!

БЕСЕДА

Беседа: малая, средняя, большая – разделялась по возрасту. С наступлением холодов и дождей осенью, когда заканчивались полевые работы, девушки нанимали дом для бесед, ибо клубов не было в деревнях. Договаривались с хозяевами о цене и правилах поведения. Темнело рано. Обрядив скотину и отужинав, девицы брали рукоделье: прялку с куделей или вязание – и шли в дом, снятый для бесед. Платили девушки по 5 копеек, они же по очереди следили за порядком. «Сегодня моя беседа», – говорила Настя. И все по любому вопросу обращались к ней. В конце беседы она, собрав, отдавала деньги хозяйке.

Два старичка – Иван Васильевич и Мария Ивановна Васильевы – специально построили дом для бесед. Он состоял из одной большой комнаты: по стенам – скамейки, в углу – стол. Спали старики на печке и полотах. У них и снимали на всю зиму с Покрова дом для бесед. Малая и средние беседы проводились только по праздникам, в домах, кто пустит, и заканчивались раньше.

На большую беседу пускались девушки с 17 лет. Беседы для невест проходили и в будни. Занимаясь рукодельем, девушки пели, рассказывали новости, шутили, обсуждали женихов. Скромные, религиозные, они не позволяли вольностей. Побеседовав, выполнив задание по рукоделью, расходились по домам.

По праздникам надевали праздничный наряд, делали прическу, надевали украшения из золота и дорогих камней. Чем зажиточней семья, тем больше золотых украшений. Серьги, кольца, цепочки золотые были обязательно у каждой невесты. Более зажиточные семьи покупали дочерям еще и ожерелья, браслеты, золотые часы на грудь. Деревня была богатой, и девушек рядили хорошо. В праздник наряд менялся два-три раза. Днем – один,

вечером – другой. Приходили парни из других деревень и свои деревенские. Приезжали с Журавлевской фабрики конторские служащие на лошадях. Привозили девушкам угощение: орехи, изюм, пряники сусальные, конфеты. Парни вели себя скромно, были вежливы, много шутили. Начиналась беседа с «чижа», затем гуляли кадрили, их было много. Особенно веселая шестая кадрили – «рассыпалась малина». Парни много «дробили». Дробь получалась лучше, когда на каблуках были железные подковки. На старшей беседе был цвет молодежи. Здесь выбирали себе невест и женихов.

На гармошке играли местные парни. Особенно славился Костя Павлов. С 12 лет он жил в Питере, обучался торговому делу по верхней одежде. Был обходительный, остроумный, стройный, со вкусом одет, умел шутить, играть на гармошке, плясать. Любая девушка пошла бы за него замуж. Он жениться не торопился. Началась революция, многое изменилось в его судьбе.

Местные гармонисты иногда отказывались играть, хотелось самим гулять «чижи», кадрили – разные парные игры. Танцы исполнялись редко. Тогда нанимали гармонистов, братьев Андрея и Петра Глебычей. Но они запрашивали много: играли в городе на свадьбах, славились. Петр брал меньше, его нанимали чаще.

Парни приходили из разных деревень, но больше всех нравились из Журавлевского, Аббакумова, Поповского, с реки Волги. Голузинских из Сосняг, с Бережка не уважали, считали «серыми». Пройдя восемь-девять километров и сгуляв несколько игр, парни из богатой партии шли к тете Анне Туровой, угощались, закусывали. Никто, никогда не являлся на беседу пьяным, не позволял вольностей.

Богатые конторские парни приезжали на лошади со своей гармошкой, среди беседы они уходили к Туровым, где им было приготовлено угощение. Выпив по рюмочке и хорошо закусив, они возвращались на беседу. Поздно вечером, вволю повеселившись, ехали домой.

Праздники в Шекснинских деревнях проходили спокойно, без драк, в отличие от праздничных гуляний по реке Мологе и реке Сити. В избе никто не курил, не смел бросить на пол бумажку. Шутили, пели, но без криков. Хозяева были довольны и охотно пускали беседу. Во время бесед присматривались к молодым людям, кто как носит головной убор, обувь, как говорит, определяли характер. Гуляли в беседном доме до Пасхи. Наступало тепло, длинные дни и гулянья проводились на сухом высоком берегу Шексны. Здесь были и простор, и красота, и раздолье.

Умели наши предки – жители Шекснинского края – не только хорошо работать, но и хорошо веселиться. Хорошо бы вернуть на Русь прежние обычаи, возродить нравы. Деды и прадеды наши были великодушны, добры, трудолюбивы, умели шутить.

СГЛАЗ

Живет человек рядом, внешне такой же, как все, но не дай Бог посмотреть ему пристальным, завистливым взглядом на что-нибудь.

Ходила к нам тетя Наташа, все было хорошо. Однажды ехала она на рейсовом пароходе домой, с палубы увидела, что идет ее корова по лугу впереди стада, траву не щиплет, а наша Милка отстала, жадно щиплет траву. Позавидовала нашей корове. Вечером и говорит маме: «Твоя корова – труженица, все время ест, оттого и молоко жирное, да много дает, а моя – лентяйка, не ест, ждет, что я ей припасу охапку. Уж так я позавидовала твоей корове». – «Полно, Наташа, пришла корова с пастбища грустная, слезы текут, жвачку потеряла и молока дала мало». А утром Милке стало хуже, не дала молока.

Неподалеку жила добрая тетя Паша, посмотрела она корову, говорит: «Сглаз. Недобрый глаз посмотрел на нее. Да я сейчас вылечу». Взяла кружку чистой воды перелила ее через дверную ручку в другую кружку, пошептала какие-то слова, подошла к корове и трижды прыснула водой прямо в морду. Корова вздрогнула, встряхнулась и вскоре начала жевать жвачку. На пастбище ела по-прежнему и дала много молока.

Была в деревне еще женщина с недобрым глазом. Пришла она как-то к соседям, и сразу заглянула за занавеску в заулке, где бегал маленький поросенок: «Ну и хорош, да шустрый-то какой, удачно купила ты, Маня». Побыла немного и ушла. И тут же закружился поросенок, застонал и вскоре умер.

А то еще молодая женщина жила на краю деревни. Так она и сама себя сглазила не однажды. Посмотрится в зеркало, полюбуется на себя – и тут же заболит. Сама не рада, а поделаться ничего не может. «Посмотри, Шура, какую я себе обновку купила», – говорит подруга. «Нет, не пойду, сглажу, заболит». Даже петуха задиристого сглазила, чуть не сдох. Да вовремя успела хозяйка отчерпать воду да sprysнуть его.

Женщины эти трудолюбивы, недурны собой, а вот взглянут попристальней, да позавидуют чужому – и заболит тот человек или его скотина. Зависть и недоброжелательность к добру не приводят.

КОЛДУН

Жил он с женой в хорошем, крепком доме на горе за ручьем. Дети: сын и дочь – жили своими семьями. Ослеп дядя Матвей еще в молодые годы, но быстро привык к своему новому положению и по памяти делал все сам. Носил воду с ручья для скотины, пилил одноручкой дрова, и колоть научился сам, поил и кормил скотину. Когда тетя Надя, его жена, красивая, умная женщина, заведующая детскими яслями, уезжала в город, он даже доил корову, лазал в подполье по крутой лестнице и кормил маленького поросенка парным молоком. Мешки и полотенца обшивал на швейной машине, ровно копал гряды в огороде, ремонтировал забор и баню.

«Бес помогает ему», – говорили в народе. И не поверили бы, что он слеп, если бы сами не видели, что глаза его застлала белая пелена. Носил он черные очки и белую тросточку, с которой не расставался. Сильный, румяный, аккуратный, он взрослым внушал уважение, а нам, детям – страх. С людьми был приветлив, хотя в товарищи никому не напрашивался. В их дом никто не был вхож, но знали, что в нем хороший порядок.

Казалось, слепой все знал и ничего не боялся, кроме ходьбы по мосту через ручей. Мост без перил, высоко над водой. Слепой мог оступиться и угодить с обрыва на камни, или мчавшаяся с горы лошадь могла сбить его. Пройдя мост, самый трудный участок пути, он подходил к изгороди и шел вдоль нее по передней улице, где не ездили лошади и не ходил скот. Садился на лужайку за первым домом и отдыхал. Мы из-за угла наблюдали за ним, на всякий случай от колдовства сделав пальцы фигой. Он узнавал нас по голосу и говорил: «Ляля, зачерпни мне ключевой воды». Или: «Катя, а что нога твоя, все болит?» «Нет, дядя Матвей», – отвечала Катя, у которой еще в шестилетнем возрасте была вынута коленная чашечка.

Из-под засученных выше локтя рукавов и расстегнутого ворота рубашки виднелись густые, кудрявые волосы. Мускулистое тело его дышало здоровьем. Он ходил через всю деревню в ясли к жене, побыть среди ребятишек.

Колдовство приписывалось ему потому, что разные люди видели на трубе его дома беса, который сидел подбоченясь и строил рожи. Видели это, и сразу двое, в лунную ночь. Приходилось видеть и огненных змей, влетающих в трубу его дома. Видели и странных мужичков, пробежавших из бани в его хлев. Все это заставляло обходить слепого стороной и не разговаривать с ним.

Но чужие разговоры шепотом – это одно, а когда сам увидишь подобное, тогда поверишь... В сочельник морозным вечером мама послала меня к соседям за мясорубкой, чтобы приготовить ливер для пирога. Большой месяц ярко освещал небо и землю, и тень от крыш ложилась до половины улицы. Я пробежала черную тень и тихо шла по освещенному месту. Возвращаясь, невольно вздрогнула, увидев, как огненные стрелы, метров по шесть каждая, одна за другой влетели в трубу дома дяди Матвея. Они летели

сверху наискосок и, немного изогнувшись, попадали в трубу. Это был вечер перед Рождеством.

Умер дядя Матвей неожиданно, перед самым переселением. Отремонтировал полки в бане, натопил ее, как всегда, и пошел париться. Жены дома не было, она ночевала в городе. Зимой темнело рано, но соседи слышали, что из бани доносилось странное хихиканье и мяуканье, а ведь он был один дома. На другой день, вернувшись, жена увидела его в бане. Ноги и часть туловища были на полке, а другая свисала на скамейку у полка. В такой позе, вниз головой, он умер. Схоронив мужа, тетя Надя не стала больше жить в доме: ей страшное чудилось. Чудилось и ночевавшим у нее людям. Даже днем были видения.

Вот такое бывало. Верь не верь, люди многое еще не знают сами о себе и о тех силах, которые обитают рядом. Интересно. Живи да присматривайся к миру непознанному.

КОЛДУНЯ

Жила Федора в глухой лесной деревне, в трех километрах от Волги. Дом ее был рядом с лесом, а с другой стороны – ржаное поле. Жила она с немолодой дочерью, у которой двое детей выросли, обзавелись семьями и уехали в город. Деревню дети навещали редко, к ним ездила сама мать, а Федора из деревни никуда не выезжала. Ходила в лес за брусникой, клюквой, гонобоблем, собирала грибы в грибной сезон. Ходила в лес одна или с дочерью. Была она мстительного, злобного нрава: если кто ей не понравился – сживет со свету или накидает кил на глаза, шею или подмышки, или начнет чахнуть человек, пока не отговорит знахарка. Ее боялись все: и женщины, и мужчины, и большие, и маленькие. Дети мимо ее дома скорей пробегали, не глядели в окна и сплевывали после этого. «Тьфу-тьфу, чур, не меня!» – говорили, как будто отгоняли нечистые силы. Кто-то шептал, чтобы не навлечь ее злобу. Она понимала это и относилась враждебно. Мужики видели ее, как бежала она через ржаное поле с распущенной косой и в одной белой рубашке среди ночи, когда рожь колосилась. И бежала не на дорогу, а в лес. Зачем она делала это?

У дальней ее родственницы, «седьмая вода с киселя», Лизы, была свадьба, Федору не пригласили, чтобы не испортить настроение приглашенным, хотели позвать в гости после. Она обиделась и пришла без приглашения. Все удивились и замолчали. Федора попросила пива, узнать, хорошее ли у них получилось. Подали кружку, выпила все. И все время смотрела на жениха, а под конец хлопнула его по плечу. Только ушла она, новобрачный заболел. Сильно болела голова и все тело. Свадьба была скомкана. Врачи не определили болезнь, и, промучавшись два месяца, муж Лизы умер, в паху у него появилась большая кила, а раньше он никогда не жаловался и не болел.

А еще на клюквенном болоте женщина с мальчиком собирали ягоды, пришла Федора, недобро посмотрела на ягоды и женщину спросила, часто ли она ходит на это болото. Та ответила, что редко. «Твое счастье, – сказала Федора, – теперь дольше не придешь». Женщина вдруг почувствовала себя плохо, ушла с болота, дома сильно болела, позвали знахарку. Та сказала, что это наговор, но не насмерть, излечу. Взяла святой крещенской воды, несколько раз перелила через дверную ручку из кружки в кружку, произнося в это время какую-то молитву. Потом набрала в рот воды из кружки, которую пропустила через дверную ручку и неожиданно трижды sprysнула больную, – та встрепенулась от испуга, стряхнув с себя болезнь. И сразу почувствовала себя хорошо. Знахарка сказала: теперь без молитвы на болото не ходи, а если встретишь колдунью – не разговаривай с нею, уходи быстрее.

А килы Федора посадила на глаз мальчику Мише, тот гонял от ключа ее гусей на другое место, к бочагу. Мальчик дошел до того, что с трудом ходил, все лицо распухло, сделалось оловянного цвета, и огромная сине-черная кила висела на глазу, скрывая его. Никакие лекарства не помогали. Вылечила опять знахарка, которая лечила от заговоров,

колдовства. Кила прорвалась, а мальчик спал трое суток. Вот такое бывало в глухих деревнях, когда люди не молились Богу.

Как помогали знахари? И как напускали порчу колдуны? Неизвестно. Но ведь было раньше такое! Многих исцеляли простые, неграмотные женщины, которые были ближе к природе и знали ее особенности и тайны.

Ходи да приглядывайся. Чудеса – рядом.

ОБЕЩАННЫЙ ПРАЗДНИК

Растет на поляне дуб, широко раскинув крепкие ветви с резными полированными листьями, высоко простерев вершину к солнцу. И не страшен ему ни северный ветер, ни осенний проливной дождь, ни палящее июньское солнце, ни январские морозы. Ибо крепко держится он могучими корнями за кормилицу свою, матушку-землю. Так же крепка была русская крестьянская семья своими обычаями и правилами, завещанными предками и передаваемыми из поколения в поколение. Каждое время года отличалось своим видом труда в особые сроки: «Готовь сани летом, телегу – зимой». «Работай до пота, веселись до слез».

Веселились, понятное дело, по праздникам. Особенно почитались в верховьях Шексны «обещанные» праздники. В Башарове их было четыре. Иванов день – в начале июня, Казанская – в июле, Покров и Никола. Каждый обещанный праздник обсуждался на сходе (собрании) всей деревни. Он посвящался какому-либо святому, которому с особым усердием молились, которого просили защитить деревню от напастей. Когда в деревне был падеж скота, мор, частые ливни, засуха, или саранча уничтожала посевы, предвещая голод, сельчане, чтобы защитить деревню от злого лиха, собирались у часовни (т. к. часовня всех не умещала). Священник и дьякон с паникадилом служили молебен, а весь люд, усердно молясь на коленях, слезно просил святого защитить их. Иногда крестный ход обходил поля вокруг деревни с молитвами, песнопением, хоругвями.

Обещанный праздник продолжался 2-3 дня. Деревня в этот праздник принимала гостей – родных и близких из города и других деревень. Кто-то из большой семьи шел в церковь к Михаилу Архангелу, ставил свечи, молился за семью. «Бог милости прислал», – с поклоном говорил он, вернувшись из церкви.

А дома готовилось обильное праздничное угощение. Обязательно студень, мясные пироги из осердия (печени, легкого, сердца), рыбный пирог с сазаном, сладкий с изюмом и маком, пирожки с яйцами – все обильно поливалось русским маслом. Из холодных закусок обязательно маринованные боровички или соленые белые грузди, селедка, огурчики, холодное отварное мясо (зимой). Обильным был и обед из горячих блюд.

После обеда или чая гости и молодежь шли на берег Шексны, гуляли по лугу, пели русские народные песни, плясали кадрили под гармошку. И в каждом доме слышались смех, песни. К обещанному празднику готовились тщательно: чисто, с дресвой мыли белые полы, чистили самовар, посуду, скобки – бузиной, молотым кирпичом, мыли окна, подметали лужайки возле дома. Все блестело к приходу гостей.

После вечернего чая молодежь и гости среднего возраста собирались посреди деревни или на берегу реки. Зазывно играли гармонисты. Танцы сменялись песнями, шутками, пляской. Разодетая, подвыпившая деревня веселилась до полуночи. Летом шли спать на сеновал, зимой стлали матрацы на полу, где от натопленных печей было тепло. Пили наливки и водку маленькими стопками, хорошо закусывали, не пьянели, а были лишь «навеселе», ибо пьяниц не уважали, сторонились их, да и не было пьяных, потому что каждую копейку старались вложить в хозяйство. Так, отдохнув душой и телом, усердно помолвившись в обещанный праздник, люди продолжали старательно трудиться в повседневные будни.

Обычаи берегли и соблюдали точно. Так жила и на том держалась православная Русь. Не мешало бы потомкам возродить прекрасные обычаи своих предков.

РОЖДЕСТВО В УСАДЬБЕ

Дедушка мой, Василий Макарович Шувалов, как уже говорилось, много лет работал управляющим имением и заводом дворян Ушаковых-Дмитревских, что в 17 километрах от Рыбинска вверх по реке Шексне. Места красивые, богатые. Несколько лет арендовал завод и земли эти, пока не продали их другому помещику. Мама моя, Лидия Васильевна, в девичестве Шувалова, родилась и жила там лет до 13. Хорошо помнит она, как проходило Рождество.

Готовились к празднику задолго. Старший брат Николай приезжал на каникулы. За ним в город посылали рысака. Привозил гостинцев, угощал всех. Привозили из леса большую елку, ставили в красивом доме управляющего, в большом светлом зале. Заранее готовила детвора елочные игрушки, покупались цветные свечи, игрушки. Когда привозили елку во двор, все выходили смотреть и радовались ее красоте. С привозом елки праздник вплотную подходил к дому. В день Рождества с утра, кто мог, ходил в церковь на заутреннюю службу. Крестьянская детвора, надев праздничные одежды, подходила к усадьбе. Бабушка моя (жена управляющего) приглашала всех в зал. Дети раздевались, разглядывали украшенную елку. Затем пели песни, рассказывали стихи, водили хороводы у елки, плясали под балалайку, гармонь. Лучших исполнителей одаривали игрушками.

Затем все приглашались к огромному столу. Пили чай из большого самовара с разными конфетами, ели пироги с вареньем, изюмом, маком, сдобные булочки, печенье. Вволю угостившись, ребята получали пакеты с гостинцами (конфеты, яблоки, орехи, сусальные пряники в форме петуха, лошадки, зайца, рыбки, медведя, мятные сладости, халву в золотой обертке). Свечи на елке гасили, и радостные, довольные дети шли по своим крестьянским избам.

Для работников тоже устраивался праздничный обед с русской «горькой», дарились подарки: отрезы на платье, на кофту, на брюки, рубашки, платки.

Перед праздником рано утром на двор въезжал лесник, на розвальнях лежал огромный лось. Делали котлеты, пироги с мясом, жаркое.

Целую неделю катались по ледяной дороге на разукрашенных лошадях вдоль реки Шексны. В их гривы и хвосты вплетались цветные ленточки из ситца, бубенцы. Смех, шутки не смолкали допоздна. Парни в меховых шапках и пальто на меху, девушки – в пушистых платках, легких чесанках, бархатных пальто. Показывали себя и приглядывали себе суженых. Откупали дом на две недели с большой комнатой и собирались в нем вечерами петь, танцевать кадрили, вальс, другие танцы. Устраивались различные игры. Приходили парни из других деревень, выбирали себе невест. Девушки не могли отказать приглашавшему на танец парню (если даже он не нравился), иначе объявляли бойкот, и весь вечер отказавшую не приглашал ни один парень.

Топили жарко баню, построенную у леса, – с колодцем, с широкими белыми полками и лавками, с сухим горячим паром; ставили бочонок с квасом.

На каждое Рождество в усадьбу приезжал благовидный крепкий старичок с широкой бородой, усами, закрученными вверх, и пышными густыми волосами, стриженными под кружок. Это был старший брат дедушки, прослуживший 25 лет в русской армии за всех братьев. За службу, получив деньги, он откупил себе место в хорошем приюте для престарелых с отдельной комнатой, уходом, питанием. На праздники приезжал к родным и гостил долго. Его любили и уважали все. Старый солдат много знал, умел рассказывать. Ходил в русской рубашке-косоворотке, стянутой на животе шелковым поясом с кисточкой, новых валенках и в серую полосочку брюках. Любил детей, рассказывал им разные истории из солдатской жизни.

Каждый день стряпались пироги, готовились разнообразные блюда: мясные, из яиц, творога, – обильно сдобренные русским маслом, подавались белые грузди, рыжики, жаренные караси в сметане. Принято было в такие праздники хорошо поесть и хорошо пображничать, но не перепивать. Ибо любителей выпить не уважали, избегали с ними заводить родство. Обязательно на празднике пелось много русских душевных песен. Любили петь хором, иногда и дуэтом, рассказывать смешные истории, пошутить.

Наши предки хорошо работали, умели хорошо и отдохнуть. Неплохо бы эти русские традиции снова вернуть в русский быт. Крепка была Россия взаимопомощью да добротой широкой души. Рассеется туман над Россией, зацветет она по-прежнему. Я верю.

МАСЛЕНИЦА

Вот уж поистине обжорная неделя наступала перед самым Великим постом. Народ словно выплескивал из себя все чувство юмора, удасть, доброе озорство, которое накопил до этого. Озорные припевки, шутки сыпались повсюду, ноги сами при звуке тальянки выделывали смешные коленца. Ребятя с утра ходила с санками по дворам и просила что-нибудь для масленицы, которую ставили на лугу у реки. Возили старые ящики, плетеные накладки с дровней, жерди для основания масленичного сооружения, дрова, старые бревна, бочки, все, что горит. А на самую вершину масленицы, которая возвышалась метров на 10, ставили глиняный горшок с молоком, залезая по лестнице. Соорудив масленицу, шли домой.

В предвечерние сумерки народ, одевшись потеплей в старую одежду, подтягивался к масленице. Парни обливали керосином растопку у основания масленицы и зажигали с четырех сторон. Огонь вспыхивал и бежал вверх по бревнам, треща и разбрызгивая искры. Снег у костра быстро таял, становилось жарко. Все от мала до велика становилось в хоровод, пели и плясали, задорно выкрикивали разные шутки, убегали друг от друга. Парни, девчата валялись в снегу друг друга, убегали, все от души смеялись. Давно сгорело молоко, но еще долго продолжалось ликование вокруг гигантского костра. Огонь от костра масленицы видно было за 8 верст.

В каждой деревне веселье продолжалось до позднего вечера. Уставшие, мокрые от снега и пота, люди возвращались домой, садились за стол провожать масленицу. Все, что осталось от праздника, ставилось на стол, на завтра не должно было остаться жирной мясной и молочной еды. Блины ели, макая их в блюдо с густой сметаной. Пироги с мясом, жирное жаркое со свининой, яичница на большой сковороде из 20 яиц, студень с горчицей, хреном, топленое молоко в десятилитровом чугуне с кусочками масла, жирные щи с бараниной, пирожки с яйцами в оттопленном масле. Все это надо было доесть, чтобы ничто не напоминало масленичное изобилие скромной еды. Уснувших будили и силой заставляли есть. Что не смогли доесть, утром после масленицы выкидывалось скотине. Мясные блюда, яйца вареные, ветчину, студень, жирные щи, пироги с мясом доедали поросята, гуси, куры, собаки. Тщательно чистили, мыли, скребли всю посуду, чтобы не пахло сдобой, мыли белые полы с дресвой, стирали белье в чистый понедельник. А после шли в парную, жарко натопленную баню, грелись на полке с веником из чесняговых веток, смывали масленичные грехи.

Начинался Великий пост, большое говенье, где не разрешалось есть молочное, мясное, рыбу, яйца. Ели щи или суп с грибами сушеными, которых заготавливали много, картофель в мундире с капустой шинкованной, рыжиками, волнушками солеными, с огурцами, или жареный картофель в растительном масле, варили разные кисели: гороховый с льняным маслом, клюквенный, овсяный со сладкой водой или растительным маслом. Пекли ржаные пироги с сушеными и солеными грибами, с капустой, морковью, свеклой, парили брюкву, репу, свеклу в большом чугуне и ели вечером со свежим домашним хлебом,

делали тюрю, квас, пекли пироги с мятым картофелем, с луком, растительным маслом. И так весь пост до разговенья после пасхальной службы.

СУДЬБА УСАДЬБЫ

Этот дом на берегу Шексны, в 17 верстах от Рыбинска вверх по течению, я отчетливо помню. Он хорошо сохранился до самого переселения. А раньше лет 25-28 в нем жила семья моего деда. Чуть поодаль стоял господский дом, очень похожий на дом управляющего, только много больше и выше. В начале 30-х годов в бывшем доме управляющего жила тетя Шура Теплова с семьей, младшая сестра моей мамы. Я бывала у них часто и восхищалась красотой сада и дома.

Он был построен не так, как богатые деревенские избы. Много комнат, и в каждой – двустворчатые стеклянные двери, высокие окна с разноцветными стеклами в верхней части. Открытая терраса, с круглым большим столом и плетеными стульями. В саду резные беседки. С крутого берега к реке шла широкая лестница с перилами и скамеечками на площадках. Лестница вела к закрытой купальне, разделенной на две части, для взрослых и детей, на дне ее был деревянный пол. Рядом – раздевальня.

Ушаков-Дмитревский был очень богат. Племянник адмирала Ф. Ф. Ушакова, Дмитревский был первый русский актер. Их два сына служили офицерами в русской армии. Красавица дочь Нина училась в институте благородных девиц. Жила помещичья семья в Петербурге, и только на лето все собирались в усадьбе. Госпожа София Ушакова была очень доброй, чуткой, дарила бабушке моей богатые подарки. А ее муж крестил старшего брата моей мамы, дядю Колю. На день ангела они дарили ему подарки.

Василий Макарыч Шувалов, мой дед, отец матушки моей, вначале служил управляющим в имении Ушаковых-Дмитревских, после арендовал скот, землю и винный завод. Завод выпускал ягодное вино. В помещичьем лесу в изобилии росли ягоды: гонобобель, черника, брусника, клюква, росла земляника и даже паленика – очень ароматная, вкусная ягода, позднее она исчезла совсем, и мы не могли отыскать.

В 1911 или 1912 году сгорел огромный склад сена, дедушка надорвался, вывозя пожарные машины. Сено пришлось для стада коров и лошадей покупать в Соснягах.

Ушаковы-Дмитревские продали усадьбу и завод дворянину Павлу Ивановичу Алексееву, удивительно доброму и кроткому человеку. Крестьяне любили его. Он разрешал им безвозмездно рубить лес, выполнял их просьбы. Очень любил русские песни, хороводы. И часто навещая рабочих, предлагал им отдохнуть, а сам запевал «Ты ау, ау, Катюша, ау, Катенька моя». Барыня Екатерина Максимовна, женщина впечатлительная, добрая, с крестьянами общалась мало. У них были два сына-офицера и воспитывалась племянница Ольга. Алексеевы обеднели после 1905 года. Террористы поджигали поместья, травили колодцы. Так сгорел огромный склад с готовым к отправке клеем (вместо вина завод в то время выпускал клей). Три года подряд злодеи поджигали склады с готовой продукцией, сожгли барский красивый дом, сарай огромный с луговым сеном, оставив на всю зиму скот без корма. Сожгли склад с плитками костяного клея, окончательно разорив хозяев. Екатерина Максимовна запыла с горя. Семья переселилась в дом управляющего.

Дедушка мой, служивший много лет управляющим, купил дом с хозяйственными постройками и переехал жить в Башарово. Этот дом, немного перестроенный во время переселения из затопляемой зоны, стоит и сейчас в Заволжье, где мы и жили с моей мамой. Усадьба, где родилась и жила в детстве мама, стояла не разоренной до переселения. Мы уехали в 1940 г., дом управляющего еще стоял. Что с ним стало после, неизвестно. Много прекрасных русских усадеб пропало бесследно.

ПОМЕЩИЦА БОРОВКОВА

Километрах в тридцати пяти от Рыбинска вверх по течению Шексны на левом берегу жила вдовствующая помещица Анна Ивановна Боровкова. Детей у нее не было. Вела праведный, добропорядочный образ жизни, помогала нуждающимся, крестьян не обижала, хорошо платила за работу. Все у нее было в хорошем порядке. Покой и тишина царили в усадьбе, на земле паслось большое стадо тучных коров, был табун лошадей. Жертвовала она немалые средства на церковь и школу. Одевала, снабжала всем необходимым школьников из многодетных нуждающихся семей. Была духовно связана с архиепископом Иоанном Кронштадтским.

Незадолго до революции он приезжал со свитой на своем пароходе в ее имение на Шексне. Белый пароход пристал к нарядной барской пристани, крестьяне с помещицей встретили его хлебом-солью. Путь от пристани до имения весь выстлали цветной ковровой дорожкой, а обочины украсили молодыми березками. Иоанн отслужил молебен в усадьбе помещицы, сделал подарки местным крестьянам, осмотрел владения. Отдохнув несколько дней на лоне природы, погулял по цветущему лугу, полюбовался зеркальной чистотой Шексны, очаровался утренними и вечерними зорями этих мест, бирюзой неба, надышался ароматом прекрасного леса, с восхищением произнес: «Благодать!» Благословил обетованную Шекснинскую землю. На прощание сказал: «Прекрасные места для проживания людей. Живите в мире и благополучии. Я отдохнул среди вас душой и телом». Белый пароход архиепископа скрылся за поворотом зеленого тихого берега. Путь его лежал через шумный, беспокойный Петербург в Кронштадтскую крепость.

ЖУРАВЛИ

Особенный, гортанный, протяжный крик заставлял всех поднимать голову. «Курлы-ы-ы, курлы-ы-ы», – доносилось с небес. И сердце билось светло и радостно. Гулкий призывный крик звучал торжественно, оповещая о начале новой жизни, о пробудившейся природе, о том, что весна царит на земле. Он звучал как далекий пасхальный колокол. Казалось, в сердце отворилась дверь. Журавли! Журавли вернулись! Будто дорогие гости приехали. Старики, заслонив рукой глаза от солнца, смотрели вверх, и улыбка озаряла морщинистые лица: жизнь продолжается.

Журавли летели косяками. Сделав круг над лугом, садились у болотца. Наконец-то, дома. Закончен перелет. Переступая длинными ногами, опустив длинные шеи, они важно ходят по лугу, щиплют зазеленевшую траву. Затем, искупавшись в болотце посреди луга, выходят на берег, встают на одну ногу, другую поджав под живот, прячут голову за крыло и дремлют спокойно и долго. Луг ровный, издали кажется, будто стадо овец пасется на лугу. Отдохнув, поднимаются на крыло и летят на старые гнездовья, лесные болотца – туда, где появились они на свет, где их родина: с утренними и вечерними зорями, грибными дождями, туманами, с зеленым шумом берез и сосен, с журавлиными хороводами и первым полетом.

Журавлей на шекснинских лугах и лесных болотах водилось много. Эта мирная, добрая большая птица вселяла в души людей восторг и радость, помогала бороться со змеями, грызунами. Мешала болотам зарастать. Прилетали журавли белые и серые. Белых было мало, они селились в глухих лесных болотах. Эта птица была особенно любима и охраняема селянами. У журавлей были свои враги: лисицы, волки, еноты и другие хищники. Чуть зазевавшийся журавль мог стать добычей этих зверей.

Журавлиные танцы немногим удавалось видеть, т. к. они бывают рано-рано утром, при первых проблесках солнечных лучей, в предрассветном тумане. Все журавли становятся в круг, расставляют в стороны крылья, подпрыгивая и периодически хлопая крыльями, идут по кругу, изредка издавая восторженные крики. Журавлят старшие птицы учат летать:

сначала поодиночке, потом в стае и после уже клином: сильные – впереди и сзади, слабые – в середине. Подросшие, окрепшие, научившиеся летать журавли появлялись уже к осени на скошенном лугу. Важно ходили вокруг стогов сена, щипали молодую траву, готовились к отлету.

В конце сентября или начале октября все журавли поднимались, впереди летел вожак – самый сильный, опытный журавль. Птицы делали прощальный круг над стогом сена, курлыкали протяжно и грустно. «Кур-лы...ы...ы, курлы...ы...ы», – печальные звуки летели над полем, лесом, деревнями, теперь уже они не вызывали в душе восторга и радости. Журавли прощались до весны с милой родиной, с зелеными кущами. Косяк удалялся и вскоре превращался в точку. До свиданья!

ПОЛОВОДЬЕ

Апрельское солнце щедро посылает тепло на еще покрытую снегом землю. Снег подтаял, осел и лежит тонким слоем в низинах и на дорогах. Он посерел, не такой чистый и пушистый, как зимой, а на дорогах от вытаявшего зимнего мусора кажется черным. Вдоль дорог по склонам бегут, торопятся к низине водяные струи, ширясь от полуденного солнца. К вечеру они превращают дорогу в широкую водяную полосу. Холмы, возвышенные места уже полностью освободились от снега. Чернея, они испаряют сырость, над ними поднимается пар.

Земля проснулась и дышит. Прилетевшие с юга грачи важно расхаживают вдоль дорог, блестя на солнце черными перьями. Они медлительно, по-хозяйски осматривают проталины под березами, что-то находят в прошлогодней траве, ударяя землю крепкими, белыми клювами.

Галки и воробьи, не боясь, толпятся возле грачей. Они приветствуют прилет этих больших добрых птиц. На оттаявших лужайках деловито копошится стайка говорливых, пестреньких скворцов. А сверху звонко, на всю округу, разливается трель жаворонка. Черной точкой вертикально он поднимается все выше и выше и, уже невидимый, звенит весенним серебряным колокольчиком.

В хлевах открывают окошечки; коровы, овцы, телята высовывают морды, жадно вдыхают раздутыми ноздрями свежий весенний воздух. Куры слетели с нашествов и греются на солнце, переступая с ноги на ногу на оттаявшей у дома земле. Все рады приходу румяной проказницы-весны.

Пройдет немного дней – струйки растаявшего снега наполнят ручьи, бурно побегут к реке. Наполненная выше берегов Шексна поднимет лед и понесет его в Волгу. Ухнув глухо и сильно, лед треснет. Напирая друг на друга, громоздясь, словно гигантское чудовище, скрежеща челюстями, льдины перемалывают все на своем пути, спеша выбраться на широкое пространство. Большой ледоход пройдет, но еще долго одиночные льдины, не теснясь, просторно будут плыть вниз по реке.

Вода прибывает с каждым часом. Река вышла из берегов, и никакая сила теперь не удержит ее. Она устремилась на луг, полностью накрыв его водой, подбирается к деревням. Построенные на невысоких местах деревни затопляются до окон. Скот по настилам поднимается на повети, хозяева перебираются в светелки, горницы. Вода – хмельная, разбушевавшаяся – гуляет вдоль улиц, а по ней от дома к дому плавают плоты. Так разливаются воды Шексны. Сливаясь с водами реки Мологи, они образуют широкую, как море, пойму.

Часто можно было наблюдать, как на льдине плыл снесенный водой хлев или сарай, иногда ворота с сидящим на них и поющим петухом. Как-то несло хлев и в нем сидящих на шесте десятка полтора кур. Завидев деревню, куры беспокойно начали ходить по нашествиям, но, испугавшись широко разлившейся воды, не решились перелетать на сушу. Помочь им люди не могли: разбушевавшаяся стихия разбила бы и унесла лодку.

Поемные, т. е. напоенные досыта вешней водой, луга давали небывалый урожай высокопитательных трав. В них гнездились множество водоплавающей дичи: уток, гусей, чибисов, вальдшнепов; а в реке и в маленьких озерах водилось много рыбы. Кончался ледоход, спадала вода, реки входили в русло, но вода оставалась в ложбинах, углублениях, образуя теплые лужи. И сразу же после спада воды начинала зеленеть трава, хорошо промытая паводком.

По просохшим тропинкам детвора гурьбой бежала на зеленеющий луг – побродить по теплым лужайкам и тайком покупаться. Нередко мы находили в луговых травянистых лужах больших щук, голавлей, подлещиков. Иногда по нескольку штук в одной луже. Загнав их в один угол, мы снимали платья, рубашки и, накрыв рыбину, выбрасывали на сушу. Так, выловив все, что могли, и высушив одежду, радостные, полные впечатлений, возвращались домой.

Во время половодья рыба поднималась вверх по ручью и оставалась в глубоких лесных бочагах. Когда устанавливалось тепло, в конце мая-июне мужики брали огромную гуменную корзину и ловили в бочагах разжиревших голавлей, щук, карасей. При хорошем улове делились с соседями.

Мы, ребята, не скучали. Мастерили скворешни, кораблики, кольями измеряли глубину ручьев. Угадывали, где кукует кукушка, чufыркает глухарь, искали в поднебесье разливающего трель жаворонка, прикрыв от солнца рукой глаза. Весна наполняла нас новыми удивительными впечатлениями, крепко привязывала к родному краю.

ГОНКИ

От удовольствия визжит детвора, купаясь в чистой, прохладной воде Шексны. Девчонки отдельно, мальчишки отдельно. Можно искупаться и без трусов, ибо они не просыхают. Девчонки, которые первыми окунулись, брызжут водой в подружек. Те убегают, возвращаются вновь и, забрызганные вконец, отчаянно бросаются животами в воду, плывут под водой. Визг, хохот. Кто дальше заплывет? Стайка пловцов устремляется к середине реки. Страшно. Течение быстрое, глубоко. Скорей, скорей обратно, ближе к берегу. Кто быстрее доплывет до камня? И снова детвора, разбрызгивая воду, рвется вплавь. Вода кипит, брызги летят в разные стороны.

Выясняют, кто честно плыл, а кто ногой отталкивался от дна. Кто дольше пробудет под водой? Назначили двоих следить за ныряльщиками и честно сообщать результат.

Вконец озябшие, с посиневшими губами и «гусиной» кожей, выбивая зубами дробь, бегут на берег. Ложатся на теплую траву лицом к небу и с удовольствием впитывают всем телом золотые лучи полуденного солнца. Блаженство. Потом поворачиваются спиной к солнцу. Оно щедро льет тепло на детские тела. И опять ложатся на спину. Перед взором – высокое бирюзовое небо с медленно плывущими барашками облаков. Из травы поднимается жаворонок и вертикально, трепеща крылышками, летит к солнцу. Выше, выше – и скоро превращается в черную точку, исчезнувшую вдруг в бирюзе. Червонные лучи слепят глаза, и только по песне, звучащей серебряным колокольчиком, можно определить, где находится жаворонок.

Тишина. Аромат луговых цветов наполняет грудь. Где-то бойко застрекотал кузнечик. И снова тишина. Лежишь на теплой траве и чувствуешь, как сила и радость наполняют все тело. Благодать. Счастье. Родная сторонка! Сколько светлых, незабвенных дней подарила ты. Сердце не в силах забыть их никогда.

Издали доносится плеск, он приближается. Смотрим на Шексню. Гонки! Гонки плывут! Бежим на заплесток к самой воде. Все хором кричим, делая ладони рупором: «Вылей воду из шалмана!!» В ответ с гонок мужики отвечают: «Дай решето». Все довольны, смеются. Так повторяется несколько раз.

Гонки длинные, плывут долго вниз по течению. Бревна в несколько рядов под водой, верхние сколачивают с краев тесинами, связывают увязкой, канатом, образуя плот. Несколько плотов из длинных, строевых бревен соединяют, образуя гонки. Чем больше плотов, тем длиннее гонка. Между плотами иногда образуется колодец – шалман. В нем закрепляют большую гуменную корзину и в воду ставят бидон с соленым мясом, рыбой, сметаной, масло, хлеб. Гонки плывут, вода в корзине всегда холодная, продукты не портятся.

В начале и конце гонки – по огромному веслу, с их помощью и управляют гонкой. На первом и последнем плоту – шалаша. Там отдыхают по очереди гонщики и укрываются от дождя. Посреди плота – палюшка, дно и бока выложены из кирпича. Над костром на крюках висят котлы, в них варится уха, пшенная каша с маслом, на огромной сковороде жарится щука, лещ или судак. Кипит чай. Еду готовит женщина, чаще всего жена какого-нибудь гонщика.

Нередко с гонок доносится задушевная, раздольная песня «Когда я на почте служил ямщиком» и другие. Иногда поет один сильный голос, иногда поют все гонщики. Русские люди, и мужчины, и женщины, раньше очень любили петь и беседовать. Постепенно гонки исчезают из виду за береговыми ветлами, а отзвуки песни наполняют душу мечтой, переживанием и любовью ко всему русскому.

Сплавливали строевой кондовый лес с верховьев Шексны и с помощью буксиров. Это были широкие колесные пароходы с высокими трубами и басовитыми гудками. Шлепа лопастями колес, хрипло гудя встречным, они нарушали устоявшуюся тишину прибрежных лугов. В основном по Шексне сплавливали лес четыре буксира, разные по цвету, похожие по форме: «Чеканщик», «Црюпа», «Доковой», «Буксирный». Коричневого, синего, серого цвета. Они резко отличались от белоснежных двухпалубных пассажирских, хотя тоже колесных. Буксиры тянули за собою на канатах гонки. В этом случае на гонках людей не было, все они находились на пароходе.

На «Чеканщике» капитаном работал отец Тальки Кудрявцевой. Проезжая мимо деревни, он гудком приветствовал ребятишек, а мы восторженно махали вслед ему руками.

Сплав леса продолжался с мая по октябрь месяц. Иногда лес везли и на баржах, буксировал их тоже пароход. Самоходные баржи тогда еще не ходили по Шексне. Лес доставляли в Астрахань, Самару, в степные места, в Горький, на стройки, где он был необходим. На смену ему на плодородной земле вырастали новые леса, высокопитательные травы.

Жители Шекснинского края берегли и любили природу, и она платила им сторицей. Дорога ты сердцу, родимая сторонка, и никакое море не в силах вычеркнуть тебя из памяти.

ТАК НАЧИНАЛОСЬ МОРЕ

– Сегодня, девочки, выполите грядку моркови. Сделаете быстрее, скорей пойдете купаться на Шексню, – говорит мама. «Ту-ту-у-у-у», – на всю округу гудит «Информатор» – это девятичасовой рейсовый пароход. Поле грядки.

– Девчонки, а к нам приехали какие-то землемеры, – кричит Катька Васильева, заглядывая в огород. – Говорят, что будут делать море.

Вот они, первые люди, принесшие нам непонятную новость. На берегу лежат какие-то инструменты, шесты, треноги и прочие вещи. Мужчины и женщины хлопочут у лошади, которая должна свезти их пожитки на квартиру к одинокой бабушке Александре, где будут они жить.

Недобрая весть мгновенно облетела округу и не сходила у всех с уст. Как гром в ясный день – море!? Зачем? Откуда же возьмется вода? А как же мы? Эти вопросы не выходили из головы.

– Волга и Шексна будут перегорожены плотиной, – объясняют нам. – Вода вниз не потечет, будет заливать берега, поля, деревни, лес. Все затопят. А жители переедут в другое место и дома перевезут. Вас не спросят – выселят, и все.

Население относилось к землемерам неприветливо. Старались отказывать им в продаже молока, яиц, сметаны, овощей и прочего. Землемеры нарушили привычный, спокойный ритм жизни и им это не прощалось.

А в мае следующего года появились и сразу обеспокоили население большие отряды заключенных. Они шли по четыре человека в ряд, длинной вереницей, в сопровождении вооруженных охранников с овчарками. В основном это были южане. Смуглые, черноволосые, обутые в брезентовые башмаки на деревянной подошве, они шли уныло, молча, тяжело переступая и пыля. Прошагав десятки километров, спускались к берегу Шексны, заросшему сплошь кустарником.

За вереницей заключенных ехали лошади, на телегах лежали топоры, пилы, а иногда и выбившиеся из сил заключенные. Пройдя к Шексне, отряд остановился, окруженный охранниками с овчарками. Раздали топоры, пилы, и заключенные начали рубить ветлы, ивняк, таскать на дорогу. В верхней и нижней частях берега стояла охрана. Целый день под солнцем эски рубили прутья, которые шли в основание плотины и дамбы.

Когда солнце начало клониться к западу, заключенных гнали обратно через деревню мимо нашего дома. Печальную картину представляло это зрелище. Шли они, тяжело дыша, понуро склонив голову. Медленнее, чем утром, переступали их ноги, а в глазах была безысходная тоска и покорность.

На ребят они смотрели ласково, наверное, мы напоминали им их собственных детей. Нам было жалко этих измученных людей, хотелось дать самым слабым молока и хлеба. Однажды я протянула пирог больному мужчине, и тут же злой голос приказал мне спрятаться на крыльцо и не выглядывать. Овчарка зарычала, оскалив клыки, а измученного заключенного охранник ударил прикладом и чуть не сбил с ног. Заключенный не оглянулся, а молча, покорно зашагал по пыльной дороге.

Дома я рассказала маме этот случай. Добрая моя мама, тогда еще совсем молодая, красивая, так возмутилась, что на глазах ее появились слезы. На следующий день я показала ей того охранника.

Когда отряд поравнялся с нашим крыльцом, мама вдруг решительно подошла к нему и твердо, громко заявила, что на скотское отношение к заключенным людям она пожалуется мужу, военному командиру, и что виновного строго накажут. Конвоир извинился, обещал подобного больше никогда не делать. И сказал, что это произошло случайно. В последующие дни, проходя мимо нашего дома, он кивал нам и, действительно, мы не замечали больше рукоприкладства.

А зимой того же года, когда заключенные, наверное, отморозили ноги в брезентовых башмаках с деревянными подметками (валенки были еще не у всех), в дом к нам вошел этот охранник и попросил погреться двенадцати человекам.

Вошли заиндевелые, совершенно окоченевшие заключенные. Сели у русской печки на пол, с трудом сняли ушанки и башмаки. Ноги и пальцы рук у них не гнулись. Они растирали друг другу щеки и носы. Мама затопила подтопок, подала ведерный чугунок горячей картошки, сваренной для скотины, огромное блюдо шинкованной капусты и четыре кринки молока.

Они плохо говорили по-русски, но глаза выражали глубокую благодарность за сочувствие. Ушли они часа через полтора. Не знаю, как они по колено в снегу на морозном ветру рубили ветлы. Только возвращались раньше обычного. На санях лежали заключенные, покрытые рогожей. Живые или мертвые – не знаю. В сильный мороз в плохой одежде не трудно было Богу душу отдать.

Зима 1935-36 года выдалась холодная. Тяжело было смотреть, как коченели южане под северным ветром. Гибли они десятками ежедневно.

Прошли весна, лето... Наступивший сентябрь был сухой и теплый. В школу мы ходили за пять километров по берегу реки, где работали заключенные. Нас они уже знали. Мы носили им с поля турнепс. Они скребли его топором и жадно ели, а потом пели нам вполголоса: «Пилим, колем и рубаем, кровопийцев вспоминаем». Дарили нам свистульки, деревянные фигурки зверьков и людей.

Мы пробирались к ним незаметно. Пожилые измученные люди рассказывали о своих семьях, детях, родных местах. Ведь мы впервые видели узбеков, киргизов, туркменов, таджиков, казахов. В основном они работали на берегах Шексны. Теплели их лица, они ласково смотрели на нас, и крупные слезы нередко падали на их грубые куртки. «У меня такая же дочка, сынок», – нередко говорили они. Их плохая русская речь не мешала нам понимать друг друга. Мы искренне жалели их, и они нам платили душевностью.

Охранники по-разному относились к нашему общению с заключенными. Одни отворачивались, делая вид, что не замечают. «Это хороший человек, не бойтесь его», – говорил пожилой узбек. А другие пугали нас собаками и велели обходить стороной.

Зимой 1936-37 года срубленные прибрежные заросли вывозили на гужевом транспорте, его насчитывалось около трех тысяч. А когда устанавливалась дорога, хворост возили трехтонки. Шоферы тоже были заключенные. Дорога укатывалась так, что по ней мы катались на коньках. Завидев издали высоко нагруженную машину, мы, пятишестиклассники, поднимали руки, шофер чуть притормаживал, мы забирались наверх и ехали. Не доезжая немного до деревни, один за другим, лицом по ходу машины, ныряли в снег, как рябчики, увязая по плечи. Таких смельчаков находилось мало, а из девочек – я одна. Мальчишки уважительно относились ко мне, знали, что я хорошо плаваю, бегаю, езжу с самых крутых гор на лыжах, хожу с папой на охоту и на рыбалку.

Когда теплело, грунтовая дорога портилась, машины буксовали, и опять начинал работать гужтранспорт. Возчикам жилось легче, а шоферы даже меняли хлеб на вино. Большие семьи хлеб возили из города, но деревенским там давали мало, ругали их, что покупают в городе. Шоферы меняли обычно на краю деревни большие буханки очень вкусного хлеба на вино, угощались и ехали дальше.

Иногда привозили валенки, куртки, байковые одеяла, чехлы с матрасов. На женщин, которые принимали это, смотрели с укором. Шоферы в основном были украинцы, русские, белорусы. Тяжко подневольному труженику без еды и питья, в зной, среди надоедливых паутов рубить кусты, но несравненно тяжелей южанину морозной, ветреной зимой. Нам было непонятно, почему жителей юга посылают на север, на верную смерть.

Однажды, когда прошла вереница заключенных, я нашла записку, написанную непонятно. А внизу по-русски адрес и просьба положить в конверт и отправить по этому адресу. Что написано – неизвестно, а в приписке человек умолял послать весточку домой, где восемь детей, жена и старики-родители. «Пусть они знают, что я еще жив». Письмо мы отвезли в город и опустили в почтовый ящик. Дошло ли оно?

По укатанной зимней дороге через бор, мимо Полежаева, Карпунина нередко шли мы с отцом встречать маму, которая ходила с саночками за продуктами в город. Рыбинск от нас был в 14 километрах. Папа и брат жили там. Папа работал, брат учился в техникуме, а мама и мы временно жили у бабушки в деревне. На выходной день мужчины приезжали к нам, привозили всяких гостинцев. Жили дружно и весело.

Однажды, помню, маму мы не встретили. Стемнело. На бору стояла деревянная вышка, с нее охранники следили за заключенными. Лес вокруг вырублен, видно далеко. На холме, под вышкой, я увидела много огоньков. «Папа, смотри, сколько людей с фонарями идут из леса». «Постой, да ведь это волки! Здесь кладбище заключенных».

Их хоронили рано утром, а вечером волки устраивали пир. Могилы в мороз копали мелко, сбрасывали трупы без гробов, засыпали мерзлыми комьями и уезжали. Иногда

руки и ноги торчали из ям. Волки легко вытаскивали себе добычу и устраивали пиршество. Ходить мимо кладбища было жутко.

Папа зажег кору и паклю, которые всегда носил с собой. Волки завyli и исчезли в лесу. Теперь уже надо идти до конца, пока с мамой не встретимся. Одну ее нельзя оставлять. Мы пошли к Волге и вскоре встретили маму. Возвращаясь, вдали мы опять заметили горящие огоньки. Видимо, лесные разбойники продолжали черное дело.

Эта ужасная картина потрясла мое детское воображение. Почему же такая жестокая жизнь у заключенных? Выполняя очень тяжелую работу, они голодали, мерзли и жили хуже скота. Зачем нам море? Зачем заключенные? Ведь так хорошо здесь было...

ПЕРЕСЕЛЕНИЕ

Ошеломляюще пронеслась весть о создании моря в нашем краю, о переселении. Заинтересовала и опечалила она жителей округа, изменила всю последующую жизнь. Расстались и неразлучные подруги, безвозвратно, навсегда. Не было больше у Вали таких задушевных, преданных подруг. Закончили семилетку и разъехались по разным местам, куда кого переселили. Прощай, счастливое детство, Полежаевский луг, сосновый бор и березовая Алексеевская подборина, с ее боровиками и белыми «коровками», прощайте, таинственные соловьиные зори, чистая прохладная Шексна и Молога, прощайте, бесконечно дорогие места – моя малая родина.

В начале мая, когда вода ушла с луга, сравнялась с берегами, мы начали разбирать дом. Накануне связали вещи в узлы, освободили от картошки и овощей подполье. Я заканчивала семилетку, готовилась к выпускным экзаменам. В школу ходила за пять километров. Ушла рано, прихожу и вижу картину полного разорения: идет дождь, а ни крыши, ни стропил нет. Сломан хлев, корова, теленок, куры мокнут под дождем. По мокрым ступеням крыльца вхожу в дом. Мама и сестры стоят посреди комнаты, а с потолка льют серые потоки воды. Кровати, узлы с одеждой – все мокрое. Струи отскакивают от столов и стульев.

Намокли волосы, лицо, спины. И негде укрыться, нет ни одного уголка, который укрыл бы нас от ливня. Озноб и растерянность охватили всех. Ни переодеться, ни лечь, кругом вода. Промокшее тело знобило, зуб не попадал на зуб. Впервые в жизни мы оказались в такой растерянности, незащитности. А дождь беспощадно лил и лил, вымочив все.

Промокшие до костей, мы стояли, прижавшись друг к другу. Наконец, дождь кончился, оставив лужи посреди пола. Мокрые одеяла, подушки, одежду развесили на жерди проветриться. Одна только русская печь стояла теплой, а в ней – горячий вкусный обед: мама позаботилась, чтобы согреть наши души и тела. Последнюю ночь мы проспали в родном доме на влажных постелях под мокрыми одеялами.

Чуть свет плотники начали ломать потолки, стены, и к вечеру от дома осталась только печь, в которой, как и раньше, мама сготовила вкусную еду для всех. Лошади перевезли бревна и снесь. Плотники погрузили на плот косяки, двери, рамы, кирпичи от печей, мебель – и мы отчалили от родного берега. Плот подхватило течение и быстро понесло в неизвестность.

Печальную картину представляла бывшая деревня. Разорение, погром, кучи мусора, битое стекло, остатки кирпича, гнилые бревна указывали на место, где только что стоял красивый, теплый дом с русской печкой, в которой постоянно пеклись вкусные пироги, готовились мясные блюда. Неприкаянно бродила у разоренных одворин скотина, жалобно мыча и удивленно спрашивая: «Зачем же вы, люди, такое натворили?» А люди с заплаканными глазами стояли и созерцали эту грустную картину. «Зачем? Зачем это? Как же нам жить?» Ответа не было.

Плот причалил за парком на левом берегу Волги. А ночью разыгравшийся ветер оторвал одну половину плота и развернул до фарватера. Речники с проплывающих пароходов ругались. Нанимать буксир дорого. С трудом лодками прижали конец плота к

берегу. Схлынула вода. Намокшие бревна три месяца лежали на берегу. Гужтранспорт не приезжал. Добро разворовывали, украли кирпич, изразец, тесины. Родители по ночам дежурили – сторожили плот, вещи, а днем строили зимовку, чтобы поселить семью. Ежедневно мама бегала к руководителям органов переселения. Лошадей для перевозки бревен с берега на одворину не давали. С трудом дали две подводы.

Наконец, все на месте. Зимовали в холодной, тесной зимовке пять человек. Дом до зимы собрали, а печь нет, так как кирпич, изразец украли. Денег, отпущенных на переселение, хватило только на половину строительства. Продали корову, сено, одежду – все, что можно было продать.

Одворина досталась в низине. Весной талая вода хлынула из канав и затопила подполье до самого пола. От крыльца к дороге не пройти, вода выше колен. Электричества, радио, телевидения не было, улицы не освещены. В грязи и темноте терялись галоши. Колонки далеко. Автобусов не было, грунтовые дороги размыло, грязь по колено. На работу ходили утром по льду, а вечером турбины спускали воду, лед ломался, обходить приходилось за много километров, люди тонули, мерзли. С тоской вспоминали затопленные морем прекрасные места. Родная земля казалась волшебной сказкой.

Дом еще не был отделан, новое горе – война. Пришла беда – отворил ворота. А было мне шестнадцать. Случилось то, что и в страшном сне не снилось.

Но все проходит. Прошла и эта длинная черная полоса. Забрезжил свет.

ПЛАВУЧИЙ ОСТРОВ

Он появился внезапно, спустя несколько лет после образования Рыбинского моря. Проезжая на моторных лодках, местные рыбаки вдруг увидели большой участок земли к юго-западу от бывшего города Мологи. Что это? Откуда она взялась? Вода в море не убавилась в это время, наоборот прибыла, подтопила берега.

На следующий год, проезжая поблизости, решили рассмотреть и пришли к выводу, что этот остров образовался вследствие всплытия многометровой толщины ила со дна Святоозера, казавшегося бездонным, ибо людям, пытавшимся измерить глубину этого озера, не хватало никаких веревок. На глубине 120 м веревки кончились, не дойдя до дна.

Озера этого боялись, о нем ходили легенды. В пределах этого озера и образовался вдруг земляной остров. Он, как подвешенный, существовал над бездонной глубиной озера. Появившись, он быстро зарос мхом и кустарником, а позднее выросли редкие деревья. Сразу же появилась в огромном количестве крупная, сладкая клюква и другие ягоды. Из разных мест люди приезжают на остров и мешками увозят собранную клюкву.

Ходить по острову трудно и опасно. На иле вырос толстым слоем мох, ноги вязнут, а в некоторых местах есть невидимые колодцы, во мху они не заметны. Вступивший в них не может выбраться, бездна засасывает его. Так погибли многие смельчаки.

Ежегодно весной сюда с юга прилетает множество водоплавающей дичи: утки, гуси, чибисы, чайки, журавли, высиживают птенцов и на следующий год возвращаются в родные пенаты. Корм хороший: рыба, ягоды, хищного зверья нет, вот и распевают птицы до июня месяца, радуясь жизни, солнцу, приволью. А остров не разрушается. Никакие штормы, ветра, высокие волны не в силах размыть берега Святоозера, хотя все другие земляные выступы давно размыты водой. А эти берега стоят, как заколдованные.

Почему так? Много тайн хранит мологская земля.

ВЕЩИЙ СОН

Мне в августе приснился вещий сон. От кромки моря предо мной пустыня – промытый, плотный, золотой песок и небо низкое над ним. Вступаю и иду, песок, как желтый пол, нога не вязнет. Легко и радостно волнуясь, дышит грудь, даль дальняя к себе зовет и манит. И я иду, навстречу ей спешу. Кругом, насколько видит глаз, песок желтеет ровный, чистый-чистый. А небо низкое склонилось надо мной, оно живое, чуть дрожит, трепещет. О, даль зовущая! Ты как магнитом тянешь. И я спешу-лечу, едва-едва ногой земли касаясь.

Чу! Дивный, тихий звон. Звонят колокола далеко, будто в детстве, и в мыслях видится река, и мама улыбается. Иду вперед – зеленый ровный парк, а в нем кусты, деревья, домики, беседки, вдали дубовый лес и яблоневый сад, и кажется, что в нем гуляют предки – моя давно ушедшая родня. Я их не видела, но чувствую их близость. В кустах щебечут птицы и поют, а солнце почему-то здесь не светит, но осязаешь теплоту, уют. Откуда он, звон?

И вдруг за рядом стройных лип мелькают купол, крест, стена. Ах! Боже! Это ж монастырь. Поют монахини в нем тихо и душевно. Поют, склонясь над золотым шитьем, а дальше на коклюшках что-то вяжут и бисером кому-то платья шьют, не взглянут на меня и ничего не скажут. Цветы высокие близ стен, дорожки ровные там плитами белеют. А дальше вглубь огромный огород, там овощи растут и помидоры зреют. Все тихо. Дышится легко. Не слышно говора и даже псы не лают, я прохожу, два гладких пса стоят и мне хвостами машут. Почуяли, что я своя, а я ведь здесь впервые.

Прошла весь монастырь, он небольшой, и дальше луг – простор и зелень, а слева – рожь, и перепел кружит, и тихий, нежный звон над всем спокойно реет. О луг! Раздольный, как ковер цветной, и почему-то жаворонок, как весной, серебряные дарит трели, хоть солнца нет и небо здесь невысоко, и ветер не поет, и не метут метели. Иду и вижу: вдалеке стада, коричневые, черно-белые коровы едят траву, они упитаны, бока их гладкие. Река Смородина, полно в ней молока, все пьют, когда хотят, в него горстями ягод насыпают. Так вот она, молочная река, и здесь же киселевы берега, о них лишь в детстве я читала. По этой сказке я сейчас иду, в нее я наяву сейчас опять попала.

А дальше – длинный низкий дом, монахини готовят сыр и масло. Светло, просторно, чисто в нем, сыр, масло, молоко – все очень вкусно, аромат прекрасный. Так значит, здесь хранится старина. О Русь моя, мы возродим былое.

Все это я увидела во сне, и все пересказала сразу близким. Наверно, сон приснился мне не зря – когда-нибудь он сбудется, былое возродится. Я верю, вновь увижу, родина, тебя, и предков навещу на древних их погостах.

Молога милая! Ты край моих отцов, порог родной, с него идут дороги, воскреснешь вновь и расцветешь, ведь кажется, что ждать уже немного. Я – дочь твоя, со мной ты навсегда.

**Предки Валерии Капустиной
(фотографии из архива В.А. Капустиной)**

**Мария Алексеевна и Александр Михайлович Капустины,
бабушка и дедушка В.А.Капустиной по линии отца.**

**Александр Александрович Капустин
(крайний справа),
отец В.А.Капустиной**

**Слева направо: Олимпиада Андреевна
Шувалова, бабушка В.А.Капустиной по
линии матери; Веня и Лидия Васильевна —
брат и мать
В.А.Капустиной**

**Был русский город. Был такой — Молога,
Уездное речное поселенье...**

Евгений Чеканов

На крыле Ногай-птицы

К истории затопления
Молого-Шекснинского междуречья

В конце 80-х годов прошлого столетия я принял живейшее участие в поднятии темы затопления Молого-Шекснинского междуречья со дна исторической памяти своих земляков: будучи редактором ярославской областной газеты, два года подряд публиковал на ее страницах очерки покойного ныне краеведа Юрия Нестерова о «ярославском граде Китеже». Параллельно самостоятельно изучил проблему – и уже в те времена пришел к точке зрения, которой придерживаюсь и ныне: затопление так называемой «Северной Украины», ставшее составной частью проекта сооружения Волжского каскада и величайшей трагедией для сотен тысяч людей, было одновременно величайшим инженерным подвигом, сравнимым, разве что, с возведением египетских пирамид.

Мне было особенно горько осознать это, ибо мои собственные родовые корни – как по отцовской, так и по материнской линии – покоятся на дне Рыбинского моря, моя «малая родина» навеки погребена под толщей воды. В детские годы я вдоволь наслушался печальных рассказов отца и матери о подробностях насильственного переселения. Многое стало известно теперь всем нам и об ужасах ГУЛАГа, заключенные которого строили плотину, и о множественных экономических и экологических потерях от возведения Волжского каскада и, в частности, от образования Рыбинского водохранилища.

И все-таки, изучив проблему, я сказал себе: злого умысла у государства при затоплении междуречья не было, «сталинские соколы» – да и сам Сталин – взвешивали тогда «за» и «против», выбирали варианты. Увы, моей «малой родине» просто не повезло...

Предлагаемая читателю точка зрения аккумулирует мои мысли о затоплении Молого-Шекснинской низменности, возникшие в процессе изучения темы. Вчерне статья была написана больше десяти лет тому назад – и все это время лежала в моем архиве. Устарела ли она? Скажет ли она людям, серьезно интересующимся проблемой, что-либо новое? Об этом судить не мне, а читателю.

Евгений Феликсович Чеканов родился в 1955 году в Кемерово, в семье учителей, его фамильные корни гнездятся в Молого-Шекснинской низине, ныне затопленной Рыбинским морем. Окончив в 1979 году Ярославский государственный университет и получив специальность историка, работал журналистом в областных газетах. В 1983 году, возглавив ярославскую молодежную газету «Юность», стал одним из самых молодых главных редакторов областных газет в Советском Союзе.

В 1991 году начал заниматься предпринимательством, затем работал чиновником в мэрии Ярославля и областной думе. С 1995 года и по сей день работает директором газетно-журнального издательства. Главный редактор нескольких областных газет, в том числе – официального печатного органа Ярославской области, газеты «Губернские вести».

Четверть века пишет и публикует стихи и прозу, автор восьми книг, вышедших в свет в ярославских и столичных издательствах. В 1988 году стал членом Союза писателей СССР, ныне – член Союза писателей России.

Живет в Ярославле.

1. ОТ ПЕТРА ПЕРВОГО ДО ИОСИФА СТАЛИНА

Славяне, пришедшие в тринадцатом веке на земли финских племен, застали Волгу полноводной; еще три века подряд она такой и оставалась. Однако в шестнадцатом столетии европейский климат заметно потеплел, количество осадков уменьшилось – и реки начали мелеть. Хищническая рубка леса в бассейне Верхней Волги усугубила этот процесс: суденышки с грузом, влекомые «на взвод», к верховьям реки, все чаще садились на мель. Растущей промышленности и торговле позарез были необходимы коммуникации

– то есть, в тех условиях, прежде всего водные пути с гарантированными глубинами – и, в первую очередь, Волга, ставшая в семнадцатом веке главной транспортной магистралью государства. Но этот водный путь уже совершенно не отвечал растущим потребностям.

Петр Первый сделал державу морскою, – и русский ум, всегда тяготевший к грандиозным проектам, воспарил над всем необъятным простором России, над огромной территорией, чьи границы неплохо удерживались с помощью военной силы, но которая, в то же время, не имела ни развитой, ни достаточной транспортной инфраструктуры. Государственному оку было ясно видно, что на местах тяготящихся волоков нужно прорыть каналы, для прохода судов поставить шлюзы, для подпитки мелких мест устроить водохранилища – и тогда все внутренние водоемы европейской части России соединятся в единую водную систему, с выходом во все окрестные моря. Эта дерзновенная мечта воздвиглась прежде всего в голове императора – и он тут же погнал подневольных крестьян рыть «рукодельные реки». Так появилась первая в России шлюзованная водная система, соединившая Волгу с Невой – Вышневолоцкая.

Со смертью Петра гидротехнические работы такого размаха прекратились. Но Великая Мечта осталась жить – и с той поры все русские водоустроители оглядывались на нее, имели ее в виду, как очень отдаленную, но реальную перспективу, как План. Волге в этом плане отводилось важнейшее место, она – полноводная, с нормированными глубинами и постоянным широким фарватером – должна была стать главной составной частью грядущей системы.

Мелководье Волги было в империи притчей во языцех. Мариинский и Тихвинский водные пути, соединившие в начале девятнадцатого века Волгу с Невой на новый манер, то есть по Шексне и Мологе, не добавили «главной улице России» глубины: подходя летом к Рыбинску, караваны большегрузных судов оказывались вынужденными вставать на перевалку: ходу выше, на Тверь, для них не было. Да и до Рыбны-то еще надо было пройти! Кое-где, под Ярославлем и Костромой, реку в межень переходили вброд, барки с мелей то и дело стаскивали народом. Донный текущий песок все время создавал новые преграды, на пути судна то и дело вырастали то коряга-карча, то валун-одинец – и тысячи раз за навигацию проклинал купец «матушку и кормилицу».

Торговцы, промышленники, судовладельцы спали и видели, как бы поднять уровень воды в Волге. А знаменитый поэт обращал эти грезы в патетические строфы:

Наука воды углубит:
По гладкой их равнине
Суда-гиганты побегут
Несчетною толпою;
И будет вечен бодрый труд
Над вечною рекою...

Кое-что по части углубления волжских вод, конечно, делалось: земснаряды уничтожали мели, дамбы мешали реке растекаться вширь, а лет за десять до отмены крепостного права в верховьях Волги соорудили плотину, так называемый Верхневолжский бейшлот, устроив порядочное по тем временам водохранилище. В летнюю сушь вода, рванувшись из-под поднятых щитов бейшлота, недели на две

поднимала уровень Волги ниже плотины. Если накопленный весной паводок спускали сразу из двух водохранилищ, Верхневолжского и Вышневолоцкого, горизонт реки в Рыбинске поднимался на длину ладони – и этой малости было достаточно, чтобы застрявшие суда успели проскочить по своим маршрутам. Бейшлот был практическим началом нового подхода к углублению вод самой длинной реки в Европе. Наверное, уже тогда русские гидротехники думали о радикальном решении проблемы, мысленно возводя на Волге и ее притоках несколько таких сооружений.

Восемьдесят последующих лет, с их войнами, реформами и революциями, не смогли кардинально изменить транспортную ситуацию в стране, нужда в единой глубоководной транспортной системе, с Волгой во главе, ощущалась в европейской части России по-прежнему остро. Бурный рост железных дорог ничуть не уменьшил этой нужды – к тридцатым годам двадцатого столетия задача, поставленная Петром I, оставалась нерешенной.

Виды на реки великой державы имели не только водники: плотина, углубляя реку, одновременно создает искусственный водопад – и грех не поставить на нем водяное колесо. Для России, бедной естественными водопадами, это вдвойне важно; поэтому в конце XIX века, когда появились первые, еще маломощные гидроэлектростанции, у русских инженеров естественным образом родилась идея «совмещения двух целей», то бишь, цели достижения судоходных глубин – с целью получения энергии «белого угля». Так в сооружении плотин оказались крайне заинтересованы еще и русские энергетики.

В ту пору ученый мир возлагал на ГЭС великие надежды, в начале XX столетия в российское правительство косяком шли проекты ГЭС – на Волхове, Нарове, Вуоксе, Днепре...а в 1910 году на совещании в Самаре инженер Глеб Кржижановский всерьез обсуждал возможность строительства крупной гидростанции на Волге.

В первые пятнадцать лет нового века, однако, ни один из этих гигантских проектов не был претворен в жизнь – у империи не было для этого денег. На одни только предварительные изыскания и подготовительные работы нужны были кругленькие суммы, больших денег стоили также машины и оборудование, которых сама Россия не производила; ожидать же немедленной отдачи от торговли энергией не приходилось. Вырабатывать электричество энергетические компании предпочитали тогда проверенным способом – на тепловых станциях.

К слову сказать, именно наращивание мощностей, повышение КПД тепловых станций стало в XX веке столбовой дорогой развития мировой энергетики – а вовсе не эксплуатация крупных ГЭС. Однако, об этом легко говорить сегодня, а сто лет назад никто не мог знать, по какому пути двинется энергетика.

Владельцы ТЭЦ, действовавших в России в начале века, были тесно связаны с германским госбанком – и всячески стремились не допустить туземных конкурентов к прянику русской энергетики. Собственники речных берегов не желали поганить их неведомыми постройками. Крестьяне боялись потерять свои пойменные сенокосы. В общем, причин для торможения развития ГЭС в России было предостаточно. Только в начале 1914 года решено было выделить государственные субсидии «на шлюзование и электрификацию днепровских порогов» – но построить Днепрогэс царю помешала война.

Между тем русский ученый мир с жаром обсуждал каждый новый мировой проект крупной ГЭС, страшно завидуя Европе и Соединенным Штатам, где именно в то время полным ходом шла электрификация хозяйства. Питерские институты, электротехнический и политехнический, регулярно выпекали новых инженеров, электротехнические съезды собирали цвет технической интеллигенции империи, двести с лишним членов т.н. «шестого отдела» ИРТО, крупнейшего технического общества России, держали руку на пульсе всех мировых достижений в сфере электроэнергетики. В этой среде были убеждены, что без «электрификации всей страны» России не обойтись, если она не хочет остаться на задворках мировой истории. Многие серьезные ученые также считали, что русская частная инициатива, подмятая иностранным капиталом, с этой задачей справиться

не сможет – нужны крупные государственные инвестиции. В начале 1917 года в документах шестого отдела ИРТО уже прямо утверждалось, что «единственно рациональное решение вопроса заключается в выработке единообразного плана электрификации России с монополизацией производства электроэнергии в руках государства».

Ко времени Октябрьского переворота Россия по выработке электроэнергии стояла на 7 месте в Европе и на 15-м – в мире, что никак не соответствовало ни потенциям, ни претензиям великой державы. Ленин, с юности интересовавшийся возможностями электричества, увидел в электроэнергетике то звено, взявшись за которое, можно вытащить всю цепь – и ухватился за него, дав карт-бланш лояльным к новой власти инженерам. Многие из них внутренне не верили в авантюру большевиков, – но, будучи патриотами Отечества, припомнили свои довоенные сверкающие грезы и взялись за дело. За полгода в полуразрушенной, голодной и холодной России эти люди совершили подвиг – составили технически обоснованный план ГОЭЛРО. Отдавая приоритет строительству и восстановлению ТЭЦ, план включал и десяток ГЭС, в том числе крупные, замышлявшиеся задолго до войны – на Волхове, Свири, Днепре.

Получив от большевиков семнадцать миллионов на осуществление своей голубой мечты, инженер Генрих Графтио в 1926 году построил Волховскую ГЭС. Она дала промышленный ток, а коллектив волховстроевцев, разделившись, поехал на Свирь и Днепр. После Свирьстроя гидростроители уже не столь сильно боялись слабых грунтов, а Днепрогэс вывел империю на передовые рубежи в мировом производстве электроэнергии (добрые четверть века эта станция оставалась самой крупной ГЭС в Европе). План электрификации России путем строительства крупных ГЭС триумфально осуществлялся – и никаких сомнений в том, что Волга стоит на очереди, ни у кого не было.

Водникам, транспортникам мерещилась осуществленная мечта Петра, энергетикам – лавина дешевой энергии. Было ясно, что вариантов радикального решения волжской проблемы всего два: либо создать в верховьях реки крупные водохранилища и регулярными попусками из них обеспечить нужные глубины до самого устья – либо перегородить десятком плотин саму Волгу, сделав из реки цепь проточных озер. Каждое нижележащее озеро создаст подпор до следующего, верхнего – и, таким образом, извилистый фарватер спрямится, глубины резко увеличатся.

Энергетики, понятное дело, горой стояли за второй вариант. Для них, воодушевленных успехами на Волхове, Свири и Днепре, выгоды этого варианта были очевидны: десяток искусственных водопадов означал возможность сооружения десятка крупных ГЭС. В ученых головах рисовались сияющие картины будущего: каскад ГЭС, закольцованных с тепловыми станциями, затопляет весь край энергией, дает мощный толчок, промышленности, транспорту, сельскому хозяйству...

2. ВЕСЕЛАГО, ЧАПЛЫГИН, ЧЕРНИЛОВ

Уже тогда, на подступах к реконструкции Волги, опытным инженерам было ясно: Молого-Шекснинскому междуречью несдобровать, слишком высоко встанет вода. Ведь гидротехники непременно хотели установить под Ярославлем плотину такой высоты, которая обеспечила бы подпор воды до самого Рыбинска. Более низкая плотина не устраивала архитекторов грядущего – ибо не обеспечивала нужных им судоходных глубин. Больше же всего беспокоились энергетики: для установки мощных турбин им требовался значительный перепад горизонтов реки. «Если делать плотину, рассчитанную на напор ниже семи-восьми метров, – говорили те и другие, – нечего тогда и огород городить, надо все оставлять, как есть».

Между прочим, и те, и другие знали, что у ведущих агротехников державы относительно междуречья есть принципиально иной план: эти ученые давно мечтали

устроить на территории «Северной Украины» громадный агрокомбинат, специализирующийся на выращивании семян лугопастбищных трав. Русские агрономы давно обратили внимание на то, что эти травы в междуречье, благодаря исключительно счастливому сочетанию природных условий, успевали созреть и дать семена. Еще в середине 20-х годов эти ученые подали большевистской верхушке, вынашивавшей планы полной автономии империи от всего мира, идею отказа от закупки семян элитных трав за валюту. Вместо «низкопоклонства перед Западом в области семеноводства» агрономы предложили в плановом порядке выращивать где-нибудь в подходящем месте собственные семенники кормовых культур. Таких мест на территории Советского Союза было очень мало – но Молого-Шекснинское междуречье как раз отвечало всем необходимым требованиям.

В 1926 году столичные семеноводы посеяли на берегах Мологи, под Иловной, полгектара селекционной луговой овсяницы. Собрав семена и изучив их, ученые установили, что это – товар, ничем не уступающий заграничному. Был сделан глобальный вывод: держава в состоянии самостоятельно обеспечить себя семенами лучших лугопастбищных трав мира, а базой для такого обеспечения должно стать пространство между Мологой, Шексой и Волгой.

В мечтах семеноводы видели, как по гигантскому треугольнику междуречья ползут, дымя и громя, десятки «Фордзонов», волоча за собой корчевальные машины, как очищаются от корневищ ольховые вырубki, как бывшие болота и кочкарники осушаются и распаиваются, на глазах превращаясь в культурные луга. Попутно быстренько конструируются и обретают металлическую плоть машины и орудия, потребные для крупномасштабного производства семян, строятся специальный элеватор, семяочистительная станция, десятки просторных амбаров. Наркомзем объявляет междуречье рассадником лугопастбищных трав Всесоюзного значения, на пяти тысячах гектаров высеваются лучшие культуры: овсяница, мятлик, лисохвост, ежа, английский и французский райграссы, шведский клевер... Полученными семенами засеваются все новые и новые площади, существующие севообороты коренным образом ломаются, продовольственные зерновые из поймы уходят, чистый пар заменяется (прямо по академику Вильямсу) однолетними травами на сено – и в недалеком будущем страна начинает производить на территории междуречья четвертую часть мировых (!) запасов семян лугопастбищных трав, торгует ими за валюту...

Об этих планах водники и энергетики знали – и ясно представляли себе, что даже 7-8-метровый подпор воды неминуемо приведет к подтоплению междуречья и к исчезновению главного богатства поймы – ее сапропелевых почв, ее лугов. Но эти потери казались им совершенно несравнимыми с грядущими приобретениями...

В январе 1932 года ленинградские геологи поставили на лед у деревни Долматово, в девяти километрах от Ярославля, буровые станки – и взяли первые пробы волжского грунта. Дно в этом месте им не понравилось, они двинулись вверх по течению – и облюбовали участок у села Норское, где остров делил Волгу на два рукава. Грунт здесь был однородным, пlyingунов не наблюдалось, а остров они предложили использовать как естественную перемычку. Приехавший летом в Норское профессор Чаплыгин, автор проекта «Большая Волга», согласился с инженером Воеводским: да, место подходящее. Итальянские эксперты, прибывшие с Чаплыгиным, одобрительно кивали головами. Решение было принято: плотина встанет здесь. В августе в Норском начались работы, в октябре, после торжественного пуска Днепрогэса, на Волгу стали перебрасывать инженеров с Днепра, газеты запестрели лозунгами: «Вслед за Днепростроем – Волгострой!»

Однако это строительство окончилось через три года полным конфузом: работы были свернуты, затраченные деньги списаны, планы изменены. Что же случилось?

Задолго до начала строительства гидротехники знали, что покорить Волгу, с ее песчаным дном, будет гораздо труднее, чем Днепр – но на практике трудности выросли в

сверхсложные проблемы. Для полукилометровой плотины нужно было вырыть огромный котлован, каких нигде в мире в водоносных поймах не рыли, – а вынув землю, строители неминуемо сталкивались с мощным давлением подземных вод. Чтобы снять это давление, надо было бурить скважины – такого в мировой практике прежде тоже не было. Будет ли опора плотины достаточно прочной? Выдержит ли плотина сокрушительный волжский паводок? Ученые не на шутку опасались, что однажды Волга стащит со своего пути железобетонную преграду – и все труды пойдут насмарку...

Организация работ на стройке была никудышной, финансировали ярославский Волгострой плохо, зарплата вольнонаемных рабочих была низкой – пожив месяц-другой в грязных и холодных бараках, они увольнялись или ударялись в бег; хронически не хватало материалов и техники. Напрасно главный инженер строительства, лысый очкарик Георгий Веселаго, переведенный с Днепра, взывал о помощи к местным властям – те, четко зная, за что с них спросят «по-партийному», а за что – только пожурят, жили по принципу «а табачок – врозь».

Но, самое главное, все эти три года среди гидростроителей высшего эшелона шла «борьба бульдогов под ковром». К лету 1935 года противники чаплыгинского варианта реконструкции Верхней Волги выступили, наконец, открыто: несколько известных проектировщиков, в том числе Рахманов и Чернилов, направили в Кремль письмо, суть которого сводилась к предложению прекратить стройку под Ярославлем и начать новую – под Рыбинском.

Логика оппонентов плана, уже три года претворявшегося в жизнь, была по-большевистски простой: брать милости у природы нужно по-максимуму, брать нужно все, что можно взять. Тем более, что сама природа подсказывает тут путь: к нашим услугам Молого-Шекснинская низменность, гигантская плоская яма, вырытая древним ледником. Нужно только поставить заслон на пути рек, текущих по этой низине – и яма превратится в море, которое позволит решить кучу проблем.

Проблема первая. Плотина, строящаяся под Норским, не удержит весенний паводок целиком, сорок процентов волжской воды будут ежегодно уходить вхолостую. Холостой же сброс означает, что проблемы останутся не вполне решенными: на Волге будут те же разливы весной и то же мелководье в межень. Да и ГЭС весной будет простаивать, ибо половодье уничтожит перепад горизонтов. Чтобы удержать всю воду верховий, нужно будет ставить дополнительные плотины на Шексне и Мологе, а это, опять-таки, ведет к затоплению междуречья. А как жаль будет даром ушедшей воды – ведь она может и должна работать на нас, большевиков!

Проблема вторая. Планируемая мощность ярославской ГЭС невелика и сделать ее большей невозможно: подними плотину на несколько отметок повыше – и вспучившаяся Волга затопит Углич и Рыбинск. Кстати, Углич-то все равно затопит, от этого, при Норском варианте, не уйдешь. А электроэнергия нужна стране, как воздух.

Проблема третья. Чаплыгинский вариант реконструкции верховий Волги обещает, углубив судовые хода, дать в итоге около 300 000 километров новых транспортных магистралей. Это неплохо, – но вариант с затоплением низины дает возможность получить почти вшестеро больше!

Проблема четвертая. Объем водохранилища, создаваемого ярославской плотиной, составит всего-то 1,75 миллиарда кубометров. Между тем, есть возможность создать пресноводное море в 25 миллиардов «кубиков». Зачем же отказываться от такого богатства?

Делаем так, предложили «максималисты»: вместо плотины под Ярославлем ставим две под Рыбинском, на Волге и на Шексне. Волжскую строим в расчете на 18-метровый подпор – это даст почти шестиметровые глубины вверх по реке, до Углича. Чтобы Волга не улизнула через Шексну, на Шексне тоже ставим плотину, а при ней – ГЭС, причем, мощностью вдвое больше, чем планируемая под Норским, ибо подпор и местность

позволяют. Плотины, встав на пути сразу трех рек, – Волги, Шексны и Мологи, – заставят последние выйти из берегов и медленно заполнить водой всю низину.

Что это даст? А вот что. Весь паводок трех рек помещается в ледниковую яму, словно на склад – и расходуется по мере надобности, обеспечивая нужные глубины вниз по реке; годовой сток Волги и ее притоков в верхнем течении оказывается полностью зарегулированным. Катастрофические весенние половодья и проклятые летние мели-перекаты навсегда уходят в прошлое, режим реки устанавливаем мы, большевики. Подпор от плотин дает свыше полутора тысяч километров прекрасных водных дорог, Волжское море – запас воды, Шекснинская ГЭС – энергию. И никаких холостых сбросов! И не надо строить на Волге, выше Рыбинска, еще две плотины, достаточно будет и одной Угличской.

И Углич остается цел и невредим. А по обновленной Мариинской системе смогут пойти в Белое море и на Балтику военные корабли с большой осадкой.

Естественно, будут и жертвы: под воду уйдут вдвое большие площади, нежели при Норском варианте. Вдвое большему числу людей придется переселиться на новые места. Но взглянем внимательнее в суть проблемы: уже сегодня ясно, что по первому варианту будут затоплены лучшие земли. В четырех районах междуречья – Мологском, Брейтовском, Ермаковском и Пошехонском – Норская плотина загубит, как минимум, 90 тысяч гектаров плотнозаселенной территории: 40 000 гектаров лесов и столько же лугов (в том числе самые ценные, занятые семенниками лугопастбищных трав). Но если все равно пропадет лучшее, то стоит ли жалеть остальное – все эти болота, кустарники, горелый лес? И если 60-ти тысячам человек все равно придется переселяться, то почему не переселиться еще такому же количеству? Снявши голову, по волосам не плачут! Тем более, что потери – это же так ясно! – не идут ни в какое сравнение с приобретениями. Ведь мы, как говаривал товарищ Кржижановский, переживаем такие дни, когда люди проходят, как тени, а дела этих людей остаются, как скалы...

И они убедили Великого Зодчего! Вникнув в доводы авторов письма, Сталин недрогнувшей рукой нацарапал на докладной записке два слова: «Я за». Гигантский маховик верхневолжской стройки на мгновение замер – и тут же начал раскручиваться в другую сторону. Три года работы, потраченные миллионы рублей – все это было в одночасье похерено и списано, за основу был принят вариант Чернилова. Вольнонаемный труд был отвергнут, вместо него владыки империи взяли на вооружение «методику Френкеля»: в лагеря ГУЛага пошел непрерывный поток жертв репрессий, НКВД было поручено строительство верхневолжских ГЭС. Серые колонны безвинно осужденных людей потянулись с канала Москва-Волга к месту новой стройки, под Рыбинск. Здесь было решено строить плотины, здесь суждено будет вырасти крупнейшему человекомогильнику сталинской эпохи – Волголагу...

3. РАЗМЫШЛЕНИЯ ПОСТФАКТУМ

Только большевики, уничтожившие частную собственность на землю, труд и капитал, отобравшие у людей гражданские свободы, могли решиться осуществить проект Георгия Чернилова. До Октябрьского переворота это было невозможно: простейший предварительный расчет показал бы, что вознаграждение владельцам затопляемых земель, организация и оплата переселения 130 000 человек на новые места, вкуче со справедливой оплатой труда такого же количества вольных строителей, намного перевесили бы все грядущие блага. Любой грамотный экономист сказал бы: дорогонько выходит, господа... Но победители могли позволить себе не брать в расчет ни сегодняшние потери, ни упущенную завтрашнюю выгоду, могли считать затопляемую землю бесплатной, могли насильственно и безвозмездно нарушать уклад жизни сотен тысяч людей, могли в гигантских масштабах использовать дешевый рабский труд заключенных, – и все у них

получалось «рентабельно». Будь в стране частный собственник, защищенный законом, он мог бы в судебном порядке отстоять свои права или, по крайней мере, добиться возмещения за причиненный ущерб. Но, как известно, после Октября не стало ни собственника, ни закона, его защищающего...

Приходят в голову и другие мысли... А может быть, у России и в самом деле не было тогда другого выхода, кроме срочного перехода из разряда отсталых, аграрных государств в разряд развитых, индустриальных? Может быть, угроза войны с прусским милитаризмом (все равно – с Гитлером, или с кем-то другим) была неизбежна? В этом случае существование рыночного механизма хозяйствования и в самом деле могло затянуть процесс подготовки к отпору...

Есть, кажется, в этих несколько циничных рассуждениях и здоровое зерно. Как ни крути, а именно большевики, именно «сталинские соколы» решили насущные задачи, стоявшие тогда перед страной: восстановили хозяйство, провели техническую революцию, вырвали Россию из мира лучины и лаптей. Положа руку на сердце: ни от одного из их свершений в материальной сфере потомки ведь не отказались – ни от полноводных рек, ни от энергии гигантских ГЭС, ни от построенных в те годы фабрик и заводов. Более того: все, созданное впоследствии, имело опорой сталинский фундамент.

Да, сотни тысяч жертв... Но разве, к примеру, та же Западная Европа стоит не на крови, разве поработанные и ограбленные Великим Римом народы – не в счет? Разница только в том, что цивилизованные европейцы въехали в свой нынешний рай на чужом горбу, а большевики принесли в жертву свой собственный народ...

Думая о той эпохе, я часто задаю себе вопрос: как русский народ вынес все это, где взял силы? И в который раз вспоминаю известную сказку о затосковавшем на чужбине Иване-царевиче – и Ногай-птице.

Помните? Настрелял он гусей-лебедей, в два чана поклат, поставил один чан Ногай-птице на правое плечо, другой – на левое. Сам на хребет ей сел: неси меня на мою родину! Стал птицу-Ногай кормить, она поднялась и летит в вышину.

Она летит, а он ей гусей-лебедей подает да подает. Долго ли, коротко ли, скормил оба чана, а птица Ногай опять оборачивается. Взял он нож, срезал у себя кусок с ноги – и ей подал. Летит она, летит – и опять оборачивается. А до Родины еще далеко. С другой ноги срезал Иван мясо – и птице подал. Съела, летит – и опять оборачивается. Срезал он тогда со своей груди пласт мяса – и подал ей...

Я закрываю глаза и вижу: мчится сквозь времена над бедной моей землей крылатый ящер-птеродактиль, – а на нем, распластавшись, едва держится белый человеческий скелет бывшего русского чудо-богатыря: все мясо с костей срезано, голая душа коченеет на ветру истории. «Скоро ли Родина?» – хрипит скелет, вглядываясь в непроглядную мглу. А страшная птица опять оборачивается, опять разевает жаркую пасть, ожидая новой жертвы...

И дрожу я, глядя на эту птицу, и думаю: Ногай – это кличка, а истинное имя ей – Государство... Донесет ли эта птица русский народ до милой его сердцу полумифической сказки-Родины? не грохнется ли по дороге? Хватит ли ей мяса с тела русского народа? Не умрет ли по пути и сам Иванушка, безропотно приносящий жертвы страшной птице – то в гражданскую войну, то в Отечественную, то во времена великих строек, то во времена бартера и дефолта?

Поживем – увидим...

1993 – 2005.

Алексей Серов
*Пепел
ждет зерна*

Записки выпускника
Литературного института

1

Прошлый век, девяносто шестой год, лето.

Подбегает ко мне на заводе начальник (назовем его, к примеру, Васей) и говорит:

– Значит, читаешь?

– Ага.

– А что читаешь?

– Да вот, «Бориса Годунова»...

– У тебя работы нет?

– Есть.

– Так чего ж ты хреновиной занимаешься? Или к поступлению в Литературный институт готовишься?

Я говорю:

– Вообще-то это не хреновина, а Пушкин. И я в самом деле готовлюсь поступать в Литературный.

Тут у него глаза стали еще больше моих.

До экзаменов оставалось не более месяца – и готовиться, в принципе, было бесполезно. Однако я все же успел прочитать кое-что из русской классики восемнадцатого-девятнадцатого веков. Решил: а что, съезжу, на умных людей посмотрю, пообщаюсь. Может, и до экзаменов-то дело не дойдет...

Этот месяц я почти не спал, читал каждую свободную минуту.

В институтском общежитии мне в соседи достались двое: мужик лет сорока и парень – мой ровесник. Мужика звали Анатолием, он писал стихи, а приехал с севера.

– Откуда именно? – полюбопытствовал я, расстилая на койке рваный и грязный матрац.

– Да с севера, – кратко ответил Анатолий.

Я поднял брови в знак уважения.

Парня звали Олегом.

Алексей Анатольевич Серов родился в 1969 году в Ярославле, после окончания средней школы работал на заводе, служил в армии, пробовал свои силы в журналистике. Литературным творчеством начал заниматься в школьные годы.

В 1996 году поступил на заочное отделение в Литературный институт имени Горького, учился в семинаре известного критика и литературоведа Михаила Лобанова, защитил диплом на «отлично». Рассказы и отрывки из повестей публиковал в областных газетах. В 2001 году в Ярославле вышла в свет его первая книга «Семь стрел».

Работает электрогазорезчиком на заводе.

Живет в Ярославле.

– Юрмала, – просто сказал он и брезгливо придавил каблуком голодного таракана, атаковавшего его баул.

– Знаю! – обрадовался я. – Прибалтика! У меня ведь там дед служил. В частях НКВД. За «зелеными братьями» охотился...

Олег промолчал. Как выяснилось, он писал и стихи, и прозу. Будучи по рождению русским, говорил он с легчайшим местным акцентом и считал себя чуть ли не настоящим латышом.

– А ты откуда? – спросил меня Анатолий.

– Да тут недалеко, – сказал я, беря пример конспирации с него самого. – Четыре часа на электричке.

Первым экзаменом оказался этюд. Нужно было подтвердить, что ты – это именно ты, и что никто не писал за тебя работу, присланную на конкурс. Так сказать, проявить свое художество во всей красе.

О чем я там писал, сейчас уже не помню. Помню только, что когда вышел из аудитории после пяти часов изнурительного корпения над бумагой, у меня было чувство глубокого неудовлетворения собой. В голове же сидела лишь одна мысль: «Ну, вот и все!»

В знаменитом институтском дворике возле памятника Герцену ходил раздосадованный Анатолий, курил одну сигарету за другой.

– Как дела? – спросил я.

Он ответил непечатно.

– И у меня то же самое.

В это время появился Олег – доброжелательный и невозмутимый, как сто индейцев.

– Написал?

– Написал. По-моему, неплохо получилось.

«У-у, бандеровец!» – подумал я почему-то.

Анатолий отвернулся и сплюнул.

Олег сразу же уехал в общагу, готовиться к дальнейшим экзаменам. Мы же с Анатолием от безнадеги поехали в Третьяковскую галерею и бродили там часа три, пока не оттоптали себе ноги.

Эта ночь тянулась долго и тоскливо. На завтра должны были вывесить оценки.

Мы с северным поэтом огребли по трояку. Русский латыш Олег получил твердую четверку. Он сразу стал посматривать на нас как на вчерашних людей, с которыми уже не обязательно поддерживать отношения – им недолго осталось. Да мы и сами это понимали.

– Значит, берем водочки? – решительно сказал я, отозвав Анатолия в сторону.

Он долго смотрел на меня, беззвучно, словно в забытии, шевеля губами. Может, сочинял стих? Наконец, подвел итог:

– Две бутылки. И пиво. Рыба у меня есть...

Анатолий оказался организационным гением. Вскоре уже почти весь этаж в общежитии был вовлечен в вечеринку, скромно начавшуюся в нашей комнате с двух бутылок водки. Люди приходили с вином, рассказывали о своих бедах, курили, исчезали, на их место являлись другие. Оказывается, тройки получили процентов семьдесят всех поступавших. Мы с Анатолием воспрянули духом. Не все еще потеряно!

Олег к спиртному относился резко отрицательно. Он индифферентно лежал на своей койке, отвернувшись к стене и сложив руки на груди. Делал вид, что спит, хотя не спал. Сколько ни уговаривали его присоединиться к компании, он отказывался или просто молчал. В конце концов мы отступились, решив, что случай безнадежен.

Это был славный вечер. Мы еще любили друг друга. До взаимной ненависти, презрения и размежевания по мафиям было далеко. Мы все были братья-литераторы, мы были молоды и несли, как говорится, прекрасную чушь. Сыпались стихи, свои и чужие. То и дело можно было услышать: «Я хотел бы выпить с вами водки» – и ответ: «Согласен, но только на брудершафт!» Мгновенно образовалось несколько временных семейных пар, а вообще-то целовались все со всеми. Девушки, казалось, сошли с ума – пили и курили больше нас. Кто-то что-то декламировал в гулкую пропасть двора, стоя на подоконнике четвертого этажа. Дух праздника был вроде того, какой царил в Риме накануне захвата его варварами. Мне почему-то все время чудился запах гари, причем, гари книжной – словно где-то рядом горели подожженные библиотеки и пепел пылающих книг медленно оседал на подоконник. Возможно, впрочем, это подгорало на кухне что-то забытое.

Я перезнакомился с обитателями всех комнат на четвертом этаже. Несколько раз засыпал, а проснувшись, не мог сообразить, где нахожусь. Мне тут же наливали, и я все вспоминал. Помню, что участвовал в веселой, отчаянной и беспомощной драке на другом этаже. Бил посуду и лампочки, которые висели вместо люстр. Потом вяло тискал тощую меланхоличную девицу, так ни разу и не взглянувшую мне в глаза. Наконец, припелся к себе в комнату, согнал какого-то неизвестного человека с койки и рухнул спать.

Скрипнула дверь. Друзья внесли Анатолия, бережно опустили на пол, подстелив куртку. Сами сели на его койку, потому что сидеть больше было негде. Выкурили по сигарете, поспорили немного о Маркесе и Кропоткине. Когда мне казалось, что они несут уже полную чушь, я подавал реплики со своего места. Часа через полтора все ушли.

С койки русского латыша доносилось злобное молчание.

Радио сообщило: восемь утра. Этот день у нас был свободен от занятий.

Утро красило нежным светом inferнальную иглу Останкинской башни, как-то криво торчавшую в окне.

Я проснулся ближе к вечеру, поплелся в туалет. Половина пространства там была занята горой беспорядочно сваленных бутылок. Даже попытка хоть приблизительно подсчитать их количество вызывала у меня мозговой спазм. Мне было хреново, ох, хреново. Ничего не хотелось, кроме ста грамм. Да и тех на самом деле не хотелось.

Называется, пообщались на славу. И что удивительно: ведь большинство гулявших составляли юные поэтессы!..

Я подсчитал оставшиеся у меня деньги. Их хватало на бутылку пива и обратный билет до Ярославля. Более-менее приведя себя в божеский вид и слегка опохмелившись в ближайшей кафешке, я вернулся в свою комнату и, еле сдерживая тошноту, начал собираться.

Анатолий до сих пор спал. Олег что-то писал, сидя за столом.

– Уезжаешь? – спросил он деланно-равнодушным тоном.

«Вот одним конкурентом и меньше», – расшифровал я его мысль.

– Я вернусь, – пообещал я, застегивая молнию сумки. И тяжелой походкой терминатора вышел за дверь.

Через три дня, ровно к следующему экзамену, я снова приехал в Москву. Добрался до общаги. Робко постучал в дверь.

– Ты?! – радостно вскрикнул Олег. Меня удивил его бледный, усталый вид и какая-то общая растерзанность. – Заходи! А у меня тут...

Все здесь было так, как и три дня назад, только еще хуже. Северный поэт словно и не просыпался. Как уложили его на полу, так он и лежал. Выяснилось, что эти три дня он не просыхал. Да и весь этаж гудел по-прежнему, праздник обреченных продолжался. Но меня все это больше не интересовало. Дома я принял твердое решение поступить в

институт. Следовательно, о водке нужно было забыть, меня ждали учебники. Впереди ожидалась труднейшая экзамены по русскому языку, по русской литературе, по истории. И еще впереди маячило собеседование, на котором, по слухам, местные киллеры заваливали даже круглых отличников, если им, киллерам, что-то не нравилось.

– Я ни одной ночи не спал! – плакался Олег. – К нему тут ходят и ходят, курят, пьют! Дверь все время настежь! Я уже просил коменданта отселить его от меня или дать мне другую комнату. Но свободных комнат нет! Жить так дальше я не могу.

– Алексей, – подал голос северный поэт. – Слышь, Алексей... Мне плохо. Сходи за водкой. Деньги в пиджаке...

– Не надо! – жалобно попросил Олег.

– Все нормально, – сказал я, успокоительно похлопав его по плечу.

Через пять минут вернулся с бутылкой. Налил поэту стакан.

– Толя, ты что – запойный?

– Ага, – сказал он в мучительной тоске. – Полгода держался, чтобы в институт поступить. И вот...

Неужели я и в этом виноват? Если б знать... Да что он, ребенок малый, – вдруг подумал я, – в самом-то деле? Надо ж хоть немного думать головой!

Олег оказался, в общем, славным парнем. Мы сдружились.

Анатолий продолжал пить. Наши попытки образумить его ни к чему не привели. Естественно, экзамены его больше не интересовали. Когда деньги кончились, он уехал. Правда, успел купить себе новые ботинки.

Финальное собеседование происходило так.

– Хотелось бы узнать, зачем, собственно, вы к нам приехали? – спросил Сергей Николаевич Есин, божьей милостью ректор этого учебного заведения.

Он невнимательно листал бумаги в моем деле. Рядом с ним сидели еще двенадцать апостолов из приемной комиссии.

«Вот те на, – подумал я. – Неужели все настолько скверно?»

– Как вы думаете, – продолжал ректор, – кого готовят в нашем институте? Кем вы намереваетесь стать после его окончания?

Ответ был слишком очевиден, чтобы долго раздумывать.

– Учат, наверное, на прозаиков и поэтов.

И тут они все засмеялись – негромко и незлобиво.

– Ошибаетесь, – сообщил С. Н. – Прозаиком или поэтом надо родиться, а мы готовим здесь литературных работников. Понимаете разницу?

– А, – сказал я. – Может быть. Вам видней.

Они опять немного посмеялись, и ректор продолжил:

– Так чтобы мне не лезть глубоко в ваше дело, я спрошу у Михаила Петровича Лобанова, что же вы нам прислали. Михаил Петрович, пожалуйста.

Великий Лобанов, с виду казавшийся всего лишь пенсионером, на полставки подвизающимся в институте, стал докладывать, часто взглядывая поверх очков.

– Алексей Анатольевич прислал нам повесть под названием «Кандидат». В ней он попытался изложить свои жизненные наблюдения, с претензией на философию, а также щедро сдобрил их фантастикой. Правда, в повести очень много болтовни, воды, но своими бытовыми наблюдениями она ценна.

Видимо, это было и все. Слушая М.П., я в такт его словам кивал головой, хотя он говорил совершенно не о том, о чем я писал. Но спорить здесь, перед апостолами, мне вовсе не хотелось.

– Так, – сказал ректор, – ясно. Расскажите нам, кто вы такой, где работаете, чем занимаетесь.

Я рассказал. Мое незамутненное происхождение, кажется, умилило их. Самородок из провинции явился. Я и раньше слышал, что здесь не больно-то любят абитуриентов-москвичей и тех иногородних, у кого уже есть высшее образование. С этой стороны у меня все было идеально. Рабоче-крестьянское происхождение. Среднее образование. Московской прописки даже близко нет.

Апостолы смотрели уже не так враждебно, как в самом начале разговора. Я приободрился.

– Родители тоже на заводе работают? Завод, наверное, еле дышит? – участливо допытывалась одна дама из комиссии.

Я скорбно кивнул ей. Хотя вообще-то завод наш работал нормально. Но мне нужно было использовать все шансы.

Ректор решился-таки открыть папку с моим личным делом – и сразу нашел письмо, которым я сопроводил повесть, посылая ее на конкурс. Письмо было короткое, четыре или пять строк. С. Н. мгновенно прочитал его и обратился к комиссии.

– Хочу зачитать вам письмо этого молодого человека, которое он прислал нам. По моему, оно очень хорошо его характеризует, – и озвучил письмо.

По добрым усмешкам комиссии стало очевидно: мое послание им также нравится. Разумеется, я не стал им сообщать, что эти четыре строчки я мучил и вертел целую неделю, пока не нашел каждому слову подходящее место. И вот увидел воочию – труд мой не был напрасен.

Читая письмо, ректор перепутал мое имя. И я осмелился поправить его. Он извинился, сославшись на то, что таких, как я, здесь сегодня сидело уже человек пятьдесят. И задал мне необычный вопрос.

– Прочитали ли вы в последнее время какое-нибудь произведение, через текст которого вам пришлось прорваться к смыслу? Или вы не прилагаете особых усилий, чтобы понять смысл текста?

Я сделал паузу секунд в пять. Это очень полезно, когда тебе задают каверзный вопрос.

– Нет, не прилагаю.

– Хорошо. Каких современных авторов вы читаете?

– Довлатова.

– Да, здесь не нужны усилия. Еще?

– Искандера.

– И здесь не нужны.

Как он, однако, строг! Чем бы его удивить? Я рискнул.

– Битова.

– Здесь усилия нужны, – согласился ректор. – Ну, а еще?

Мне повезло, что он не стал пытаться меня насчет Битова, которого я почти не знал. Кого же ему назвать-то? Секунд десять помолчав, я осторожно закинул удочку.

– Пелевина читал.

Ректор мгновенно клюнул.

– А что читали? – живо заинтересовался он.

Напомню, что шел девяносто шестой год, Пелевин был в самой моде.

– «Омон РА» читал. Рассказы. «Жизнь насекомых». «Голубую стрелу». Последний роман еще не читал.

– Это который в «Знамени»? Так... А какие вообще толстые журналы вам знакомы?

Я хотел честно сознаться, что раньше мне были знакомы все журналы, не только толстые, но и сравнительно тонкие – вплоть до «Звезды Востока» и «Литературного Ашхабада», однако в связи с последней фазой перестройки... В общем, я назвал лишь «Новый мир», «Знамя», «Неву» и «Звезду», присовокупив для жалости, что у нас в городе их практически невозможно достать, только в библиотеках, а там-де очереди.

Тут С. Н. начал рассказывать про свой недавний разговор с Пелевиным – как тот хвастался, что он знаменитый писатель только потому, что у него нет никакого жизненного опыта, а все, о чем пишет, он выдумывает из головы. Видно было, что и С. Н. это утверждение нравится, и остальной комиссии оно по душе. Апостолы во всем были согласны с ректором, и я ориентировался в основном на него. Насчет Пелевина я угадал, что да, то да. Повезло.

Подобревший С. Н. перелистывал мою повесть.

– На компьютере работаете? – утвердительно спросил он вдруг. – Где-нибудь у знакомых?

– Да нет, на своем. Купил и работаю спокойно дома.

– И какой у вас компьютер? – продолжал допрашивать ректор.

Я не знал, разбирается ли он в этом деле, и потому сказал просто:

– Хороший.

– И принтер есть?

– Да.

Все это слегка не вязалось с моей жалобной историей про полумертвый завод, но никто, кажется не обратил на это внимания. Наверное, в Москве свои стандарты.

– Прочитали ли вы в последнее время какую-либо вещь из русской классики, до того неизвестную вам? – поинтересовался ректор.

– «Мелкий бес» Сологуба, – сообщил я.

– Как вам кажется, это – современное, злободневное произведение или оно уже устарело, ушло?

– Злободневное, – коротко ответил я, тактично давая понять, что хорошо бы уже со мной и заканчивать, все вроде ясно, чего время попусту терять.

Ректор уловил мою мысль.

– Как фамилия главного героя в «Мелком бесе»? – сурово спросил он, словно делая контрольный выстрел напоследок.

– Передонов, – радостно сообщил я. Не зря накануне ходил в кинотеатр и посмотрел новый фильм, снятый по этому роману. Иначе ни за что бы не вспомнил – книгу-то ведь читал аж месяца четыре назад. И как раз в то время, когда я прочитывал по две-три книги в день.

– В общем, на меня этот абитуриент произвел хорошее впечатление, вопросов к нему я больше не имею, – заключил С. Н.

Тут слева подал голос молчавший до того сребробородый литератор.

– Скажите, а в Ярославле еще выходит газета «Очарованный странник»?

Я что-то про нее слышал, но не знал, выходит ли. И все же твердо ответил:

– Да.

– Там сотрудничают наши выпускники, очень интересные ребята, – сообщил сребробородый. – Вы с ними не знакомы?

– Я не вращался в этих кругах, – веско сказал я, еще раз подчеркнув свое безупречное происхождение.

Бородач, получив должный отпор, с потерями отошел на прежние позиции. Атака была отбита. Зато другие апостолы поинтересовались, кого из ярославских писателей я знаю. Я вспомнил своего однофамильца Николая Серова... и тут память мне словно отрезало. А может, они хотели, чтобы я им Некрасова назвал?

Комиссия еще раз усмехнулась моей невинности. С.Н. повторил, что вопросов у него больше нет. У остальных вопросы тоже кончились. Меня поблагодарили и я пошел к дверям. Ректор за моей спиной стал распространяться в том смысле, что из провинции абитуриенты едут не абы какие, не беспомощные птенцы, а самостоятельные, сознательно выбравшие свой путь и уже в достаточной мере подготовленные люди...

Прошло еще часа два. Нас звали в кабинет и сообщили, кто принят, а кто баллов не добрал. Я, оказывается, еще и перебрал.

Странно, я не ощутил какого-то особого счастья. Понимание того, что мне выпал счастливый билет, пришло лишь дня через два. Лежал на скрипучей койке в общежитии, думал о том, что скоро вернусь домой... И вдруг понял: да я же поступил в Литературный институт!.. Мне аж жарко стало.

По стене деловито спешил куда-то огромный рыжий таракан. На потолке сидел еще один, покрупнее. «Ох, домой приеду – ногти обстригу!» – мечтал я...

2

В последние месяцы двадцатого века мне пришлось написать самому и получить от друзей и знакомых несколько весьма значительных для меня эпистол. По скупости своей (чтобы не пропадать добру), я решил объединить их и взглянуть на результат. Строго документальными эти послания считать нельзя, я их отредактировал и кое-что добавил от себя. Вот потому здесь меня зовут по-другому, хотя и очень похоже.

18.08.99

«Привет, Олег! Получил твоё послание. На этот раз почта не подвела, письмо дошло из вашей отдаленной Латвии в наш благословенный Ярославль всего за две недели. Сразу сажусь писать ответ.

Новостей у меня довольно много, все разного свойства, так что даже и не знаю, о чем сообщать во первых строках.

Первое и самое главное – поздравь меня с новой публикацией. Кусок повести «Самый длинный день» напечатан в той же газете, что и предыдущие два рассказа. Я попробую выслать тебе этот разворот, в конверт должен уместиться. Как видишь, кусок не слишком большой, от повести остались начало да конец, а середины-то и нет, но публикация даже этих крох все равно чертовски приятна. Тем более, редактор мне в утешение сказал, что так даже еще лучше. Если, дескать, от бесформенного куска мрамора отсечь все лишнее... Не знаю, не знаю. Верю старшим товарищам.

Один мой друг увидел повесть, а потом мы с ним случайно встретились в городе, у «Макдональдса». Он говорит: «Ну, давай автограф!» – и достает газету. Я говорю: «Сейчас к американцам зайдём и посидим тут за столиком – ты покуришь, а я мороженого поем». Он кричит: «Ты русский писатель или ты не русский писатель? Ходить в «Макдональдс», в эту иноземную забегаловку...» А я говорю: «Ладно, я русский писатель, но мороженое американцы делают хорошее». Польстил он мне, это ясно, а все равно я полдня ходил с глупой улыбкой на роже.

Ну вот, теперь о других делах. С ужасом вспоминаю профессора Николаевскую, которой так и не сдал весной зачет по риторике. Она мне предложила перенести это дело на осень. От такого предложения я не смог отказаться. Правда, мне не дали вызов, так что придется как-то пресмыкаться перед заводским начальством, а то не отпустят. А что делать? Зря, что ли, мы с тобой мучились, поступая в Литературный институт имени Горького? Надо уж заканчивать... Эта Николаевская – кошмарная женщина, повезло же мне нарваться на нее два раза по весне. Оба раза устроила мне такой облом!

Отгулял отпуск довольно неплохо, погода была самая южная. Собирался в отпуске переписывать роман (ты его читал, та приключенческая вещь), но ни строчки не сделал, пока не вышел на работу. Отпуск расслабляет до безобразия. Зато сейчас приходится навестывать, дело понемногу движется, надеюсь к ноябрю закончить новый вариант. Кроме романа, ничего другого не пишу.

Живу теперь в центре города, квартира старая, требует мелкого, но постоянного ремонта, так что скучать не приходится. К тому же в моем семействе ожидается пополнение, к новому году нужно все привести в порядок. По выходным занимаюсь

строительными работами на даче, расширяю дом, возвожу большую веранду. Свободного времени совсем мало.

Ничего, прорвемся.

Читаю сейчас Лескова, очень увлекся этим классиком. Купил по случаю два тома совсем недорого. У нас тут есть магазинчик, где хорошие книги продаются по смешным ценам. Недавно купил также двухтомник Гончарова – «Фрегат «Паллада» – за 4 рубля. Совершенно новые книги, только что распакованные. Их выпустили несколько лет назад, а в то время спроса, что ли, не было. Теперь распродают. Кроме классики, там еще полно всякого, можно набрать целую библиотеку...

Ну вот и все, вроде бы. О других новостях, если будут – при личной встрече. До осенней сессии, до ноября!»

3.11.99

«Начальнику производства Иванову И. И. от газосварщика Седова А.А.
Заявление. Прошу предоставить мне отпуск за свой счет по семейным обстоятельствам с 9 по 19 ноября 1999 года.»

Подпись: «Седов».

Резолюция: «Не возражаю. Иванов».

15.11.99

«МОЯ АПОЛОГИЯ» (по методикам Квинтилиана)

Говорить «по бумажке» – явный моветон, но прошу снисхождения – это мой первый опыт подобного рода.

Уважаемая! Я намерен произнести перед Вами эту речь ввиду крайних обстоятельств, которые попытаюсь изложить ниже, если Вы любезно сообразите меня выслушать.

Речь пойдет о риторике. Вернее, не столько о самом предмете, сколько о моем к нему отношении (а оно, заметим в скобках, трепетное). Я трясусь, словно охваченный лихорадкой святого Витта, произнося по буквам раскатистое слово «риторика». Почему это так – объясню сейчас же.

Начну несколько издали, чтобы прояснить историю вопроса.

Еще в те давние времена, когда я учился в младших классах средней школы, я, как это ни странно, мечтал стать писателем. И это желание со временем не пропало, как другие романтические бредни (моряк, пограничник, летчик), а только еще усилилось и окрепло.

Как полагается всякому молодому человеку «с запросами», я вел дневник, и одну из тогдашних записей хочу поведать вам по секрету. Она гласит: «Вот хорошо бы поучиться в Литературном институте, овладеть искусством оратора. А то говорить совсем не умею, и в школе не учат. Для чего же прошли эти две тысячи лет – неужто для одних только календарей?» Вот такая невинная запись в ряду многих прочих. Я и не думал, что это знак судьбы.

Теперь представьте себе, что через много лет, когда я давно уж забыл о всяких дневниках, стал довольно циничным молодым дядькой и очерствел душой, мне совершенно неожиданно удалось поступить в Литинститут. С первой же попытки. А ведь это редкость, люди годами мучаются... Половина моего желания, таким образом, исполнилась – хоть и не сразу, но неотвратно. А отучившись три курса успешно, без «хвостов», я вдруг обнаружил риторику в списке предметов, которые нужно будет сдавать для перехода на четвертый курс. Я не придавал этому значения – ну подумаешь, еще один зачет! Зашел да вышел, не стоит беспокоиться. И завалился на нем, как подкошенный.

В результате уже полгода нахожусь в неопределенном состоянии, плохо представляя себе, что будет дальше.

И вот тут-то я вспомнил свою старую дневниковую запись. И поразился – до чего же полно и неотвратимо выполнен судьбой мой заказ! Хотел институт? Вот тебе институт! Хотел ораторское мастерство? Вот тебе риторика! Садись, учи!

Я понял, почему застрял на этом предмете. Значит, он действительно нужен мне самому. А когда прочитал книгу Ю.В. Рождественского «Теория риторики», то выяснил, что это еще и очень интересно. Умные люди с помощью умелой речи движут государствами и народами и изменяют облик планеты. Мне это раньше как-то не приходило в голову.

Тем, что Вы оставили меня на осень, Вы добились главного: я понял, что риторика – самая нужная наука для молодого литератора.

Но о Вашей беспощадно-справедливой жестокости ходят такие легенды, что я был повергнут ими в смущение. Вроде бы одна из Ваших студенток трижды пыталась блеснуть перед Вами знаниями и красноречием, но не преуспела и осталась теперь уже и на весну. Такие страсти!

Все это привело меня в состояние, близкое к кататоническому (не знаю точно, что означает этот медицинский термин, но, судя по ощущениям, состояние мое именно таково). На память свою особо не надеюсь, могу и забыть прочитанное, заплутать в извилистых тропах фигур. А в этом случае и мне придется оставаться на весну.

Теперь попрошу Вас трезво взглянуть на объективные обстоятельства окружающей действительности.

Приехать сюда на сессию из другого города – нынче дорогое удовольствие. Не просто потому, что нужно покупать билеты на поезд и как-то кормиться здесь три недели или месяц. Самое плохое – приходится брать на работе отпуск. За свой счет, заметим. А начальство на такие дела смотрит очень косо, времена не советские, и можно в две секунды вылететь за ворота. Если бы был официальный вызов из института – дело другое. Да и то еще не факт. А у меня вызова нет, потому что зачет по вашему предмету не сдан. И если он не будет сдан сейчас, то весной мне придется просить отпуск за свой счет на месяц. Отпустят ли меня? Это весьма маловероятно. Скорее всего, чтобы продолжать учебу, мне придется увольняться, а после сессии искать новую работу. За пределами Москвы, если вы не знаете, сделать это чрезвычайно сложно.

Теперь, чтобы смягчить и разжалобить Ваше твердокаменное сердце, я прибегну к запрещенному приему (а что делать?) и сообщу, что моя жена совсем скоро подарит мне маленькую дочку. Я, соответственно, должен буду обеспечивать молодую разросшуюся семью. А какой же я кормилец без работы? Учеба и так обходится дорого. Я просто вынужден буду бросить институт. Не голодать же моей семье из-за несданного зачета.

Вот как причудливо тасуется колода! Вот как я попался в ловушку, которую сам же и смастерил.

Услышав о том, что до меня здесь проваливались трижды, я, не скрою, начал произносить в уме яркие оправдательные речи. И делал это до тех пор, пока не сообразил, что от не произнесенной вслух речи толку не будет, и мне нужно грамотно подобрать аргументы в свою защиту и изложить их связно, внятно, по тем правилам, которые завещал Квинтиллиан (памятуя о его 8 частях речи). Это и будет, по сути, практическая работа, думал я.

Кстати, примите в рассуждение вот еще какой момент. Ведь все, кто благополучно и легко сдал зачет весной, как ни страшно говорить об этом, навряд ли уже помнят хоть что-то и давно перестали интересоваться риторикой. Мой же интерес к предмету, который Вы столь блестяще преподаете, только-только разгорелся.

Данная речь – способ примирить меня с самим собой и с Вами.

Уважаемая! Будьте снисходительны! Это все, о чем я прошу. Примите во внимание те печальные обстоятельства, которые последуют в случае моей нынешней неудачи.

Сжальтесь над криком души, рвущимся из глубины стонущего сердца! Не дайте пропасть мечте детства! Проявите милосердие, и оно Вам когда-нибудь зачтется.

20.11.99

«Олег, ты что-то задержался в своем Останкино. Зачет я сдал, старая карга сказала, что это не речь, а классическая челобитная, но смягчилась и сильно не гоняла. Пять минут позора – и обеспеченная старость! Ладно. Я иду на семинар. Если успеешь вернуться с телевидения, догоняй. Ребята уже поехали туда в дупель пьяные, так что разговор может быть интересным.

Завтра я уезжаю домой, уже купил билет. Столица за десять дней обрыдла вообще. С утра настроение сегодня и так было хреновое со всей этой нервотрепкой, а тут еще в автобусе два педика уселись впереди и давай целоваться взадос... Это было последней каплей. Я решил: хватит с меня прогресса в человеческих взаимоотношениях, пора домой. Если не увидимся, напоминаю: весной привези своего латгальского пива, ну, а я, конечно, обеспечу тебе дегустацию нашего. Пока.

Александр.»

24.11.99

«Дева моя, здравствуй! Я тебе на работе решил написать письмо, а то потом некогда будет, возле больницы-то. Этот сумасшедший человек, которого ты видишь из окна пританцовывающим на морозе – я, твой муж Саша. Узнала ли?

У меня все хорошо. Вчера приходили Андрей и Слава. Андрей до 10 часов играл в компьютер, а потом ушел. Мы же со Славой до 2-х часов ночи пили водку и говорили о литературе, то есть, занимались нашим обычным делом. Я сказал, что его поэзия вызывает в моем воображении один и тот же видеоряд. Если бы мне пришлось сочинять рекламный клип для его стихов, то он был бы таким: стоит на косогоре красавица-березка, шумит листвою на ветру, а с другой стороны под нею дрыхнет пьяный мужик. Над его головой в ствол березки воткнут топор, и с лезвия в храпящий рот мужика медленно капает «живительная влага». Слоган же такой: «Есть кому березу заломати!..» Не знаю, как он к этому отнесся. Но в ответ написал мне шуточное посвящение, эпиграмму. Или так просто пара строчек ему в голову пришла: «Если мне порой хреново, заползает в душу страх – обращаюсь я к Седову и базарю о стихах.» Я сказал ему большое спасибо за такую лестную рифму.

Андрей вчера не пил, потому что мы накануне с ним тоже пили водку, и он уже больше не мог. Сегодня должны прийти еще Слава, Михеич и Таня. Я им сказал, что чайку попьем, и все.

Так что день рождения мой был похож на день рождения. Тридцать лет ведь, тридцатник!.. Зачем же тебя со мной не было, чадо мое болезное?

Ладно, когда тебя выпишут, мы повторим. Дата круглая, не грех и еще раз отпраздновать. Давай домой!

Как там себя ведет наша девочка? Толкается? Погладь ее за меня по головке, если знаешь, где. Доча, слушай маму!

Любимая, напиши мне, что еще нужно принести, я завтра приеду тоже после работы. Без тебя дома как-то непривычно, пусто, жутко. Я сплю на неразобранной софе, словно заядлый холостяк. И некому меня согреть, бедный я, несчастный! Ноги мерзнут! Мне срочно нужна грелка. Во весь рост. Ну или хотя бы в половину, как ты. Я этим врачам, которые тебя загнали в больницу, уши бы поотрывал. Что за манеры – чуть повысилось давление, и тебя у меня забирают. А впрочем, ладно, пусть проверят на всякий случай.

Чем хоть ты там занимаешься? Проходишь курсы будущей молодой мамы? Ну давай, учись, пригодится.

Ладно, пока вроде все. Да ты одевайся там теплее, в палатах этих, наверное, сквозняки! Люблю, целую. Твой терпеливый муж.»

24.11.99

«Сашечка, у меня все хорошо, сегодня сказали, в пятницу выпишут.

Ты завтра не приходи, мама придет, а в пятницу встретимся уже дома. Только позвони моим и все узнай точно.

С днем рождения! Я скоро буду дома, расцелую тебя во все места. Если мерзнут ноги – надевай носочки, любимый! Не пей много, не пей мало, а пей средственно. Нам ничего не надо, у нас все есть. До пятницы!»

27.11.99

«Михеич, привет! Помнится, ты спрашивал у меня подробностей моего нынешнего посещения столицы и богемной жизни в творческой общаге (а сам, падла, так и не явился на день рождения. Ну ладно. На этой неделе исполняется десять лет, как я из армии пришел – тоже праздник, так что жду). Изволь, вот тебе подробности.

То, что на лекции ходит подавляющее меньшинство населения – это само собой. Утром спят люди долго и старательно, особенно если ректор не нагрянет с инспекцией. Просыпаюсь это я однажды часов в двенадцать, а в комнате сам С.Н. Есин сидит и перелистывает какую-то книжку на моем столе, задумчиво подперев голову рукой. Рядом – комендант и с ним двое здоровых лбов. А я накануне «дартс» купил и испохабил дротиками всю стену...

Пьют здесь со страшной силой. Я так не умею. Практики было маловато, что ли. Хотя всегда думал, что легко поддержу любую компанию. Участвовал, сколько мог, но сходил с дистанции задолго до финиша. Конечно, это недостаток, ибо мешает нормальному творческому общению. Что ж, значит, мне есть куда расти. Буду работать над собой.

Все соседи, как правило, бухают. Уборщица, наводя по утрам порядок в туалете, кроет литераторов страшным матом. Есть за что. Валят везде пустые бутылки, ходят куда ни попадя всю ночь – и часто мимо.

Вообще, когда вокруг все – писатели, это немного странновато и тревожно. Так и ждешь какой-нибудь гадости. Просто ужас. Стыдно за свою профессию.

Один тут рассказывал: «Пригласили меня недавно вечером в компанию. И досиделись до неприличного состояния! Один мужик вдруг хватает тарелку, орет: «Бенефис!» – и об пол ее. Глядя на него, и другие осатанели. Повскакали, начали вопить: «Бенефис!» и бить посуду. Переколотили в комнате все, что могли, вплоть до люстры, и только в полной темноте уgomонились.» Верю, что так и было.

Студенты вообще делятся на очников и заочников. Для заочников сессия – отдых (кроме тех позорных минут, когда приходится сдавать экзамены). Люди, оторвавшись ненадолго от своих семей, отрываются. Для очников же все это – тоскливые будни, давно уже надоевшие и бессмысленные. Литературу очники, кажется, терпеть не могут и вроде бы вообще ничего и не пишут. Проходя однажды по лестнице на шестой этаж играть в теннис, я услышал, как один из них – маленький, кудрявый, красиво изможденный (настоящий поэт!) говорит собеседнику тихо, но так, чтобы все окружающие слышали: «Я уже год ничего не пишу, я давно бы покончил с собой, если бы все способы сведения счетов с жизнью не были так пошлы». Вот, настоящий творческий кризис у человека! А тут пишешь, словно исполняя оброк, по две страницы в день (а если не написал сегодня две, то завтра будь любезен четыре), да еще на работу ходить надо, сжимая зубы...

Ты, Михеич, кажется, собирался поступать туда. Зачем? Ведь у тебя уже есть одно высшее! А все нужные книжки и так можно прочитать, в библиотеке.

Я раньше тоже думал, что здесь нечто особенное, аура Герцена, Платонова и других великих, как нам обещали. Но до сих пор так ничего и не ощутил. Может, у меня этот орган отсутствует, которым я должен воспринимать ауру? Может, я вообще не своим

делом занялся? Надо было в советские времена учиться на бухгалтера – сейчас был бы обеспеченным человеком...

Ладно, фигня это. Если серьезно, я учусь здесь лишь потому, что литература – единственный для меня способ получить высшее образование и государственный диплом. Так уж сложилось...

Конечно, это здорово, что я познакомился с новыми людьми, усвоил множество полезной информации. Нет, я не жалею, что учусь здесь.

Помнишь, я тогда приходил к тебе, и ты зачитывал вслух отрывки из своих философских сочинений? Я кричал: «Слушай, так ведь это гениально!», а ты отмахивался: «Возьми себя в руки, Александр». Какая пропасть времени исчезла, утекла, утонула в безвозвратную черную дыру! Чем мы занимались? Что успели сделать?

Вспомнил вот ерофеевскую поэму «Москва – Петушки». «Когда мне исполнилось двадцать лет... когда мне исполнилось тридцать лет... стал ли я менее одинок?..»

В богему нам с тобой все равно никогда не попасть. В ту богему, которая аплодирует на дипломатических приемах очередному юному гению – скрипачу или поэту, читающему такое, чего понять нельзя даже при большом старании. Люди там крутятся все одни и те же, одной породы – пьют шампанское и бесконечно целуются. А мы – другой породы, мы пьем водку и бьем морды. Наша богеменная жизнь начинается, когда мы остаемся один на один с белым листом бумаги. Или с чистым экраном компьютера. Вот тогда ты чувствуешь, что родился на свет не зря, что на высоту, взятую тобой, никто больше не поднимется. И теперь это твоя позиция. Даже если это и не Эверест, а так, высотка с номером. Но она – твоя, вот и все. Тогда мы – высшее общество. Классик был абсолютно прав: место литератора – за его письменным столом...

У Юрия Казакова на эту тему есть очень верный рассказ «Мужество писателя». В самое яблочко бьет. Правда, он пишет о мужестве советского писателя, это вещь специфическая, но в целом все правильно.

Чтобы несколько снизить пафос, вот тебе еще история. За день до того, как уехать из столицы домой, я собирался идти на семинар, обсуждать чье-то очередное творение. И только выхожу в коридор общаги – опаньки, менты! У меня же, как назло, регистрации нет. И меня еще с тридцатью литераторами обоего пола хватают омоновцы, грузят в автобус и везут в отделение. А там «обезьянник», какие-то негры с наркотиками, прокуренные проститутки с сутенерами... И вот мы, будущая гордость отечественной культуры, набитые за решетку, как сельди в банку, стоим, наблюдаем жизнь во всей ее неприкрытой наготы. Не стану утомлять тебя описанием нравов московской милиции, с этим все понятно, просто такой зоологии я давно не встречал. Запомнилось, как молоденький сержантик, записывая адрес нашей общаги, переспрашивал у нас: «Дабролюбова» или «Добралюбова», и еще удивлялся – неужели, мол, вы все писатели? И что пишете? Мы отвечали: конечно, детективы, боевики. Я в этом вопросе даже не соврал – есть такой грех, написал однажды...

Через день поехал домой, разумеется, с Ярославского вокзала. Ехал в общем вагоне попутного поезда. Смотрел на людей, на беспокойных торговцев с тюками, на пьяных мужиков, едущих с заработков, на веселых солдат, возвращающихся из Чечни, на тихих старух, забившихся в уголок, и поневоле думал: нет, все врут нам, что вырождается русский народ. Поменьше надо телевизор смотреть! Просто мы собираем силы, сосредоточиваемся для более важных дел, без жалости сбрасывая лишнюю ношу. На нашей стороне – правда, так как с нами поступили несправедливо. И мы имеем сейчас что-то вроде легального права на несправедливость по отношению к другим, на агрессию против тех, кто хоть сколько-нибудь был против нас. Это же нормально. Столько, знаешь, в народе энергии, столько бесшабашной удали и, страшно сказать, постоянной готовности к новым потерям! Это значит: в запасе еще очень много сил. Хотелось бы, конечно, разумного руководства, да и неприятно, когда именно по тебе едет этот тяжелый каток государства, но... Что ж поделаешь. Приходится терпеть. Господи, пронеси!

Михеич, в общем, жду тебя, обо всем поговорим.»

3.12.99

«Александр, который раз захожу к тебе и не могу застать! Соседи сказали, что твоя жена в больнице. Прости, я не знал. Позвони мне на работу, телефон знаешь. Помнишь, ты набирал на компьютере сборник моих стихов? Так вот, он скоро выходит. Я нашел деньги!!! Будет презентация и фуршет, как положено. Всем знакомым хватит по экземпляру. Звони.

Михаил.»

22.12.99

«Михеич, привет! Извини, не люблю я телефон, невозможно с его помощью говорить как следует. Опять пишу, старая графоманская привычка... Кстати, слышал ты такой термин: «речевое существование народа»? Эта штука очень сильно развита в Японии, они все постоянно и непрерывно пишут друг другу что-нибудь: письма, поздравляют с праздниками и т.д. Говорят, это благотворно отражается на стабильности общества. Не мешало бы и у нас внедрить.

У меня все хорошо, жена, слава Богу, дома, деятельно готовится к Новому году, а где-то около этого времени у нас ожидается маленькая доча. Представляешь, как славно мы отметим Двухтысячный! Так что я все время на всякий случай дома и ходить по фуршетам некогда, да и лень. Но для тебя, ясно, сделаю исключение. Сообщи, где и когда. Молодец! Так держать!

На всякий случай заранее поздравляю тебя с Новым годом! Поздравь и ты меня! Наступают хорошие времена!

Александр.»

3

А теперь – еще несколько писем. Первое (приведу здесь лишь отрывок из него) я написал другу в Латвию летом 2001 года.

«...а что касается диплома – я действительно его получил. Не красный, конечно, а самый обыкновенный. Ну, да ведь я никогда и не стремился к красному диплому. Уже то, что дошел до выпускных экзаменов, считаю чудом. И вот оно произошло.

Сами экзамены были, в общем, полной профанацией. Сначала нас напугали, посоветовали готовить валерьянку и сердечные капли. А потом... сам знаешь. Списывание, подсказки и все такое прочее. Забавный эпизод был с Лузановым. Он пришел сдавать философию. И ему достался Кант. Ведь Дима вообще-то очень много знает, но, видимо, философия не его конек. Так вот, на все вопросы экзаменаторов он с упрямством повторял, что Канта звали Иммануилом. Канта звали Иммануилом, твердил он, как пленный партизан на допросе. После ругани и увещаний тройку ему все-таки поставили. Я по философии получил тоже тройку – не знал вообще ничего, да и приемщики, видимо, случились не в настроении... Было скучно и тягостно и было только одно желание – чтоб весь этот театр поскорее закончился и началась нормальная, обыкновенная жизнь.

Зато защита дипломной работы была у меня, скажу откровенно, блестящей. Даже почти триумфальной. Я ничего такого вовсе и не ожидал. Сначала пытали поэтов, и все они более-менее благополучно защитились. Я думал, что теперь возьмутся за меня, но они

принялись за бедную Машу. Лобанов сказал несколько добрых слов в ее защиту – что человек она молодой, небесталанный, и хоть рассказы ее сыроваты и переполнены всякой непотребной физиологией, но все-таки снисхождения она заслуживает. Начали выступать рецензенты – и просто размазали Машу по стенке. Особенно не понравилась им одна из сцен группового секса. Я у нее этого ничего не читал, но, судя по приведенным отрывкам, действительно получилось не очень. Машка расплакалась, кто-то побежал за водой, но в общем все завершилось успешной защитой – девушка получила даже четверку, а не тройку, как все думали. Наверное, за слезы. Вот тут-то и до меня дошла очередь. Я после всего этого уже ждал, что они меня специально оставили напоследок, чтобы вдоволь поиздеваться над моими рассказами. Дали знак в соседнюю аудиторию, и оттуда специально «на меня» явилось еще двое почтенных мужей. Я понял, что дело плохо, но это вызвало во мне только злость. И я решил обороняться до конца, продать жизнь подороже.

Вначале, оказывается, нужно было рассказать кое-что о себе. Опять?! Ну, я рассказал... На фоне предыдущих мое выступление получилось совсем не официальным. Даже слегка развязным. Потом началась основная часть.

Лобанов сразу двинул всех (и прежде всего меня) по башке заявлением, что я – талантливый писатель. Вот это да!.. Не кто-нибудь сказал, сам Лобанов. Те рассказы, которые раньше он поругивал, оказались теперь хорошими рассказами. Да. Я, конечно, над ними поработал, но все-таки... Затем выступили рецензенты и прочие критиканы. И как принялись меня хвалить! Один за другим. Со всех сторон. Как у меня все хорошо, да замечательно. Я не успевал отбиваться. Понимаешь, ни единого слова против, все очень здорово. У меня в какой-то момент возникло подозрение, что они сговорились и издеваются надо мной, смеются. Но дело шло все дальше и дальше, и я понял, что они всерьез. Рецензентами у меня были Николай Евдокимов и Юрий Апенченко. Еще поэтесса Галина Седых. Ну, и Лобанов.

Вот. Уж не знаю, как так получилось, но получил я пятерку.

Вышел охладиться на улицу. И все как-то сразу переменялось. Статус, что ли, у меня появился другой? Я – талантливый писатель. Черт побери! Слегка ошалев, стою и думаю: чего же мне теперь делать-то? А делать что-то надо, и немедленно, сам понимаешь.

В воздухе носится ангел, вот тут, над самой головой, надо хватать его за вымя!..

Ну, прежде всего, конечно, я выпил водки (тут пошла неофициальная часть с обмыванием и дальнейшим водкопитием). Лобанов и Евдокимов подходят ко мне и говорят: Алексей, вы в каком Союзе писателей состоите? Я говорю: я, вообще-то, на заводе состою. Как, вы не состоите в Союзе писателей?! Надо срочно вступать. Мы вам дадим рекомендацию. У вас книжка есть? Нету, говорю, только газетные публикации. Ну, в крайнем случае можно и с этим, говорят они.

Тут я еще шарахнул водки. А как было не шарахнуть?

Когда подошла моя очередь сказать слово, я встал, поблагодарил всех, в особенности Лобанова, и тут чего-то потянуло меня на откровенность. (Спьяну, конечно.) Я сказал, что главное, чему научил меня Литературный институт – это осознание необходимости писать не от головы, а от сердца, и что отныне я буду работать именно так. Тут старушка Архипова, которая вела у нас практическую грамотность, помнишь? вдруг зевнула и сказала, что за окном чудесная погода. Ее слова были словно ушат холодной воды. Вот и спасибо, охладила пыл, а то не знаю, что бы я натворил дальше в таком-то состоянии. Иногда полезно бывает вот так – мордой об стол...

Я потихоньку уехал из Москвы с дипломом в кармане.

В общем, московские мэтры зарядили меня огромным количеством наглости и энергии. Они мне прямо сказали, что стесняться нечего, скромность – худший из пороков, а надо пробиваться всеми способами. Идите, мол, и печатайте свою книгу. И я пошел...

Уже почти все готово – иллюстрации, фотографии, верстка. Будет твердая обложка, около ста восьмидесяти страниц текста. Не так уж и мало. Я отобрал самые интересные

вещи. Возможно, в ближайший месяц-два книга увидит свет. Как только появится, сразу вышлю тебе.

В остальном у меня все по-прежнему, позиции не изменились. Их, как ты помнишь, четко обозначил Маяковский в поэме «Хорошо!»:

Сидят папаши, каждый хитр –
Пашню попашет, попишет стихи...

Конечно, это мечта – вести полубродячую жизнь без средств к существованию, собирать бутылки и плевать на общество. Или сидеть на шее у жены, считая зарабатывание копейки слишком неравноценной альтернативой своему гениальному творчеству. Я, мол, бог, а вы все говно, и кормить меня обязаны потому просто, что я умею слова выстраивать в столбик... Нет, мне это не годится. И потому каждое утро я иду на свой заводик, а там... Ну, все понятно.

Ну, пока. Крепко жму твою руку. Будь здоров!»

06.08.01

«...время такое, Саша. Впрочем, оно всегда такое... Никто ничего не читает. Что стихи, что прозу. Литературный процесс заглох, его нет. Есть отдельные всплески, которые раздаются то здесь, то там. Моя книга – один из этих всплесков в тишине. Скоро и твоя плеснет...

Нынешняя провинциальная литература – самая бескорыстная за всю историю России. Она издается за счет автора и ни на что не надеется. Она знает: ее удел – остаться в архивной пыли, и это еще в самом лучшем случае. Период такой. Ждем лучших времен, которые обязательно однажды наступят. А сейчас удобряем для этого почву собственными произведениями. Накапливаем критическую массу, и однажды она разродится бессмертными шедеврами.

А пока что так: книга выходит, а ее как будто нет, сгорела дотла, и пепел упал в землю, ждет зерна... Люди думают: ну подумаешь, он там чего-то пишет. Любой дурак напишет...

Светлым примером для нас может служить Катулл. Кто такой был Катулл при жизни? Человек, известный очень узкому кругу богатых древних римлян. У него никакой славы не было вовсе, и если бы не случайно сохранившаяся в библиотеке книжка, то мы и понятия о нем не имели бы. Так же и у нас сегодня. Главное – чтобы тексты где-то остались, в архиве ли, в Интернете, все равно. А уж потомки решат, насколько это интересно. Так что у нас нынче в основном ответственность не перед современниками, а перед будущими поколениями...

Ладно, чего я тебя загрузил раньше времени. Пока. Михаил.»

4

Как сложились судьбы тех, с кем довелось учиться? Иногда я залезаю в Сеть, набираю в поисковике знакомые имена... Где же еще и искать-то? Находятся ребята, не пропали. Кто-то делает литературный сайт, кто-то пишет сценарии для кино и телевидения, кто-то печатается в толстых журналах, многие редакторствуют в различных изданиях.

Бывает, увы, и по-другому. Нынешним летом, путешествуя по Сети, я наткнулся на сообщение, которое заставило меня поежиться.

8 ноября 2001 года трагически погиб северодвинский поэт Андрей Сазонов. В комнате общежития, где он жил, случился пожар. Андрей не смог выбраться наружу. В комнате сгорело все, кроме рукописей...

Этот случай потряс весь литературный Северодвинск. «Жалко, молодой был, тридцать четыре года, и так глупо все завершилось, так несправедливо...»

Скоро в свет выйдет первая книга стихов и статей Сазонова. Она будет называться «Андрей Сазонов. Сочинения». Он мечтал об этой книжке...

Надо же, – припомнил я, – парень-то ведь с нашего курса... Тогда, в первый вечер пьянки, я слушал его стихи, и они мне – единственные из всех – понравились. Андрей, помню, сидел на корточках, упираясь в пол кулаками, и был похож на странную кучерявую обезьяну. Он, раскачиваясь, читал свои стихи и отбивал ритм кулаком. Это смотрелось несколько нарочито, но ведь и вся поэзия – не без позы. А стихи были хорошие, это точно...

Я начал искать в Сети еще сообщения о Сазонове – и нашел.

29.01.04. Вчера в Малом зале Поморской филармонии прошла церемония вручения премий комитета по культуре администрации Архангельской области.

Великий русский писатель Антон Павлович Чехов писал, что жизнь на севере России располагает к лежанию на диване и пассивному мирозерцанию. В данном случае приходится признать, что классик ошибался. Об этом говорит количество номинантов на премии за вклад в развитие культуры и искусства Русского Севера, которые в десятый раз вручались в Архангельске...

В этом году размер премии увеличен в шесть раз, и она стала не только общественным признанием труда и таланта лауреатов, но и весомым финансовым подспорьем. В число лауреатов премии вошли няндомский поэт Павел Захарьин за сборник стихов «Предчувствие», северодвинский поэт Андрей Сазонов (посмертно) за книгу «Сочинение», главный режиссер Архангельского областного театра Петр Суворов за постановку в 2003 году пьес «Утиная охота» А. Вампилова и «Вишневый сад» А.П. Чехова.

Да, у нас именно так и принято, подумал я. Жил человек, писал стихи – и никому не был нужен. Он там чего-то пишет? Да любой дурак напишет... Пока не случилось вот это. Ну, тогда конечно: и слава пришла, и деньги зачем-то дали...

А почему живому не дали?!

Утонченное издевательство.

5

Нынешний век, четвертый год, зима, Ярославль. Тот же завод. Сажу и просматриваю в свежем журнале собственный, только что напечатанный рассказ. Подбегает ко мне тот же самый Вася (только он уже не начальник, а пенсионер – свое отработал).

– Все читаешь, ума набираешься?

– Набираюсь, – говорю.

– Что-нибудь историческое? – продолжает допытываться Вася.

– Да так... художественное.

– По-моему, – говорит он, – единственная книга – это Библия. Вот где можно набраться ума и фантазии! А все остальное – хреновина.

– Ну, – говорю я, пряча журнал, – все не все... местами встречаются и хорошие вещи!

Он глубокомысленно кивает. На этом наш литературно-философский диспут заканчивается. Очень довольный собой, Вася убегает.

А я остаюсь на прежних позициях.

ПОЭЗИЯ

Анатолий Беляев

В лесу листочек с дерева упал

* * *

Если б не было звезд,
Ночь в июне казалась бы пасмурным днем,
Или тенью
От чьих-то широких,
Протянутых к солнцу ладоней.
Если б не было звезд
С их зеленым зовущим огнем,
Жизнь была б на земле —
Как в глухом заколоченном доме.

* * *

Любовь медицина не лечит
И время не сводит к нулю.
Я с каждой разлукой и встречей
Тебя безнадежней люблю.
Куда б ни ушел, ни уехал —
Повсюду, до боли маня,
Твои колокольчики смеха
Звенят и звенят для меня.

Анатолий Васильевич Беляев родился в 1936 году в костромской деревне Кочеремово. Работал монтером в Ленинграде, трактористом и комбайнером на целинных землях Северного Казахстана, служил в армии авиационным радиомехаником. Более сорока лет проработал журналистом в редакциях районных и областных костромских и ярославских газет.

Стихи пишет с юных лет. Автор шести поэтических сборников, в том числе — «Черемуховый край», «Наедине с собой», «Зеленый берег», «Лунные поляны», «На стыке тревог», «Музыка для уставших», выходивших в свет в Костроме и Ярославле. Член Союза писателей России и Союза журналистов России.

Живет в Костроме.

© Анатолий Беляев, 2005.

* * *

Как ты бледна! Каким нездешним светом
Озарена! Я просто не могу...
Я не хочу жить без тебя на этом,
Покинутом тобою берегу.

Ты жди меня. Я уговор наш помню
И даже место рядом застолбил.
Я лишь теперь, с твоим уходом, понял,
Как был я счастлив: я тебя любил.

* * *

Как часто я делал не то, что хотел!
Как часто хотел не то!
Из тысячи мне отведенных дел
Едва ли сделано сто!

Но и из этих неполных ста
Много ли вспомнишь дел
Таких, чтоб сделаны были так,
Как сам я того хотел?

ОСЕНЬ

Дождь порою сменяется снегом,
Зло и холодно ветер гудит...
Это осень на лошади пегой
По раскисшей дороге бежит.
Отшумели хлеба. Опустели
Все поля. Все цветы отцвели.
Ах, как пели, как плакали-пели,
Улетая на юг, журавли,
Как мы вслед им,
Как вслед им глядели
С покидаемой ими земли!

ПРЕДЗИМЬЕ

Светит солнышко тускло-тускло,
Греет землю едва-едва.
В огородах — одна капуста
Да картофельная ботва.
Тучи рваные — низко-низко,
Гуси — к югу,
За клином клин.
Не иначе, как из Норильска
Ветры холоду нанесли.
Листья блеклые кружат, кружат.
Дождь, как нанятый, льет и льет.
По утрам на дорогах — лужи
В кружевных оторочках...
Лед.

* * *

Сквозь проталинку замерзшего окна
Все глядит,
Издалека глядит она.
Я за нею замороженно слежу,
К ней иду — но только дальше отхожу...
Кто ты?
Юность ли,
Мечта ли ты моя?
Даже в зной твое окошко
Не оттаивает,
Даже в лютые морозы-холода
Целиком не индевеет никогда.
Где ни есть ты, для меня ты — впереди.
Так гляди в меня,
Гляди в меня,
Гляди!
Будь хоть издали,
Хоть изредка видна
Сквозь проталинку замерзшего окна.

* * *

Край родной, ты весь обласкан светом!
Как они сияют поутру —
Льдиночки, свисающие с веток,
Сыплющие звоны на ветру!

Что сравнится с ярким этим блеском,
С этой силой, прущей напролом
Надо мной,
Над звонким перелеском,
Над рекой,
Над полем,
Над селом!

Столько солнца над тобой, Россия,
Столько сини, просто не могу!
Столько звезд насыпано на синем,
На веселом мартовском снегу!

Солнце, повернувшее на лето,
Снега синь и неба белизна...
Солнечным, глаза слепящим светом
Полон мир
И жизнь моя полна.

* * *

На разъезде, в лесу, у дороги
В землю дом этот окнами врос.
Там сидят голубые сороки
На вершинах хрустальных берез.

Воробьи завладели скворешней,
Клен звенит, до того продрог.
И огромной незрелой черешней
Солнце катится прямо в сугроб.

И не дом это вовсе — а терем...
Только вот что обидней всего:
Для меня этот терем потерян
Вместе с милой хозяйкой его.

* * *

В лесу листочек с дерева упал.
Вот он летит еще —
Скользя, качаясь,
Как бы прощаясь,
Навсегда кончаясь.
А я стою, к стволу щекой припав,
И думаю, за листьями следя,
О мудром соответствии природном...
И сравниваю: лес — со всем народом,
С листочком золотеющим — себя.
О, как прекрасна жизнь!
Как век наш мал!
Как больно знать, что этот миг настанет,
Когда меня — меня! — и вдруг не станет...
В лесу листочек с дерева упал.

* * *

Прости меня, женщина, ставшая
Моей несчастливой женой,
Смертельно, наверно, уставшая
С таким непутевым, со мной.

Прости меня, родина малая,
За то, что в отпущенный срок
Не то, что тебе, даже маме я
И мог бы помочь — не помог.

Прости мне, Господь, прегрешения!
Но только ли я виноват,
Что жизнь моя терпит крушение
На взлете надежд в аккурат?

* * *

Ты любишь, а это непросто,
Не проще, чем жить, не любя.
Ну, был бы высокого роста,
Так ростом я ниже тебя.

Ну, был бы я молод и холост,
А я и женат, и не юн.
Виски мои выбелил холод,
Не тающий даже в июнь.

Ты любишь, а я и подавно...
И вот потому, что люблю,
И вида тебе не подам я,
И думать о том не велю.

МЕДОВЫЙ МЕСЯЦ

Мы уехали за границу
Нашей области Костромской
И в поселке на Солонице
Обрели, наконец, покой.

Наша комната — как скворешник:
Стол, два стула, диван-кровать.
Вишни, крупные, как черешни,
Разрешается нам срывать.
Нас рассказами донимают,
Но вопросов не задают,
Без вопросов нас понимают —
Кто мы есть и зачем мы тут.

Наш хозяин женат на пятой,
На молоденькой...
— Ну, и как?
— Баба — золото! На попятный
Не нацеливаюсь пока! —
И, нацеливаясь в консервы,
Полстакана — в один глоток...
— Что ты, старый, прилип, как сера?
Шел бы лучше копать чеснок!..

— Ну, застучала!.. Ох, и стерва!
Ох, и баба! Не баба — зверь!.. —
И, дожевывая консервы,
Наш хозяин — стрелой в дверь.

Мы хохочем. Нам все здесь мило.
Мы целуемся. Мы одни
В этой комнате,
В этом мире,
В эти, лучшие наши дни!

ЖИЗНЬ

Рыдает медь. Строги и хмуры лица.
Березки встречные обильно льют росу.
Девчонку, не успевшую влюбиться,
В гробу по тихой улочке несут.

А женщина, древнее, чем деревня,
Седей, чем прошлогодняя трава,
Пережила столетние деревья
И медленно их пилит на дрова.

* * *

Пустых деревень по России не счесть,
Ничьих,
Нежилых, как луна.
Хотите деревню себе приобрести?
Вселяйтесь — и ваша она!

Спешите, Москва, Ленинград, Кострома,
В деревне местечко занять,
Покуда не поздно,
Покуда дома
С землей не успели сравнять.

За Галичем, слышали, некий пастух,
К тому ж инвалид, говорят,
Скупил за бесценок все избы подряд
В деревне,
А может, и в двух.

Он чинит их,
Топит в них печи зимой.
В помещики метит?
Ничуть!
Он хочет, чтоб люди вернулись домой
И дома их ждал кто-нибудь.

СТАРЫЙ РУССКИЙ

На лучшее оставивший надежду,
Как тысячи старух и стариков,
Донашиваю обувь и одежду:
При пенсии моей — не до обнов.

Полвека отработано, два стажа.
Два стажа — это очень нелегко.
А пенсии едва хватает даже
На хлеб без масла да на молоко.

Я — старый русский. Я еще не нищий,
Еще не бомж... Но горестен мой путь.
Я — падающий. Тот, кого, по Ницше,
Не поддержать должны, а подтолкнуть.

О, как охотно все меня толкают,
Вплоть до друзей вчерашних и родни.
— Он падает? Он кровью истекает?
Распни его! Распни его! Распни!..

Валерия Ступенкова

Среди звезд и зеленых лиан

ПЕРВЫЕ СТРОЧКИ

Где-то здесь: в твоих волосах, глазах,
В запахе кожи, возможно,
В том, что ты только что мне сказал,
В этих словах несложных,
В нежных руках... И во всем, что есть
С нами, от точки до точки, —
Ты и не знаешь, но где-то здесь
Живут мои первые строчки.

* * *

Твоих ли слез просила на закате,
От глаз твоих ли прятала тоску?
И доверяла жизнь тебя ли ради
Волне соленой, солнцу и песку?
Я для тебя ль другим не стала милой,
Гнала их прочь — себе, судьбе назло?
О, почему я раньше не любила?!
О, почему мне раньше так везло?..

Валерия Романовна Ступенкова родилась в 1987 году в Иванове в семье врачей. Окончила среднюю школу с углубленным изучением английского языка. Интересуется рисованием, музыкой, прикладным искусством. Третий год посещает занятия литературного объединения «Основа» при Ивановской писательской организации.

Стихи пишет с детских лет. Публиковалась в областной периодике и коллективных сборниках. Неоднократный победитель городского и областного литературных конкурсов 2003-2004 гг. В 2004 году в ивановском издательстве «Талка» вышла в свет ее первая книга «Ветер в лицо».

Живет в Иванове.

* * *

Больно держать сигарету в губах обкусанных.
Знаешь? Конечно, нет, не кусаешь губ ты.
Это ведь я, со своими нетвердыми вкусами,
Слезы коплю и обиды — безвольной губкой.
Это ведь я не могу говорить спокойными,
Ровными нотами, в такт своему сознанию.
Это ведь я ощущаю себя покойником,
Заживо сгнившим от злости на поле брани.

УЛИЦА

Молчи. Если скажешь — все сбудется.
Запрись на надежный засов.
Усталая летняя улица
Мечтает о тени лесов.
О чем же еще, если нечего
Ей в памяти больше беречь?
Она в наших душах отмечена
Как улица пройденных встреч.
Шаги по асфальту и гравию,
Как приступы: время — назад.
Все к черту... Не знаю, что правильной —
Молчать?.. Или все же сказать?

ДОЖДЬ В ДОРОГУ

Дождь в дорогу — примета хорошая.
Пусть в дорогу прольется мне дождь.
Все дела и сомненья заброшены —
Только ты провожать не придешь.
Ненадолго. Вернусь. И не совестно.
Шум мотора — как по сердцу нож.
Бисер капель на окнах автобусных —
Только ты провожать не придешь.
Ты и дождь — серебристыми искрами —
Знаю, будут еще впереди.
Я прошу все, что было неискренним.
Ты хотя бы встречать приходи.

НОВОРОССИЙСК

С корабля на бал, как говорится.
С поезда - в прокуренный КАМАЗ.
Улица ночная тополится
И глядит каскадом окон-глаз.
Небо темно-синее качнулось,
Звездным ливнем освещая путь...
Город южный, мы к тебе вернулись!
Ты уж встретить нас, сонных, как-нибудь.

* * *

Все, что нужно тебе — карандаш и хорошие краски,
Мне же — ручка и лист, и слова, и любовь, и мечты.
Мой талант — на перо, твой — на кисть безупречно натаскан,
Я рисую словами, мне вторишь палитрою ты.
Нас никто не поймет? Эта мысль не пугает поэта.
Пусть он с маленькой буквы, но все-таки — тоже поэт.
И художник, забыв про пустое сомнение это,
Продолжает творить сквозь густые соцветия лет.
Свято верю, что годы, идущие рядом, не старят,
Только след оставляют на светлой и чистой судьбе.
И на холст опадают, и строки рождают, и дарят
Мне — бумагу и ручку, хорошие краски — тебе.

* * *

Скинула белых своих птенцов
С неба зима-кукушка.
Мальчик, не спрячешь от стуж лицо —
Станешь ее игрушкой.
Мальчик, вернись к ароматам роз,
Мальчик, уйди от окон.
Или уже безвозвратно врос
Ты в серебристый кокон?
Мальчик, ты просто ослеп, ослеп,
Больше не видишь красок.
Строит сугроб тебе — или склеп? —
Снег — ледяная раса.
Скоро настанет всему конец.
Ветер метет порошей.
Мальчик, ты тоже ее птенец:
Чист, желторот и брошен.

ЭТО ОСЕНЬ

Это осень солнцем сожгла
Небеса и травы в полях,
Это осень смыла дождем
Нежный цвет зеленых садов.
Я тебя не так берегла,
Как заветы сердца велят.
Эта осень сроков не ждет
И не верит в нашу любовь.

* * *

Если ты хочешь, не будет стихов вообще.
Больно, когда понимаешь, что сердце — мишень.
Раньше меня никогда не гоняли взашей.
Это — ты знаешь, ты можешь — легко поправимо.
Я промолчу. Я оставлю слова при себе.
В наших условностях А поменялось на Б.
Толку кричать-то: «Убей меня лучше, убей!»
Ты все равно ошибешься и выстрелишь мимо.

* * *

Желтым осенним листьям не нужен свет,
Мы их кремируем раньше, чем он настанет,
Чтоб не кружили бесчисленной в небе стаей
И не катали на спинах клочки газет.
Желтым осенним листьям не нужен сон:
Их стережет у асфальта последний дворник.
Старой метлой разномастную листьев свору
Вежливо прочь с тротуара проводит он.
Желтым осенним листьям не хватит дней,
Им отведенных, чтоб выжить, постигнув это.
Листья — последние выдохи злого лета,
Самоубийцы, летящие вниз с ветвей.

* * *

За пустынным причалом мерцает вода,
Почернела по осени белая ночь.
Добрались и до этих краев холода,
И мы, кажется, с этим смириться не прочь.
Половинки колючих безжизненных звезд
Заглянули в осколки вторых половин...
Я на них — не гляжу. Ты до них — не дорос.
Добрались холода и до нашей любви.

ПРОЩАЙ

Там, где прощается небо с водой,
Там, где зарницы встречают рассвет,
Ты безраздельно останешься мой.
Мой. До скончания дней. Или лет.
Знаешь, ведь в этом не наша вина,
Просто так вышло, и не обессудь.
Кровь напоила меня допьяна,
Кровь подгоняет в термометре ртуть.
Там, где не видно стонающих стай,
Кровью я смою обиду свою.
Горькое в горле застряло «прощай».
Может быть, встретимся где-то в раю?
Небо укажет. Лишь небу видней.
Темной воды загорается край...
Там, до скончанья минут или дней,
Кто-то один из нас выписан в рай.

ПО ДОРОГЕ ДОМОЙ

В маршрутном такси равнодушно расплатишься мелочью,
Уставишься молча в окно, проследишь за прохожими.
Мы что-то сегодня делили и, кажется, множили.
Подумать бы только — насколько мы скупы и мелочны.
Свою остановку сегодня проехать так хочется,
По кругу кататься вот так бы до самого вечера...
И нечего слезы ронять. Ты расслышала — нечего!
Ведь это не смерть.
Да, не смерть.
Это лишь одиночество.

ДОВЕРИЕ

По первому тонкому льду пройду.
Спасибо за то, что средь этих комнат
Меня — не такую, как я — но помнят.
Спасибо, я буду иметь в виду.
Пусть треснет, надломится лед — не в счет,
Пусть все пропиталось тут липкой ложью —
На руку твою, как на милость Божью,
Надеюсь. Я верю тебе еще...

* * *

Хотела спросить... Но не бойся — не будет вопросов!
Спешу, уходи, убегай — я тебя не держу.
В глаза не смотри: эти слезы — совсем и не слезы,
А дань расставанью, хрустальное семя-кунжут.
Давай, отвернись. Ну, зачем издеваешься, медлишь?
Боишься, что кинется следом дешевая месть?
Я кудри свои никогда бы не красила в медный,
Когда б не хотела казаться сильнее, чем есть.
Беги. Не волнуйся — не встречу на узкой дороге.
Кунжут моих слез навсегда иссушили ветра.
Беги и гордись: ты отныне — один из немногих,
Кому за измену и подлость желают добра.

КРЫЛЬЯ РАСТУТ

Крылья растут, говоришь? Крылья...
Грустно мне жить, и не жить грустно.
Стали творенья мои — пылью,
Стало в ковчеге моем пусто.
Некого больше спасать. Слышишь?
Некому больше дарить душу.
Так и осталась сухой вишней,
Запертой в листьев туман душный.
Крылья растут, говоришь? Поздно!
Сил больше нет рассекать воздух.
Сил больше нет собирать звезды,
Храм возводить на краях острых.
Крылья растут, говоришь? Ты ли,
Мною спасенный, навек первый?
Крылья всегда у меня были,
А вот теперь я прошу: вырви!

P.S.

А знаешь, не вини себя — пустое!
Я просто в этой жизни не у дел.
Теперь нас никогда не будет двое,
Теперь все будет так, как ты хотел.
Увы, меня не жалует Всевышний,
Хотя корить его в несчастьях — грех.
Ты знаешь, я была немного лишней;
Всегда немного лишней — и для всех.
Мне чуждо, мне постыло все земное,
Мой календарь считает дни назад.
Не надо, не вини себя — пустое!
Твоя ль вина, что ты был виноват?

ЛЕД

Слезы зимой невозможны,
Лед — их печальный удел.
Нежности неосторожной,
Верю, никто не хотел.
Стало просторно обиде
В крике прощавшихся птиц.
Слез моих вам не увидеть:
Лед опадает с ресниц.

ЖЕЛТЫЕ КАМНИ

Мы построим из желтых камней
Желтый дом на морском берегу.
Приходи-ка под вечер ко мне —
Стать таким же тебе помогу.
Будем вместе скакать по полям
И панамкой ловить мотыльков.
Будет мокро и весело нам
Меж оранжево-красных буйков.
Ах, с разбегу бросаться в рассвет,
Черпать ложкой кисельный туман —
Ничего лучше этого нет
Среди звезд и зеленых лиан!
Приходи — и звериной тропой
Мы тихонечко в сумрак пойдем...
Если ты не в ладах с головой —
Приходи в мой раскрашенный дом!

ДУШИ

Розы остались кровавыми пятнами
Вянуть в подъездах, покрытых пылью.
Грязным пролетом, ступенями ватными
Между перилами мы уходили.
И, за чертой оставаясь безумными,
Миру оставив ненужную жалость,
Голосом звонким, дрожащими струнами
В песни неспетые мы возвращались.

МЕРТВОЕ МЕСТО

Здесь, говорят, не пишут простых стихов.
Здесь, говорят, не пишут. Здесь говорят.
Чаще кричат и строят в безликий ряд.
Этот порядок, конечно, совсем не нов.
Здесь, говорят, не спето и пары строк,
Чтобы — о жизни, а не о войне. Увы.
Я бы на месте священной земной любви
Тоже не стала ступать на такой порог.

ПОЭЗИЯ

Галина Вороненко *Велюровая осень*

ХОЛОД КЛАВИАТУРЫ

Холод клавиатуры –
Воспоминанье детства.
Руки вязнут в структурах
Нотных. Трудно согреться

В классах. Сосульки-свечки,
Окна в узорах странных,
Ток – в бормотаньи речи
Сложной, фортепианной.

Ногу забыв на медной
Правой педали, слышу:
Где-то пропав бесследно,
Синкопически дышит,

Медленно замирает,
Ловко повиснув в строчках,
Резвая ното-стая
В черно-белых носочках.

Хроматической гаммой
В полупустых пространствах
Я разбиваю рамы
Формы и постоянства,

С нотной папкой старой
Быстро домой шагаю
Плитами тротуаров, –
Избранная такая...

Галина Михайловна Вороненко родилась в Ярославле в 1952 году. В 1976 году окончила Ленинградский институт инженеров железнодорожного транспорта. Работала инженером на заводе «50» в Ярославле.

В 1994 году вместе с семьей уехала за границу.

Стихи пишет с юности. Предлагаемая читателю подборка – ее первая публикация в периодической печати.

Живет в Денвере (США).

© Галина Вороненко, 2005.

ВЕЛЮРОВАЯ ОСЕНЬ

Велюровая осень Оклахомы
Раскрашивает нежно деревья,
Играет цветом бледным, незнакомым,
Стремится ветром листья оборвать.

Цвета бордо – и палевые пятна...
Небесный ситец облачен слегка,
Но очень небольшая вероятность,
Что дождь внезапно брызнет свысока.

Рассеянный покой – в неясных красках,
Безмолвны берега озерных вод.
И, циркулем очерчена, бесстрастно
По правильной дуге луна встает.

Бестрепетная плавность Оклахомы
Скользит, сливаясь с контуром небес.
И влажно-изумрудные хоромы
Распахивает сонный, тихий лес.

УТРЕННИЙ ЧАЙ

Похмельное утро. Сердечные спазмы.
Ступени нетвердые. Холод перил.
Поскольку я в доме живу двухэтажном,
То к чаю спускаюсь без чувств и без сил.

Что было вчера, неизвестно похмелью.
Я память пытаюсь не трогать пока.
И солнце висит в синеве акварельной,
Как в чае лимон, раскисая слегка.

О брат мой, отравленный той же стрелой!
Прими с алкоголем привычный обман.
В похмельное утро печальным героем
Войди – и со мной выпей чая стакан.

* * *

Покидаю кровати логово,
Изо сна выдираюсь с треском,
Попадая ногой неловкою
В тапки старые пяткой детской.

Я себя ощущаю лютиком
На тропе беспощадной леса.
Зацветая, когда получится,
Отцветая без интереса.

В общем, слабое я создание.
Отстраненное и без цели.
Отрицание отрицания,
Совпадение Фомы с Емелей.

Зажигаю на кухне лампочки —
И пчела, прожужжав, влетает.
Попадаю ногою в тапочки.
Хоть куда-то я попадаю...

БОЛЕЮ

Нос распух, глаза слезятся,
Голова – кипящий чайник!
Вирус медленно пробрался
Между нервных окончаний.

Отдаваясь болью в уши,
Кашель хриплый горло душит.
Сердце бьется барабанно
И лекарство ждет в стакане.

Я лежу одна в кровати,
Ни подняться, ни позвать мне
Никого. Лишь ветер – вздохом.
Я одна. Мне очень плохо.

* * *

В отшумевшей листве – шелестящий покой.
Безразличную дверь закрывает рука.
Ветер тихо скользит, и колодец пустой
Отражает застывшие сны-облака.

Тишина и покой. Ни любви и ни драк,
И не лает барбос на дремотной цепи,
И не пьет мой дружок, подгулявший моряк.
Море катит волну и тихонько шипит.

Может, смысл в тишине и покое сокрыт?
Возвышаясь собором у вечности врат,
Пирамида Египта о чем-то молчит,
Как Сократ, замолчавший и выпивший яд.

ПО МИССИСИПИ

По Миссиссиппи бесконечно-вечной,
Со вздохом уплывающей в туман,
Ташусь на пароходе я...Конечно,
Читая марко-твеновский роман.

Густой и пряный, обморочно-влажный
Туман скрывает таинства трясин.
И плачет от любви Луизиана,
И ветра блюз висит над Теннесси.

Я смыслом наполняюсь до макушки,
В истории попав водоворот.
И джаз трещат отважные лягушки,
И аллигатор медленно плывет...

РЕЦЕНЗИИ

2004 год стал поистине плодоносным для каждого из членов редколлегии нашего журнала: в разных издательствах (в Москве, Ярославле и Рыбинске) вышли в свет книги Н. Смирнова, А. Васильченко, Л. Новиковой и Т. Пироговой. Разные по жанру, по осмыслению действительности, книги эти, однако, имеют и нечто общее: в каждой из них явно слышен неравнодушный голос автора, художника слова и гражданина.

Для большинства из членов редколлегии это — очередные вехи на их творческом пути, а для Андрея Васильченко, в значительной степени, литературный дебют (это его первая книга).

Редакция журнала сердечно поздравляет своих постоянных авторов и помощников, желает им новых свершений на избранном поприще. Так держать!

Как страшно быть забытым Богом

*Николай Смирнов. Световое оконьшко.
«Рыбинское подворье», 2004 г.*

«Световое оконьшко» — третья книга стихов Николая Смирнова и, как приходилось слышать от читателей, самая сложная для понимания. В стихотворные рамки вместились философские рассуждения о судьбе России, о том трагическом пути, который прошла она в последнее столетие. Образы этих стихотворений порой загадочны. Кто она — темноликая дева в вишневом платье? Что значит «плач во тьме в иной стране?» Ответ может быть простым: для того, чтобы все стало понятным, надо знать и другие произведения автора, пока не напечатанные.

На мой взгляд, ключевым к пониманию новой книги может послужить стихотворение «В Китеже» из первого сборника «Кладбищенская земляника», изданного в Мышкине в 1991 году:

Куда ж Россия проскакала,
Грозовой тучей пронеслась,
Какого Китежа искала,
Им от отчаянья пленясь?
Да, может, здесь и есть он, Китеж,
Для духа слабого обман?
Чего ты ждешь, чего ты ищешь,
Зачем ты звездный пьешь туман?
Как страшно быть забытым Богом,
Как страшно просто русским быть,
И в этом Китеже убогом
На звезды очи возводить...

Несколько больших стихотворных циклов («Из музыки мировой», «Перед судом», «Кирилле, Кирилле!» и др.) были опубликованы в провинциальной литературной газете «Очарованный странник», выходившей в Ярославле в девяностые годы. Виктор Петрович Астафьев в письме, напечатанном в сентябрьском выпуске этой газеты за 1995 год, отметил: «Очень хороши в О.С. стихи, особенно из города Мышкина поэта Смирнова». Судьбе России, трагедии нашего народа посвящены почти все романы и повести Астафьева. И его, конечно же, не мог оставить равнодушным поэтический голос из глубинки, поднимающий те же темы. Пойду несколько дальше: мне кажется, где-то взгляд у Виктора Астафьева и Николая Смирнова на события, происходящие в последние десятилетия на нашей земле, близок.

Свет серебристый и голос негданный:
— Этого пепла не хватит на ладанку.
Что есть Россия — вот эта щепоть, -
Так мне во сне объясняет Господь...

Так пишет Николай Смирнов в «Световом оконышке». Может, кому-то взгляд его покажется чересчур мрачным. Но глухая провинция, где за последние десятилетия почти вымер и обнищал народ, располагает именно к такому восприятию. Совсем бытовая деталь: накануне нового, 2005 года, мои знакомые говорили: нет новогоднего настроения, нет праздника. В очередной раз ломают Россию, русского человека, для которого идеальный смысл жизни находится за пределами быта, пытаются уверить в том, что нет выше счастья, чем материальное благополучие. Но такая Россия — это уже, конечно, не святая Русь и даже — не Россия.

Чтобы найти ее, свою подлинную Родину, нужно отойти от дня сегодняшнего в мир иной, где все не так, где все озарено нездешним серебристым светом.

Я сойду переходами сводчатыми
В темно-синие ночи снега.
Набегают твои колокольчики
И накатывают жемчуга.
За беленой кирпичной оградой
Свет парчовый играет с небес.
Чьи слова мое сердце угадывает?..
Встал. Оделся. Ушел и исчез...

А в этом, реальном мире, все сильнее сгущаются тени. Здесь нет места радости. И даже светлая печаль не уживается в тяжелом, земляном пространстве. Здесь над всем довлеет одно чувство — страх. Страх (разумеется, и метафизический, как расплата за грехи) — это мироощущение современной России. Вот об этом и говорит Николай Смирнов в книге, где собраны его последние стихи. А значит, он пишет о богооставленности человека, о затерянности его в мире. И наиболее четко выражено это в стихотворении «Бесы», посвященному Константину Васильеву:

Я свой век доживаю со страхом
В слободе, уже смешанной с прахом,
Сторожу огород у сарайки одной,
Словно пес с человеческой головой,
Да присматриваю за вонючим ручьем
На бугре себе место для вечных хором.
А как ночь, как трясется сарайка -
Это едет опять таратайка,
Стародавняя колымага
Со своею музыкой и светом:
Злые дудочки петельки выводят
И развешивают их по нашим закоулкам -
Красный, как петух, правит,
Серый, как волк, смотрит.
А третий — он не правит и не смотрит,
Он лицом безглазым все слышит -
Только выдеть мою душу не может.
И перекликаются на соснах вороны:
Это едут бесы на Москву править!

В книге «Световое оконышко» шесть циклов. Совершенно особое место занимает здесь цикл «Пятая рана» — стихи о святителях Русской земли, об их духовном подвиге. И это как бы лучик надежды из мира иного, по пословице: «Не будь провидцев-праведников — не стоять и свету белому». Нил Сорский, Тихон Задонский, Дмитрий Ростовский, Серафим Саровский, Кирилл Белозерский — вот они, надежда и вера, что Русь святая, может, и не загнула совсем: «Оказалось, подвиг мой впереди. Помолюсь и завтра в путь, слава Богу. Помоги мне, пресвятая, грешному, найти к неземному месту земную дорогу».

Надежда КУСКОВА,
член Союза журналистов России.

Судьба «Железной Гвардии»

Андрей Васильченко. Между дуче и Гитлером. Москва, «Эксмо», «Яуза», 2004 г.

Книга Андрея Васильченко «Между дуче и Гитлером» стала объектом повышенного внимания читателей сразу после того, как появилась на полках книжных магазинов: не прошло и полугода, как столичные издательства ЭКСМО и «Яуза», выпустившие в свет эту работу ярославского историка, решили отпечатать ее дополнительный тираж. Общественный резонанс, пусть пока и не очень шумный, тоже имеет место быть: в федеральных и областных газетах появились рецензии, книга замечена. Самое время задаться вопросом: чем вызван этот интерес? Ведь книга посвящена достаточно узкому, специальному вопросу из области новейшей истории Европы, да и страну, к которой обратился взгляд автора, трудно назвать объектом повышенного внимания историков.

Действительно, в межвоенный период XX века Румыния не играла особой геополитической роли: случайно попав после Первой мировой войны в число стран-победительниц, она не могла влиять на политическую ситуацию в мире, не входила в число главных политических игроков и в Европе. Однако именно в этот период Румыния внесла гигантский вклад в формирование идей, сумму которых в современной исторической науке принято называть «третьим путем».

Румыны, как известно, пребывали в этот период в специфической культурно-исторической ситуации: родственники итальянцев, французов, испанцев и португальцев по языку, культуре и традициям, они жили в окружении славян и мадьяр, язык сближал их с Западом, а православие изолировало их от него. С конца 20-х годов минувшего столетия в этой стране, как почти и во всем мире, наметился рост националистических настроений. Среди множества националистических и профашистских группировок обращала на себя внимание поначалу крошечная организация, известная под названием «Легион Михаила Архангела», или «Железная Гвардия». Ее политические требования и стиль поведения достаточно сильно отличались от того, что историки привыкли ассоциировать с фашизмом.

С одной стороны, в достаточно взрывоопасном идеологическом коктейле, который предлагали массам румынские гвардисты, проглядывали утопические аграрные модели, роднящие легионеров с русскими народниками (и родство это только усилилось, когда, подобно деятелям «Народной воли», гвардисты решили перейти от агитации к террору, к убийствам полицейских и чиновников, прибегавших к драконовским методам для подавления народных волнений. Кстати сказать, лидер легионеров К.Кодряну был точно так же оправдан судом после совершения одного из терактов, как и наша незабвенная Вера Засулич).

С другой стороны, налицо глубокий православный мистицизм гвардистов, не мысливших своей будущности без православия. Религиозность легионеров настолько впечатляла современников, что многие из них поначалу считали «Легион Михаила Архангела» разновидностью христианской секты.

Прибавьте к этому антисемитские лозунги (единственный принципиальный момент, роднящий гвардистов с фашистами) — и вот перед нами образец самого радикального и фанатичного (что, в свою очередь, ассоциативно отсылает читателя чуть ли не к самому Владу Цепешу в лапы) воплощения идеи возможности существования общества, не имеющего ничего общего ни с капитализмом, ни с марксизмом.

Надо отдать должное автору книги: как и положено вдумчивому исследователю, он не спешит с оценками, не «бежит, задрав штаны» за либерально-демократическим окологнаучным «комсомолом», привыкшим навешивать сложным явлениям общественной жизни примитивные ярлыки. Метод исследования А. Васильченко ближе всего к историзму: судьба «Железной гвардии», рассмотренная в контексте всей румынской истории 20-40-х годов минувшего столетия, показана в книге с предельной точностью, на протяжении нескольких сотен страниц этой работы действуют десятки исторических персонажей, между которыми складываются непростые отношения, приводящие подчас к трагическим последствиям. Только вчитавшись в дотошное повествование, в изложение сотен фактов, которые ранее обходили стороной отечественные историки, можно понять, почему гвардистское движение в Румынии вначале пало жертвой карлистского режима, а затем было окончательно разгромлено диктатурой Антонеску: легионеры Константина Кодряну были принципиальными противниками насаждения на румынской земле иноземных порядков, будь то воплощение либеральной англо-французской модели, или «орднунга» фашистских Германии и Италии.

Будучи, по сути, научной монографией, не уступающей по целому ряду параметров сугубо научным работам, книга А.Васильченко выгодно отличается от них стилем изложения, который позволяет говорить об увенчавшейся успехом попытке ярославского автора поработать в жанре научно-популярной литературы. Некоторые места его повествования не уступают по накалу страстей иным драматическим произведениям; в живой, доступной широкому читателю манере автор рассказывает о хитросплетениях румынской политики, тайных закулисных интригах, технологиях захвата власти. Далеко не случайно один из столичных еженедельников назвал эту работу «очень поучительной книгой для кандидатов в народные вожди».

Остается добавить, что в самое ближайшее время тем читателям, которым придется по душе дебют автора, предстоит познакомиться с новыми работами ярославского германиста Андрея Васильченко: несколько московских издательств купили права на издание его книг о братьях Штрассерах, об оккультных силах Третьего Рейха. Книга о закрытом институте СС «Наследие предков» (Аненербе) только что появилась в продаже. Готовится к изданию работа Васильченко «Секс в Третьем рейхе», которой, похоже, предстоит стать бестселлером книжного рынка. Как говорится, ждем-с...

Виктор ЖУКОВ.

Своей дорогой

Любовь Новикова. *Молитесь обо мне. Рыбинский дом печати, 2004 г.*

Имя Любви Новиковой хорошо известно читателю, в том числе, и читателю «Русского пути» — во втором номере за 2004 год была опубликована большая подборка стихотворений этого автора. А совсем недавно увидела свет изданная Рыбинским Домом печати новая книга Новиковой — «Молитесь обо мне». В книге есть мое предисловие, где рассказано о биографии и творческом пути поэта. Поэтому не буду повторяться, выскажу свое мнение лишь о новой книге. Точнее говоря — о том, какой предстает в ней лирическая героиня.

Сразу оговорюсь, что перед читателем этой книги, безусловно, открывается новая реальность. Мир Любви Новиковой — мир непростой, особенный. Да иначе и быть не может: ведь поэт смеет коснуться тех высот и тех глубин человеческого существования, которые принято называть запредельными, куда человеку вообще не следовало бы заглядывать. Да, это гордыня, это грех, и путь этот для человека — гибельный, но для искусства именно он-то, увы, и наиболее плодотворен.

«Я видела, как распинали Христа». Это — строчка из стихотворения, давшая название первому разделу книги. Пользуясь образами Нового Завета, автор прослеживает крестный путь души лирической героини, ее взаимоотношения с Богом. Предоставляя читателю самому пройти вместе с поэтом этот путь, позволю себе обратить внимание только на итог долгой и трудной дороги:

Утомленная долгой дорогой,
Ничего не прошу я и ныне.
Разве только прощенья у Бога
За безлюдную эту гордыню.

Героиня сознает, что ее гордыня — грех, и просит у Всевышнего за это прощения? Что ж, вполне христианское мироощущение. Однако это — только одна сторона медали. Есть и другая:

Впрочем, что я о Боге. Ведь он мне давно не судья.
Где-то мы разошлись. В чем-то мы не поладили с Богом.

«Не поладить с Богом»? Прочитав это, так и хочешь задать героине вопрос: если смертный человек позволяет себе не соглашаться с судьбой, уготованной ему Богом, что же тогда есть Бог для этого человека?

Ответ находим в этом же разделе книги — и этот ответ также симптоматичен:

Он всего лишь очень старый,
Очень старый человек.

Что ж, поэт, как известно, сам себе судия — и сам выбирает свою дорогу, и житейскую, и творческую. Но дальнейшие разделы книги очень доходчиво дают почувствовать, чем оборачивается отсутствие смирения для героини Новиковой. Болью. Одиночеством. Темнотой.

В нескольких стихотворениях тенью, очерком проходит другой человек, поскольку героине «просто холодно и хочется тепла». Но это не спасает:

И оставили горевать
Каждой буковкой в каждом слове.
Не нашлось кому рядом встать,
Чтобы вровень.

Раздел «Мне тесно время» открывает стихотворение «Проклятие», в котором героиня отвергает и тот выход, какой предлагают ей «мудрости всех скрижалей», «мудрые всех столетий». Этот выход ее не устраивает, представляется ей беспомощным. Раздел полон теми же трудными размышлениями о смысле жизни, о судьбе, об одиночестве. Порой мелькнет мечта о некоем «огонечке», увидится «продушина, выход, просвет», но:

Миг — и хрустнет он глухо, как елочный шар
В черных пальцах распахнуто-вздымленной ночи.

А может быть, выход, все-таки, есть? Об этом заставляет задуматься раздел «Пустынная трава», где во весь рост встает тема «Дома». Точнее, это «плач о Доме», ибо героиня бездомна. Насквозь больная памятью о нем, она мечтает о возвращении:

Далекий мой, степной далекий край,
Возьми меня в свои седые травы.

Здесь, в этом краю (реальном или иллюзорном — все равно) все будет по-другому. Здесь «мама будет печь топить, как в детстве, сказочно и жарко», здесь «девчоночка босая», бегущая по краю июльской дороги, не заблудится вновь в чужом и страшном большом городе, не окажется там, где «на стенах плесень. Зло и мокро», здесь израненная душа героини обретет, наконец, покой. Но обретет ли? Увы, и в это поэт не верит:

Мне уже никогда в эти шепоты не возвратиться,
Этих трав не топтать...

В разделе «Мир не стоит меня» много стихов о творчестве, о поэзии.

Я стихами свою душу лечу.
Хорошо еще, что есть, чем лечить.
Я пишу — как зажигаю свечу.
Я пишу — и снова хочется жить.

Здесь немало обращений к собратям по перу. «Постоять бы мне у твоих икон да твоих бы послушать слов» — это привет Цветаевой (и здесь уже нет гордыни, есть жажда понимания, духовной помощи). «Кому из сора, а кому из боли» — это ответ Ахматовой на ее известное: «Когда б вы знали, из какого сора растут стихи...»

Кстати, о боли. Похоже, она понимается Новиковой, как одна из основ ее собственного творчества:

Какая боль! А я ее в стихи.
А я как будто радуюся боли.
Вот не было б ее, и поневоле
Скромны бы строки были и тихи.

Такой взгляд отличается от общепринятого, но поэт настаивает на своем:

Сижу. Темны мои грехи.
Все рухнуло опять.
Глаза безжизненно сухи...
А люди говорят: «Стихи —
От Бога благодать».

Оформление книги (кстати, идея его принадлежит автору) соответствует содержанию: строгое, даже аскетичное, оно подчеркивает общее трагическое звучание авторского голоса.

О поэтике книги говорить не буду, замечу только, что, на мой взгляд, Любовь Новикова — зрелый мастер стиха — и ее творчество достойно глубокого прочтения и раздумья. Рекомендую читателю взять в руки эту книгу и погрузиться в непростой, тревожный, порой горький мир поэта, живущего в Ярославле.

Тамара РЫКОВА.

Весна врывается в сердца

Тамара Пирогова. В круговороте зим и весен. Ярославль, «Аверс Пресс», 2004 г.

В стихах Тамары Пироговой много примет родной природы: уже с первых страниц книги «В круговороте зим и весен», вышедшей этим летом в ярославском издательстве «Аверс Пресс» встречаешься с тем, что было и будет дорого русской душе — васильками, колосьями, зеленым морем трав, цветами, ливнем, радугой... Но это не банальное описательство, а попытка отразить то, или иное движение человеческой души. Поэтому вполне органичны такие, к примеру, строки Пироговой:

То ли осень близится к закату,
То ли мир в земной душе исчез?

Мир природы и мир души для поэта неразрывно связаны, это так и должно быть. Вновь и вновь автор вглядывается в круговорот зим и весен, то очаровываясь их красотой, то страдая и тревожась при виде чего-то безобразного, грязного, неживого. Но характерно то, что это страдание и тревога — всегда временные, в целом стихи Пироговой оптимистичны. Что же позволяет поэту не упасть духом даже в самые тяжелые минуты? А вот тот самый «круговорот», извечное чередование времен года и времен души. Лирическая героиня Тамары Пироговой свято верит в то, что после зимы — в том числе, зимы человеческого сердца — обязательно наступит весна.

Весна врывается в сердца,
Жизнь изменяя круто.
И маска зимнего лица
Оттаивает будто.

Эта поэтическая манера неизбежно приводит автора и к обобщениям более широкого свойства, к размышлениям о нашем непростом социальном времени.

Заполoshное время досталось.
Что же делать? Не плакать, терпеть,
Прогоняя хандру и усталость,
Развеселые песенки петь.

Тираж новой книжки Тамары Пироговой крайне мал, объем тоже невелик, но тех, кто следит за творческим путем поэтессы, любит ее стихи, это издание, безусловно, заинтересует. В нем, кроме многозначных, нарисованных равнодушным пером картин природы, есть и непростые размышления о жизни и смерти, о вере и безверии, отчаянии и мечте. Да, все это — вечные темы, но без обращения к ним будет ли поэт интересен читателю? Вопрос риторический.

Творчество Т. Пироговой заметно не только на ярославской земле: по итогам проведенного столичным Рубцовским центром конкурса «Звезда полей-2004», она стала одним из лауреатов в номинации «Поэзия». Пожелаем же даровитому автору дальнейших удач.

Сергей БЫСТРОВ.

Олег Хомяков

Не уроните честь своих полков

КАК БРАЛИ ПАУЛЮСА

1

Поехать с новым фильмом рады мы
На край земли... Вперед, к друзьям экрана!
Так оказался я среди зимы
В глухой дали степного Казахстана.
Уже бензина кончился запас,
Уже чихала старенькая «татра»,
Но — добрались! Радушно встретил нас
Директор у дверей кинотеатра.
И спирту честь, и мясу, и костям,
А после — столик, женщиной внесенный:
Душистый кофе в чашечках — гостям,
Хозяину в стакане — чай зеленый.
Немолод наш чаевник, взгляд суров.
Война за ним: ранения, награды.
И первая на планке орденов —
Медаль «За оборону Сталинграда»,
Я высмотрел ее при свете бра.
Безмолвный мой вопрос Востока житель,
Конечно, понял.
- Паулюса брал...
- Жакен Абдурахманыч, расскажите!..

Олег Михайлович Хомяков родился в 1934 году на станции Шарья Костромской области. После окончания десятилетки поступил на сценарно-редакторский факультет ВГИКа, с 1957 по 1991 год работал редактором художественных фильмов на Свердловской и Одесской киностудиях. Снялся в эпизодических ролях в трех фильмах известного режиссера Киры Муратовой. Выйдя на пенсию, вернулся в родные места.

Писать стихи и прозу начал в школьные годы. Первые книги (сборники рассказов, детские повести) О. Хомякова вышли в свет на Урале, повесть «Все до последнего слова» опубликовало столичное издательство «Современник». С легкой руки Виктора Астафьева несколько повестей О. Хомякова напечатал сибирский журнал «День и ночь», мемуары его опубликованы в 1994-1995 гг. журналом «Урал». В конце прошлого года в Шарье вышел в свет роман О. Хомякова о морских пехотинцах «Парень в черном бушлате». Стихи публиковались в региональной периодике, журналах «Молодая гвардия», «Север», «Крокодил», выходили отдельными сборниками. Член Союза кинематографистов России и Союза писателей России.

Живет в городе Шарья.

2

...Зима на Волге лютая была,
Фриц проиграл, но не спешил с отвалной.
За нами — город: пепел и зола.
За ним — универмаг, этаж подвальный.
Без гарнизона дом, что зверь без лап,
В проломах стен ударит шмайссер редкий...
А меж славян — слушок: в подвале штаб.
Какой и чей, не ясно и разведке.
Когда узнали, сгрудилась братва,
Спустилась вниз...Но перед дверью — встала.
Армейский штаб!.. Особые права
Нужны, чтобы пленить. Солдатских мало.
А нас, славян, все больше. (Я казах,
Но на войне мы все славянской крови!)
У бункера, как будто на часах,
Стоим гурьбой. Морозец все суровой.
Что делать в положении таком?
Ремень ли затянуть, кисет ли туже?
Один боец негромко кулаком
Дал знать: тебе тепло, а мы на стуже.

3

Засовы снял и двери отворил
Капрал (или фельдфебель, но не старше).
На ломаном, но русском заявил:
- Стучать нельзя. Здесь господин фельдмаршал.
Ладонь под козырек, а дверь на крюк.
Но мы — свое, нас холод пробирает!
Опять фельдфебель — важный, как индюк:
- Стучать нельзя. Фельдмаршал размышляет.
К нему сержант притиснулся плечом,
Едва над петлей поднялась закрючка:
- Какого хрена?! Размышлять о чем,
Когда нас тьма, а вас, штабистов — кучка!..
Выходит офицер: все та же стать
Арийская, и страха нет в помине:
- Командующий просит не мешать,
Он все еще решения не принял.
И наглухо закрыл пред нами дверь.
Столбняк напал на храброго сержанта...
И вся эта морока, канитель
Тянулась до прихода лейтенанта.

4

Нас выслушав, он матом всех покрыл!
Немецкой — без взрывателя — гранатой
В дверь застучал.
Ее приотворил
Все тот же чин. Сказал:
- Стучать не надо.
Но лейтенант ему:
- Иди ты на...
Три буквы! -
И ко всем:
— За мной, славяне! —
Народ, когда решительно дана
Команда, прет вперед без колебаний.

5

...На нас, с молчащей трубкою в руке
Смотрел создатель плана «Барбаросса».
Таким ли он, от Волги вдалеке,
Воображал себе медведя-росса?
Федьдмаршал, а пленен — какой позор! —
Солдатами, простой братвой немытой...
А у братвы карманный разговор
Уже пошел с оторопевшей свитой.
Не только без оружия — без часов
Из подземелья Паулюс поднялся...
(Я о себе скажу без лишних слов,
Что этой нашей «слабости» — чурался
И, может, потому остался жив...)
Меж тем в подвале наших прибывало!
Победа не скупа: карман держи
Пошире...Всем хватило, перепало...

6

Среди руин, откуда ни возьмись —
Пятнистых «эмок» целая колонна.
Охраны крик гортанный: — Сторонись! —
И нас — подальше с глаз, как прокаженных.
Папаха закачалась — генерал!
Дубленый полушубок, крест ременный.
К фельдмаршалу он прямо прошагал,
Нас раздвигая. Честь отдал почтенно,
Построиться штабистам предложил
(Как в очередь за мыльцем-сальцем-шмальцем)...
А Паулюс запястье обнажил,
Постукав по нему согнутым пальцем.
Наш генерал мгновенно все просек!
В кулак пудовый крякнул виновато
И к нам шагнул. Ладонь — под козырек,

И задушевно нам сказал: — Ребята!
Большое дело сделали вы здесь,
Таких фазанов брали вы едва ли
В плен...Но теперь не уроните честь
Своих полков. Верните то, что взяли. —
И дрогнули славяне, понесли
Сдавать свои случайные трофеи...
Вернули все. (Проверить бы могли,
Но нам проверка та была до фени).
У тех штабных — усмешки на губах,
Но и у нас в глазах — ни тени грусти...

- Чем не кино? — прищурился казах, —
Но снять нельзя: не примут, не пропустят.

ЕСЛИ...

Если опять, тронувшись вспять,
На уши кинут лапшу —
Мне не звонить, мне не писать:
Я не гороховый шут!
Если потом тем сапогом
Ступят на грабли в траве —
Смехом зайдусь в приступе злом:
Мало пустой голове!
Если тогда будет нужда
В ливерной дрянь-колбасе,
Встану, скажу: «Слушай сюда,
Будьте вы прокляты все!»
Если затем мыслящим всем
Шею затянет петля,
Я буду труп с кровью у губ!
Но не последняя тля.

ТУРИСТЫ

У белого лайнера низок
Гудок. Он едва отвечал
Судам-работягам. Но близок
Круиза последний причал.
Вдоль борта в развале-раскопе
Вьет кружево пены волна...
- Тоска в этой пошлой Европе, —
Роняет с презреньем жена.
Муж вяло: — Зачем так облыжно?
Куда же прикажешь нам плыть?
- В Японию. В Штаты. Престижно
У Рерихов дома побыть,
На их Гималаях ... — Какая
Тебя укусила це-це?
...И барство лучится, играет
На том и на этом лице.

* * *

Вот и кончено все.
И с другим ты расписана.
Так-то!
И тебе не звони,
и тебя даже в снах
не зови.
Помолчи, соловей!
Поимей же хоть чуточку
такта.
Не до песен твоих
мне по осени
первой любви.
Без нее на земле —
как без солнца,
без звезд и без хлеба.
Про «разбитую жизнь»
будет старое танго
вещать...
Не мечись, не черти,
сумасшедшая ласточка,
небо!
Перечеркнута жизнь.
И не надо мне
напоминать.

ПОЭЗИЯ

Валерий Мутин

Медлительное утро

ПЕРЕМИЛОВО

В душе черемуха цвела
И май буянил за околицей.
О, как пленительна была
В лучах луны девчонка-школьница!

На грудь – то ль брызнула роса,
То ль крупные упали бусины...
И только – темные глаза,
И только – кудри темно-русые.

И – расставанье навсегда...
Но сколько б лет потом ни минуло,
Не забывал я никогда
Деревни этой – Перемилово.

РЕКА ГОРЕМЫКА

Воду пью, на коленях стою
На лугу, где цветет повилика,
Где в лесном непробудном краю
Заблудилась река Горемыка.

Сквозь большие снега, сквозь года,
Начинаясь на дальнем кордоне,
Пробивается чудо-вода,
Чтобы Волгой пролиться в ладони.

Валерий Васильевич Мутин родился в 1940 году в деревне Никукино Вологодской области. С шестнадцати лет работал на стройках Советского Союза – возводил Сталинградскую, Красноярскую, Кубанскую и Саяно-Шушенскую ГЭС, был монтажником стальных конструкций, бригадиром.

Стихи пишет со школьной скамьи, публиковался в газетах и коллективных сборниках. В 1990 году в Ярославле вышла в свет его первая книга стихотворений «Тополиные острова», в 2002 году – вторая книга «На круги своя».

Живет в поселке Пречистое Ярославской области.

БЕЛЫЕ ЛИЛИИ

Матушка моя еще жива...
Там, над речкой, дым все так же стелется
И привычно крутит жернова
Старая бревенчатая мельница.

Все на мельнице – в пыли мучной,
Даже воробьи там – альбиносы.
Эту пыль куда-то в летний зной
Носят коромыслами стрекозы.

В юности любил я по утрам
С удочкой сидеть у тихой речки,
Щедро предоставив комарам
Уши объедать мои и плечи.

Ничего так больше не любил!
Век пройдет – забуду я едва ли:
Мне навстречу из речных глубин,
Как ладошки, лилии всплывали.

Изумленный, на колени став,
Позабыв на миг про все на свете,
Воспаленным ртом к реке припав,
Целовал я их – ладошки эти.

ЗИМНИМ УТРОМ

Сколько серебра и перламутра,
Сколько легкокрылых снегирей
Зимнее медлительное утро
Подарило родине моей!

Я иду покинутой деревней,
Что иззябла в ожиданье дня.
Острыми иголками деревья
Осыпают блудного меня.

ПИСЬМО

Приезжай в Васильково, Ирина,
Где соломой ветер пропах.
Осыпается наша малина
На дремотных лесных вырубках.

Осыпается наша малина,
Разъезжаются наши друзья.
Приезжай в Васильково, Ирина,
Золотая зарница моя.

* * *

Дорога в мир у каждого своя...
Вошла в меня со скрипом колыбели
Широкая заволжская земля,
Когда над нею журавли летели.

Не потому ли, Родина, потом,
Когда умом пытался жизнь постичь я
И покидал осиротевший дом,
Душа кричала, словно стая птичья?

ПЕНЬ

Давно когда-то был он кедром...
Но кто ответит на вопрос –
Каким его сломало ветром,
Когда над пропастью он рос?

Корявый, с человека ростом,
Средь скал, где селятся орлы,
Корнями-щупальцами врос он
В гранит надтреснутой горы.

Ни деревца, ни тени близко -
Оскал вершин да неба плес...
Я пень поджег. Большие искры
На миг затмили искры звезд!

СВАРЩИЦА

Как ночь без звезд – щитка оконце,
Но вся она – лучу под стать.
Я видел, как скатилось солнце,
Чтоб руки ей расцеловать.

* * *

Снега всколыхнулись, как пена,
В широких ладонях лугов.
Река, словно полная вена,
Меж низких легла берегов.

И, словно из новых пеленок,
Из дальнего леса на нас
Тревожно глядит олененок
Густыми потемками глаз.

КАЮР

Опять несут меня по насту
На край земли, в снега Руси
Охотничьи шальные нарты -
Всего-то семь собачьих сил.

Собачий холод лезет в шкуры...
Скорее в чум!.. к друзьям!.. в тепло,
Пока светило зверем бурым
За холм на спячку не зашло!

ШЕПТАНИКИ

Зимой по снегу белому,
Презрев домашний плен,
Мы в шептаниках бегали –
Онучи до колен.

Обувка ты, обувочка!..
Нам был не страшен снег
И не вмещала улочка
Веселый детский смех!

СВИРИСТЕЛИ

Еще скворцы не прилетели,
Еще зимы не дрогнул щит, -
Но засвистели свиристели...
И так свистят, что лед трещит!

ОДИНОЧЕСТВО

За упокой души молюсь
Всех тех, кто был со мною рядом...
На штык врага, спасая Русь,
Упал отец под Сталинградом.
Меня вскормила грудью мать -
Она давно в сырой могиле.
Опорой в жизни был мне брат -
Его завистники убили.
Обочь дорог, один, в тиши,
Окидывая землю взглядом,
Молюсь за упокой души
Всех тех, кто был со мною рядом.

ТАРАКАН

В чемодане полосатом,
Где патроны ворохом,
Таракан сидит усатый
На коробке с порохом.

Пусть сидит. Я не в ответе
За жильца усатого.
Сам живу я на планете,
Начиненной атомом.

КРИК

Когда планета в одночасье
Потонет в ядерном дыму
И только тени на брусчатке
Дорог, не нужных никому,
Факт засвидетельствуют жизни,
Мелькнувшей в вечной тишине...

Остановитесь!.. Даже мысли
Не допускайте о войне!

* * *

Семьдесят лет комиссары
Грабили русский народ...
Кончились эти кошмары...
Только и рай не придет.

Тщетно надеются люди
На обновленную власть.
Власть, как была, так и будет –
Чтобы побольше украсть.

* * *

Кораблик ложится на левую сторону.
Все – к правому борту стремглав, как по сговору.
Кораблик качается вправо. Тогда
Все – влево... И всех поглощает вода.

РОССИЯ

Много стран на земле,
Они самые разные.
Но такой, как Россия,
Нет в мире страны.
Два крыла у России –
Европа и Азия.
Для высоких полетов
Ей крылья даны.

ПОЭЗИЯ

Александра Кокотова

В ожидание замерзшего принца

* * *

Поманила даль степная,
Увела с цыганским хором.
Я давно была шальная
От гитары с перебором.

У костра мелькают юбки,
Рукава, платки с узором...
Я с ума схожу от скуки
Без гитары с перебором.

Я была чужой заботой,
Я жила чужим укором,
Я была не первой — сотой,
Но зато уж — с перебором.

Звуки тают, догорая.
Смотрит ночь потухшим взором.
Не держите — умираю
Без гитары с перебором.

Дайте волю жизни ярой
Сдохнуть, сгинуть под забором!
Отпустите за гитарой,
За гитарой с перебором.

Александра Геннадьевна Кокотова родилась в 1959 году в Астрахани в семье морского офицера, с пятилетнего возраста жила вместе с родителями за Полярным кругом. Окончив в 1987 году исторический факультет Мурманского педагогического института, работала учителем истории в школах Мурманска.

В трудовой биографии А. Кокотовой — работа кочегаром, библиотекарем, художником, сторожем, секретарем. В 1994 году по семейным обстоятельствам она переехала в Ивановскую область. В настоящее время — сельская учительница.

Стихи начала писать три года тому назад. Печаталась в местной периодике и коллективных сборниках, опубликовала две поэтических книги — «В дамский альбом» и «Плач гитары».

Живет в селе Елпать Юрьевоцкого района Ивановской области.

СИНИЙ ЧУБ

Нынче бабам вольница —
Спасу нет.
Я покрашу волосы
В синий цвет.
И пройду по улице —
Кверху нос.
Хочешь, поцелуемся?
Не вопрос.
Дайте чудо-музыку,
Яркий свет!
Что же я, как узница,
В сорок лет?
Талия — гитарою,
Синий чуб...
Бабы, я не старая —
Жить хочу!

* * *

Россыпь звезд, словно россыпь страниц...
Где-то там, на странице двадцатой,
На замерзшей лошадке лохматой
Едет полем задумчивый принц.
Едет полем — и песню поет
Про любовь и про дальние дали,
И что Сивка дотащит едва ли,
И что дома жена его ждет.
Эта песня летит в снегопад,
Бьется в окна замерзшею птицей...

Тут нам стоит с тобой удивиться —
Ведь мы знаем, что принц не женат.
Нет жены. Если правду сказать,
Нет ни дома, ни денег, ни доли —
Только чистое белое поле,
Где так страшно ему умирать.
Звезды гаснут. И всадник, и конь
Опускаются наземь без силы.
Только где-то в далекой России
Птицу-песню пускают в окно.
И немедля за тысячу верст
Многогласно, нетрезво и слезно
Ввысь взлетает ответная просьба:
Не морозь ты его, не морозь.
Не морозь, мы с утра его ждем!
Где наш Ганс?...или Жан! или Ваня!
Стол накрыт и натоплена баня,
А невесту ему — подберем.

И с тех пор за накрытым столом
Нам не естся, не пьется, не спится.
В ожиданье замерзшего принца
«Ой, мороз!..» до рассвета поем.

* * *

Ну, что мое село? Дыра дырой.
Тут нет ни унитаза, ни прогресса.
И страшно мне становится порой:
Какая я в фуфайке поэтесса?

Но только тут всегда спокойна я,
Тут слышу я веков земных течение,
Тут постигаю мудрость бытия
И слов простых глубинное значение.

Тут нет страстей, а может — и стихий.
Свистит уютно самовар у печки,
Естественно текут мои стихи,
Как воды тихой безымянной речки.

Какой простор! Какая ширь и гладь!
Вишневый сад — и белая береза.
Тепло земли — и неба благодать.
А ваш прогресс — такая, братцы, проза...

ЖАЛОБА

Господи, за что мне эти муки?
За какие страшные грехи?
Горести, скитания, разлуки...
А теперь еще — писать стихи!

Отнят быт — до капли и до крошки.
Как я удержалась на ногах?
Стыну на неведомой дорожке
С лирой непонятною в руках.

Этот дар пришел не зван, не прошен.
Но роптать не вправе я уже —
Не бывает не по силам ноши,
Все придется вынести душе.

Вот чем небо платит за невзгоды —
Тонким пониманьем красоты,
Нищим счастьем, горечью свободы
И бездомной прелестью мечты.

Вот что подарили мне, — за горе,
За тоску, за тихий плач в ночи, —
Страстный голос, эхо на просторе
И от сердца каждого ключи.

Бита я — чтоб слышала избитых,
Чтоб слова безудержно лились...
Господи, прости мне. Нет обиды.
Отнято. Подарено. Сочлись.

ОХОТА

Молодые красивые звери,
Мы зубами терзали года.
Презирая закрытые двери,
Успевали везде и всегда.

Отметая людскую заботу,
Намечая пунктиры следов,
Мы свою начинали охоту
В диких джунглях больших городов.

Свято веря лишь нюху и глазу,
Распластавшись в прыжке до хребта,
Мы хотели все быстро и сразу,
Мы хотели всего и всегда.

Ошибаясь, добычу теряя,
Раздирая судьбу на куски,
Мы давились, изгнанники рая,
Ощущеньем грядущей тоски.

ПРОСЬБЫ

Пива? Пинту! Кваса? Кварту!
Положи меня под парту,
Замети метлой под стол,
Урони на грязный пол.
Поимей меня в виду:
Я сижу в седьмом ряду!
Обтеши меня стамеской,
Скинь в мобильник SMSкой,
Утопи в зеркальной луже...
Я уже готовлю ужин!
Ложка к ложке, вилка к вилке.
Перелей меня в бутылки,
Высыпь с мусорным ведром,
Посели в соседний дом,
Кинь в корыто — отмокать...
Я уже иду в кровать!
Душ? Спасите наши души!
Завяжи меня потуже,
Заверни меня в газету,
Одолжи мне сигарету,
Намотай меня на ось,
Если сможешь — просто брось,
Как окурок в ночи...
Ради Бога, не молчи!

ИЗМЕНА

Измена... Опереточный мотив,
Сто тысяч лет всегда одно и то же:
Мурлычет блудный котик, изменив.
Ждала, подозревала... Боже, Боже!

Где мудрость поколений и веков?
Где фраза хлесткая из модного романа?
Где шпилька колкая из тайного кармана?
Где стук презрительный высоких каблуков?

Реву, как дура, до икоты, до соплей!
Слова кидаю — мимо, мимо, мимо...
Страдали все? Но мне втройне больней!
Все пережили? Мне — невыносимо.

* * *

Скитаясь по судьбе и людям,
Мосты сжигая и года,
Вернешься... Но меня не будет
Нигде. Ни с кем. И никогда.

Сметут обиду горы буден,
Настанут мудрые года.
Но у тебя любви не будет
Нигде. Ни с кем. И никогда.

И речка жизни обмелеет,
И станет горькою вода.
Тебя, как я, не пожалеет
Никто. Нигде. И никогда.

Семью создашь. И подытожишь:
Все, что случилось — ерунда...
Но ты забыть меня не сможешь
Нигде. Ни с кем. И никогда.

ОСТАВЬ ЕЕ

Оставь ее, она почти что ангел.
Она невинна. Ей семнадцать лет.
Она еще совсем не знает правил
Игры, в которой, в общем, правил нет.

Оставь, не прерывай ее полета,
Не убивай с ухмылкой знатока,
Ведь жизнь ее в заоблачных высотах
И без тебя печально коротка.

Оставь свои забавы, вечный грешник!
Я не ревную. Просто больно мне,
Что ангелом на небе станет меньше
И грешницею больше на земле.

ЧАЙ С ПОДРУГОЙ

Холодает. Замечаю
В отношениях ледок.
Заходи! Поставим чаю,
Посидим, убьем часок.

Вот пирог, лимончик вкусный,
Чашки редкой красоты...
Не спеши! Ведь чай — искусство
И не терпит суеты.

Как твой муж? Сынок? Соседи?
Что готовим? Что печем?
Заплетем косу беседы
Просто так — и ни о чем.

Но потом — о самом главном,
Том, что душит по ночам.
Ведь не все расскажешь маме
И не все лечить врачам.

Поделись своим сомнением,
Спрячь лицо в плечах моих,
Расскажи! Беду поделим,
Как лимончик, на двоих.

Завершат хороший вечер
Смех и смелый анекдот.
Ты сама и не заметишь,
Как досада отойдет.

Ничего совсем не значит,
Что кругом темно уже.
Остывая, чайник плачет.
Полегчало на душе.

ИЗ ПИСЕМ В РЕДАКЦИЮ

Дай Бог, чтоб все у вас получилось!

ЖЕЛАЮ ДОЛГОЙ ЖИЗНИ

Уважаемая редакция!

Поздравляю ваш творческий коллектив с выходом в свет первого номера вашего издания и желаю ему идти по пути процветания и долгой, долгой жизни! Дай Бог, чтоб все-то, все у вас получилось!

Вербин Юрий Васильевич,
г. Ярославль.

ГЛАВНЫЙ ГЕРОЙ — ЧЕЛОВЕК

На мой взгляд, ценность издания в том, что оно объединяет и доносит до читателя творчество неизвестных в широких кругах авторов, провинциальных поэтов и писателей, оригинальных в своем видении и понимании мира, интересных в трактовке извечных тем — жизни, смерти, любви, страданий, одиночества, душевных терзаний и исканий. В свою очередь, ценность их литературных работ — в преклонении, в хорошем смысле слова, перед Человеком, который — простой, неизвестный, провинциальный — главный герой творчества. В нем, в этом главном герое, любой из нас, читателей, может увидеть себя.

Творческих успехов и вдохновения авторам, новых идей и ценных находок коллективу редакции журнала «Русский путь».

С. Кузнецова, «АиФ»,
член Союза журналистов России

ДУШОЙ БОЛЕЯ ЗА РОССИЮ

Читатель журнала — это патриот России. Не сусальный «ура-патриот» эпохи всеобщего равенства и не скользкий ельцинский «россиянин». Это человек, болеющий душой за Россию, за русских, независимо от нации и веры. Направленность журнала и есть тот цемент, позволяющий объединить столь разных по стилю, языку, жанрам авторов. Кстати, составитель, это заметно, внимательно следит за языком. Читать журнал легко, «вкусно». Читается на одном дыхании, не хочется откладывать, жаль — не столь велик объем. Многовато поэзии. Но это для меня, я не большой любитель и далеко не знаток поэтических жанров.

Привлекая крупные формы, может быть, получится сделать журнал и ежемесячным. И последнее — тираж не «адекватен» читательскому кругу, надо больше.

Василий Кольга, 58 лет, учитель.

УДЕРЖИТЕ ВЫСОКУЮ СТУПЕНЬКУ!

Случайно мне в руки попали два первых номера журнала «Русский путь», издаваемого вами. Как хорошо, что в Ярославле появился, наконец-то, свой литературно-художественный, общественный и научно-популярный журнал высокого уровня, не уступающий ни в содержании, ни в оформлении журналам подобного направления, издаваемым в Москве.

Сколько талантливых, умных, думающих людей живет в Ярославле! Знакомству с этими именами мы обязаны вам. Открытием для меня, например, стало имя юной талантливой поэтессы Ольги Люсовой, а публикации новых рассказов Алексея Серова буду ждать с тем же нетерпением, с каким много лет назад все мы ждали рассказов В. Шукшина.

Вы предоставили возможность высказать свою точку зрения и молодым ученым, опубликовав статьи А. Еремина о месте и роли православной церкви в современной России, и С. Пилецкого — по проблемам социобиологии. Я думаю, многие из читателей поддержали бы разговор на темы, затронутые авторами.

Особое спасибо за память об ушедших поэтах. Поэтов надо помнить, особенно тех, кому не додали славы при их жизни, а это и М. Петровых, и Е. Савинов, и С. Лукин.

Желаю вам удержать ту высокую ступеньку, на которую вы поставили свой журнал «Русский путь», пусть он станет журналом, просвещающим души. Желаю вам и дальше находить талантливых авторов.

Думаю, что найдется много людей, кому небезразлична судьба вашего журнала и кто хотел бы сотрудничать с вами в вашем благородном деле.

С пожеланием успехов,
Т. Нуждина, библиограф. фонд. биб-ка ЯГПУ.

ОТРАДНОЕ СОБЫТИЕ

Бесспорно, выход первых двух номеров литературного журнала «Русский путь» стал заметным явлением и отрадным событием в литературной жизни нашей области,

Уже при беглом знакомстве с его авторами, среди которых, к всеобщей радости, преобладает молодежь, можно с уверенностью говорить о завтрашнем дне ярославской литературы. Вроде бы еще вчера Евгений Барышев, Иван Овсянников или Ольга Люсова довольствовались разборками полетов своего творчества в литобъединениях и на семинарах, а сегодня они уже широко представлены на страницах журнала большими подборками, с фотографиями и биографическими справками.

И не только они, словно отсеяв крупинки золота от породы, «Русский путь» напомнил нам и о том настоящем и талантливом, чем мы, ярославцы, можем гордиться: Марии Петровых и Евгении Савинове. Широко представлены также многие наши современники — активно работающие литераторы из обоих творческих союзов, есть публицистика и воспоминания — и в итоге получился добротный литературный журнал, дающий представление о сегодняшнем дне ярославской литературы. Но ведь это только начало, проба, первый опыт. Пробудив интерес читающей публики, и найдя материальную поддержку региональной власти, журнал обещает быть востребованным не только в ярославской провинции, а и в общероссийском, а может, даже и мировом масштабе — но не будем об этом пока загадывать.

В любом случае, издание своего периодического литературного журнала — большое благо, как для авторов, «тискающих» свои произведения малыми тиражами за счет собственных средств и на деньги спонсоров, так и для почитателей изящной словесности, которые смогут регулярно знакомиться с новинками ярославской литературы. Ведь как ни странно, рыночная экономика коснулась и многих издающихся в столице толстых журналов, попасть на страницы которых ярославцам все равно, что слетать из пушки на Луну. И, слава богу, что многие пишущие уже поняли, что посылать свои рукописи в Москву — напрасный труд — не придет ни ответа, ни привета. А тут как-никак свой региональный журнал, вроде «Волги» или «Севера».

В качестве замечаний хотелось обратить внимание издателей на некоторую оригинальность формата «Русского пути», который и вширь и ввысь, как и его предшественник, журнал «Русь», не вписывается в общепринятый для таких журналов формат (70x108 1/16).

Самому же изданию можно только пожелать дальнейшего становления, а со временем и создания своего общественного редакционного совета, и, конечно, скорейшего перехода на гонорарную систему оплаты — ибо всякий уважающий себя литературно-художественный журнал предполагает не только выплату авторского вознаграждения, а порой еще и ежегодные литературные премии. Для наших литераторов — это будет большая поддержка.

Олег Гонозов, член правления
ярославского отделения
Союза российских писателей.

СКВОЗЬ СТЕНУ РАВНОДУШИЯ

Прочитан 2-ой номер журнала. Убеждаюсь в закономерности: на что-то стоящее, хорошее натыкаешься неожиданно, нечаянно. Прочитав 1-ый номер вашего издания поняла: нашлись люди, которые смогли пробиться сквозь стену равнодушия. Как удалось редактору собрать в единое такие силы? Валерий Есенков («Жребий») в писательских союзах не состоит — считаю, несправедливо. Камнепад из маленьких рассказов Евгения Барышева бережит душу. В память о Е. Савинове подобраны его лучшие стихи, они злободневны. А вот опыты Олега Гонозова считаю неудачными — напомнили детское «четыре черненьких чумазеньких чертенка». Второй номер выиграл в дизайне: качественная бумага, редкие фотографии М. Дмитриева из коллекции М. Савицкого. Быль-сказка «Аленка» Александра Богатырева, объяснения к стихам Е. Чеканова — вот оно, подтверждение необходимости издавать этот журнал. Он интересен людям разных возрастов, разных убеждений.

Л. Тихонова,
г. Ярославль.

МНОГАЯ ЛЕТА

Я, полагаю, выход журнала можно назвать делом обычным. У нас сейчас выпускается великое множество самых разных журналов.

Но... издание журнала в Ярославском регионе, да еще литературно-художественного, — это событие. Событие очень большое, значимое, за которым большое будущее...

Журнал долгожданный для нас, библиотекарей. Объясню, почему. «Толстые» журналы давно не выписываются нашей библиотекой. И цены велики, да и той могучей литературной силой они перестали быть. Достаточно вспомнить хотя бы «Новый мир» в начале перемен. Региональных журналов высокого уровня тоже сейчас не назову. А ведь процесс литературный идет, литература живет, поэзия живет и, может быть, более всего, живет именно у нас в провинции. Публикации авторов в газетах недолговечны. Иное — журнал, его можно хранить долго, возвращаться к написанному, проследить, наконец, куда пошли, к чему пришли, о чем писали, пишут и будут писать.

Нам, библиотекарям, этот журнал нужен, чтобы следить за литературной жизнью края, чтобы видеть будущее литературы. Очень хочется надеяться, что журнал станет школой для молодых литераторов, для думающих людей, и именно молодых: поэтов, писателей, политологов, культурологов, историков нашего края.

Журнал нашел удачные рубрики, рядом с традиционными: «История в лицах», «Память», «Наука и общество», «Точка зрения»; вероятно, будут еще находки.

И, я полагаю, само название «Русский путь» — обещающее и значимое. Очень удачное, художественно красивое и строгое оформление журнала.

Наличие в регионе своего журнала такого уровня — это воспитание определенного мировоззрения, создание культурного и творческого потенциала для развития русских литературных традиций.

Журнал — это символ единения пишущих людей провинции, лаборатория идей, творческих замыслов и перспектив.

Я желаю создателям журнала удерживать этот высокий уровень начала... Чтобы это замечательное начинание было поддержано всеми, а особенно властями.

Библиотечная общественность сегодня говорит новому журналу: «Многая лета»!

Г.А. Лебедева,
директор Опочининской библиотеки города Мышкина,
заслуженный работник культуры.

УСПЕШНОЕ НАЧАЛО

Позвольте выразить вам огромную благодарность в связи с выходом журнала «Русский путь».

Рождение этого журнала — радостное событие для библиотекарей и для наших юных читателей, для всех ярославцев. Это как глоток чистого воздуха для тех, кто живет жизнью духовной, кто любит литературу, свой край, кто не безразличен к судьбе Отечества. Ярославцы могут гордиться тем, что на их древней земле, богатой литературными традициями, появился журнал с таким емким названием, журнал, приглашающий вступить на путь к истинным жизненным ценностям. Такой журнал особенно нужен молодым ярославцам, нашим юным читателям, тем, кто выбирает дорогу в жизни.

Ваш журнал открыт для новых имен, и это здорово. Как еще начинающим авторам заявить о себе? И как же нам, читателям, открыть талантливых поэтов, писателей? Вы предоставляете нам такую возможность. Спасибо!

Уже в первом номере журнала я увидела много знакомых имен: Барышев, Люсова, Есенков (мой бывший преподаватель)... И как отрадно, что именно в первом номере раздел «Память» Вы посвятили Марии Петровых и Евгению Савинову. В этом году наша библиотека будет отмечать 105 лет со дня основания. Она является преемницей бесплатной Некрасовской народной библиотеки (не путать с областной Некрасовской, при рождении — Пушкинской). И, конечно, нам дорого все, что связано с именем Некрасова. И вот во втором номере журнала — подарок для нас: публикация о Константине Федоровиче Некрасове. Кстати, в нашей библиотеке есть книга с его автографом.

А с каким трепетом я читала стихи Сергея Лукина и статью о нем Любове Новиковой! Когда-то в нашей библиотеке на вечере поэзии молодой Сергей Лукин читал свои стихи, опубликованные в газетах. Он был рожден поэтом, жил в другом измерении. Бережно мы храним его стихи, опубликованные в газетах. И вот эти легкие, свободные стихи вновь возвратились в жизнь, к читателям, и вновь ошеломили, заставили трепетно биться сердце.

Еще одно достоинство вашего журнала — прекрасное оформление. К сожалению, многие российские «толстые» журналы довольно безлики. Ваш журнал очень эстетичен, его приятно читать. Изящный старинный шрифт, выбранный для названия журнала, сразу вызывает ощущение некой праздничности и торжественности.

Уважение к авторам и читателям проявляется даже в том, как свободно размещены тексты в журнале. И сразу заиграло, заискрилось каждое стихотворение, а прозу хочется читать и читать. Беда многих книг и журналов наших дней — экономия на полях (особенно внутренних, у корешка). В вашем журнале и эта деталь подчеркивает русский характер — широту души и уважительное отношение к собеседнику. Еще одна особенность журнала — небольшие, яркие биографические зарисовки об авторах.

Постарайтесь сохранить эту традицию. Нам, библиотекарям, это очень помогает в беседах о журнале с читателями.

Да, журнал состоялся! Начало его успешно. Желаю вам сил, удачи, верных друзей, покровителей и меценатов, которые помогут продолжить доброе и нужное дело.

Примите самые искренни слова благодарности от меня, моих коллег и юных читателей.

Л.М. Климова, зав. юношеской библиотекой
им. Н.А. Некрасова г. Ярославля,
заслуженный работник культуры РФ,
лауреат областной премии им. Н.А. Некрасова.

А МНЕ КАЗАЛОСЬ, ЧТО ЛИТЕРАТУРНОЙ ЖИЗНИ В ЯРОСЛАВЛЕ НЕТ

До недавних пор я была уверена, что ярославская литература исчерпала себя, и даже скажу больше — что никогда она и не была особо выдающейся на фоне столичных авторов — ни во времена «золотого», ни во времена «серебряного» века.

Не скажу, что мое мнение в корне изменилось, когда я ознакомилась с двумя первыми номерами вашего журнала. Но что изменилось к лучшему — это факт, могу сказать со всей откровенностью. Никогда не думала, что в Ярославле живут и работают такие талантливые поэты и прозаики, и притом — достаточно молодые! Это и удивило меня, и порадовало.

Тем более странно, что нигде ранее я не встречала эти имена, хотя, может, достаточно мало интересовалась, что происходит у нас в литературной жизни города. Мне казалось, что никаких ярких событий у нас попросту нет. Я рада, что вам удалось опровергнуть эти мои убеждения.

Буду с интересом следить за дальнейшими выпусками журнала, желаю вам всяческих успехов на этом поприще.

С уважением, Елена Миледина, г. Ярославль

У СТАРЫХ ФОТО — СОБСТВЕННАЯ МАГИЯ...

Здравствуйте, редакция журнала «Русский путь»!

У меня была возможность ознакомиться со 2-м номером вашего журнала, в связи с чем появилось желание написать маленький отзыв.

Во-первых, сам журнал сделан отлично — формат, оформление, особенно представление авторов — с фото и краткой биографией. Далеко не все издания подобного рода могут этим похвастаться. Словом — задумка отличная.

Во-вторых — что касается содержания. Здесь, как мне кажется, редакции еще только предстоит «найти себя». Понятно, что сделать это сразу невозможно. В частности, «соседство» статьи о Генрихе Гиммлере со стихами как-то не очень вяжется. Хотя, опять же, об этом можно спорить. А вот сами стихи хороши. Особенно мне понравилась подборка Сергея Лукина с послесловием Л. Новиковой, а также стихи В. Левашова и Димы Васильевского, только непонятно, почему обе эти подборки такие маленькие по объему.

Современную сказку Богатырева «Аленка» я не поняла — в смысле, зачем она — ничего нового автор, на мой взгляд, не сказал. Еще хотелось бы отметить интересные фотографии «волжских босяков», представленные Савицким. Старые фотографии вообще имеют собственную магию, хотелось бы и в дальнейшем видеть их на страницах журнала.

Такие вот мои впечатления, если коротко.

Сама я тоже немного пишу и, возможно, в дальнейшем попробую представить вам на суд некоторые свои материалы, если позволите.

Успехов вам в дальнейшей работе!

С уважением, Бирюкова Елена, г. Ярославль.

ВНУТРИ ЛУЧШЕ, ЧЕМ СНАРУЖИ

Прочитал (выборочно) два первых ваших номера. Сначала об оформлении — внешний вид несколько унылый, хотелось бы повеселей, посветлей что ли. Внутри (бумага, фотографии) все отлично — 5 баллов. Иначе говоря, внутри лучше, чем снаружи — и, боюсь, многих читателей вы можете недосчитаться по этой обидной причине.

Что касается самих материалов — то налицо попытка достичь достаточно высокого уровня текстов. Это очень приятно, но опять же оттолкнет читателей с рядовыми вкусами — тех, которые читают дамские романы и детективы — а их, к сожалению, большинство.

Непосредственно же поэзия и проза в журнале хороши. Рассказ «Аленка» Богатырева — очень силен. Произведения А. Серова (особенно «Злоба ночи» — в 1-м номере) также оставляют хорошее впечатление. Материал про волжских босяков, про издателя К. Некрасова — очень интересны. Поэзия запомнилась — Д. Васильевского, Т. Пироговой и др.

Словом, сама идея литературно-художественного издания, и ее воплощение в первых двух номерах заслуживает похвалы. Хотелось бы надеяться, что журнал найдет своего читателя и среди широкого круга любителей литературы в такое непростое для искусства время. Успехов вам и всего самого доброго!

С уважением, Александр Плюсин,
г. Ярославль.

ГОНОЗОВ — ЛУЧШЕ ВСЕХ!

Уважаемая редакция журнала «Русский путь»!

От души поздравляю вас с выходом первого номера вашего издания в свет!

Я с удовольствием и интересом ознакомился с ним. Очень радует и обложка, и качество бумаги, и то, как представлены авторы — с фото и краткой биографией. Именно так и должен делаться литературный журнал!

Из представленных произведений мне больше всего понравились рассказы «На три буквы» Олега Гонозова. Прочитал их, и весь наполнился положительными эмоциями!

Еще мне понравились стихи Ольги Люсовой, произведения которой я читал и раньше. Я с интересом буду следить за дальнейшими номерами журнала. Желаю вам успехов в работе и творчестве!

С уважением, Дмитрий Макашин,
г. Ярославль.

ПОТРЯСАЕТ РАССКАЗ БОГАТЫРЕВА

Недавно я случайно познакомилась со 2-м номером журнала «Русский путь». Видела в продаже его 1-й номер, но, отметив, что это первое издание, равнодушно прошла мимо. т.к. его внешний вид не обещал ничего интересного.

Но когда я открыла журнал, меня приятно удивила добротная бумага, от чего мы давно отвыкли. Веером пропустила листы из-под большого пальца, и на меня со страниц посмотрели какие-то странные фотолица... Стало очень любопытно, чем же могут обогатить нас, читателей, люди с такими лицами и, простите, интеллектом.

Но я очень ошиблась. Рассказ, вернее, сказка для взрослых «Аленка» меня потряс и новизной сюжета, и своей правдоподобностью в нашем современном, таком удивительном мире... Несколько дней была под впечатлением этой истории о девочке-уродке, ставшей миллионершей. Даже купила 1-й номер журнала, чтобы познакомиться с биографией автора, после чего он стал для меня почти близким человеком (имею в виду его трагическую судьбу).

Стихи, которых множество в журнале, я оценить не в силах, но прочла на одном дыхании, некоторые из них очень трогательны, другие будят высокие чувства, о которых мы как-то вроде позабыли в суете дней. Горжусь, что в нашем городе живет и пишет такая духовная молодежь. Несомненно, что и для серьезных людей в журнале много ценного исторического и литературного материала.

Одним словом, я приветствую новый литературный журнал, который, надеюсь, станет культурным явлением нашего родного Ярославля и будет пользоваться любовью и уважением читателей.

И все же хочется хотя бы страничку юмора, или какие-нибудь любопытные факты, которые разбавили бы нарочитую серьезность тем и привлекали бы больше молодых читателей.

С уважением и наилучшими пожеланиями,
Семенова Маргарита Константиновна,
г. Ярославль.

КИСЛОРОДНАЯ ПОДУШКА

Думаю, что у всех нас, кто воспитывался на русской культуре, но оказался вдали от ее почвы, со временем возникает некоторый вакуум. Переселение за границы отечества требует наживания «интвентаря», связанного с новой культурной средой. Чтобы не чувствовать себя инородным телом в чешском пруду (мой частный случай), вначале — в дежурном порядке — призываешь на помощь Гашека, Чапека, потом — Сейферта, дойдет дело и до Кундеры. Только вот чешский ли это писатель или уже французский — одному критику известно. И вот, когда вам уже примерещится, что местный менталитет усвоен на три балла, которых, кажется, достаточно, чтобы сориентироваться в типично чешских шутках, а значит, и достойно выжить, можно расслабиться. Да не удастся. Потому что подспудно вы ощущаете, что, отдав все время накоплению процентов на культурном счету в чужом банке, вы не заметили, как было утрачено фамильное серебро. Как истончилась ниточка, все еще связывающая вас с домом. Так образуется вакуум — вы неизбежно почувствуете недостаток родного воздуха.

Журнал «Русский путь», по стечению случайностей, оказался в один из таких пасмурных дней рядом и сослужил мне службу, по эффекту сравнимую со своевременным приездом «скорой». От сердца отлегло. Кислородная подушка, взбитая авторами январского номера «Русского пути», сделала свое дело.

Почему я радуюсь? Трезвая оценка перспектив развития России в статье Александра Богатырева «Пора меж волка и собаки» была бы просто немыслима раньше. Реалистичность и отвага ее положений, думаю, может иметь прямо оздоравливающий эффект для общества. Чужаку, наверное, такой операции народного сознания без наркоза, может, и сейчас бы не простили. Или я ошибаюсь? Отрадно, что живут-таки пророки и в своем отечестве.

Журнал подарил и открытие — оказывается, была такая удивительная поэтесса — Мария Петровых.

«Конца не видно. Может быть, иду Уже не я. Иду, не умирая», — написано ею в 1942 году. Эхо ли войны отозвалось в ее испепеляющем вопросе? «Иду уже не я?» — хватит ли у нас сегодня мужества спросить самих себя?

Тронула «встреча» с Олей Люсовой. Многие стихи ее аукнулись с собственными ощущениями. А клубок истории, вдумчиво разматываемый Валерием Есенковым в главе из жизнеописания «Иоанн царь Московский Грозный»! Когда в школах будут учить историю по таким живым пособиям? Не упоминаю об остальных авторах номера лишь по той причине, что растягиваю удовольствие от первого знакомства — журнал еще не дочитан.

Очень радостно, что у ярославцев есть своя жилплощадь — «Русский путь», на квадратных метрах которой можно плакать и смеяться, и любить. Есть крыша над головой. С новосельем вас!

Лорета Вашкова, Прага.

ПЕРЕЛОМНЫЙ ДУХ

*«Умеющий услышать и, услышав, погибающий, — он с нами.
И вот ему — вся нежность нашей проклятой лирической души.
И все проклятые яства с нашего демонского стола».*

А. Блок.

Я не зря начинаю свое письмо словами Блока, которыми он когда-то созывал всех смелых на вселенский поэтический пир.

В своем интервью Евгений Чеканов высказывается о сверхзадаче — поменять кровь ярославской литературы. Что ж, первые шаги сделаны.

И возможно, не в таком уж далеком будущем мы услышим голоса пирующих. Возможно, «Русский путь» будет отправной точкой, станет плодородной почвой, на которой взойдут молодые, сильные, сочные побеги. В журнале очень сильно чувствуется переломный дух. Желание убрать пелену с глаз. Показать, что есть красиво, и, что есть настоящее. И очень здорово, что, на момент рождения, этот дух уже присутствует.

В свое время «Новый мир» был пропитан, как многие сейчас утверждают, марксизмом, ленинизмом и прочими «измами», но он очень сильно передавал дух своего времени. С этим и вошел в историю. И ничего равного нет и по сегодняшний день.

Мне очень понравилось, что некоторые авторы делают акцент на нас сегодняшних, показывают нам всю нашу жалкую, трусливую, убогую суть. Однако, при всем при этом, мы претендуем на статус в обществе, говорим об образованности. А оказывается, нужно почаще смотреть на себя в зеркало. И не бояться своих комплексов, не лелеять их, не прятать под одеяло, а стремиться их осознать и убрать.

Мне кажется, что, прочитав «Русский путь», читатель задумается. Во всяком случае, сможет сравнить и расставить приоритеты. Тот, кому еще можно помочь спросит сам себя: «На чем будут расти мои дети, что они будут читать? «Космополитен»?»

Вот, пожалуй, «Русский путь» вольет новую кровь не только литературе, а и даст толчок, чтобы в головах масс все же переключился тумблер.

Огромнейшая благодарность и низкий поклон редакции журнала.

Серебрянникова Виктория,
сотрудник банка, г. Киев.

КОНСОЛИДИРОВАТЬ ЛИТЕРАТУРНЫЕ СИЛЫ

Выход в свет регионального «толстого» журнала свидетельствует о многом. Прежде всего, хочется подчеркнуть его прогрессивную роль (на которую хочется надеяться), как консолидирующего центра ярославской литературы. Широкая программа, заявленная редакцией, дает возможность предположить, что на страницах данного издания будет

возможность проследить все стороны духовной и интеллектуальной жизни края, станут обсуждаться наиболее актуальные проблемы нашей жизни.

Для сотрудников нашего музея данный журнал представляет особый интерес, так как это — единственный литературный музей в области. Одной из задач музея является документирование литературного процесса в Ярославском крае — и наличие журнала с его консолидирующим началом значительно облегчает этот процесс.

На страницах журнала нашлось место и для рубрики, которая рассказывает об истории и традициях края — «Память». В первом номере помещены стихотворения Марии Петровых, одной из ярких представителей русской поэзии серебряного века. Знакомство с лучшими образцами русской поэзии помогает читателям воспитывать хороший вкус.

Представляет интерес и публикация Михаила Савицкого «Нищие, странники, босяки», представляющая типы ярославцев в XIX веке. Читая статью Михаила Павловича, удивляешься его знаниям, той теплоте, с которой написано это небольшое эссе.

Заслуживает внимания и рубрика «Наука и общество», которая дает возможность познакомиться с достижениями, поисками и гипотезами современной науки. Предоставление возможности публикаций разных точек зрения авторов отражает тот плюрализм мнений, который существует в обществе сегодня.

На наш взгляд, работа журнала будет способствовать сплочению общественных сил, воспитанию чувства «малой родины», актуализации тех или иных проблем общества и, в самой большой степени, развитию ярославской литературы.

Хотелось бы высказать пожелания в адрес редакции — наладить обратную связь с читателями, более активно заниматься вопросами распространения журнала среди заинтересованных организаций и учреждений области и региона.

Е.В. Сарычева, главный хранитель
Государственного литературного мемориального
музея-заповедника Н.А. Некрасова «Карабиха».